

*Посвящается
подпольщикам Ставрополя
(1941-1945)*

*О подвигах стихи слагают,
О славе песни создают,
Герои никогда не умирают,
Герои в памяти живут*

УДК 94(470.630)
ББК 63.3(2Рос-4Ста)
К-21

Редактор:

Председатель Ставропольского краевого Совета ветеранов,
председатель Совета старейшин
при председателе Думы Ставропольского края,
кандидат педагогических наук
А. П. Карабут

Редакционный совет:

А. П. Карабут (председатель),
Г. П. Галич, И. А. Гриценко,
Л. В. Зотова, В. А. Смоляков,
М. А. Денисенко.

«Герои в памяти живут»/сборник, ред. А. П. Карабут-Ставрополь: 2026-264с

Издан в канун 81-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне (1941-1945) и памятной даты - Дня партизан и подпольщиков - с целью собрать воедино историко-информационные материалы о подпольной группе в селе Величаевском Орджоникидзевского края (ныне Ставропольского), действовавшей в период оккупации края немецко-фашистскими захватчиками в 1942 году.

Иллюстрации, фотографии, информационные тексты - из свободных источников и предоставленные В. А. Смоляковым - председателем Совета ветеранов Левокумского района, В. М. Гринько - заведующей музеем величаевских молодогвардейцев (филиала МКУК ЛМО СК «Историко-краеведческий музей имени В. Р. Яснова»), Е. Ю. Замулиной - экскурсоводом музея.

Выражаем глубокую признательность первичным ветеранским организациям, работникам сельских, школьных музеев, Залов Боевой и Трудовой Славы Левокумского района, всем, кому не безразлична история нашего Отечества.

© Ред. Карабут А. П.
© Ставрополь, 2026

*Отпечатано в типографии - Ставрополь, ИП Доофеев В.
Формат 60х84/16. Бумага офсетная, 80г.
Гарнитура «Times New Roman»
264с., тираж - 100 экз.*

Ставропольская краевая общественная организация
ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил
и правоохранительных органов

Герои в памяти живут

Уважаемые читатели!

Сборник «Герои в памяти живут» - издан в канун 81-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне (1941-1945) и памятной даты - Дня партизан и подпольщиков с целью собрать воедино историко-информационные, документальные и фото материалы о молодежной подпольной группе в селе Величаевском Орджоникидзевского края (ныне Ставропольского), действовавшей в период оккупации края немецко-фашистскими захватчиками в 1942 году.

День партизан и подпольщиков появился в календаре памятных дат России в 2009 году. Дату выбрали не случайно - 29 июня 1941 года была опубликована директива Совнаркома и ЦК ВКП (б) о создании в местных органах власти, профсоюзах - комсомольских ячеек партизанских отрядов для борьбы с захватчиками на прифронтовых и оккупированных территориях.

Советские подпольщики с честью выполняли возложенную на них задачу. Партизаны действовали с первых месяцев войны, подрывали мосты, готовили засады для немецких оккупантов, добывали секретные документы, обрывали линии поставок, связи, сообщали о передвижениях врага. Диверсионной деятельностью занимались мужчины, женщины, подростки даже дети.

С 1941 по 1944 годы на территории СССР действовало около 2,6 тысячи партизанских отрядов, в которых состояли более миллиона человек. Одной из грандиозных операций партизан и подпольщиков была рельсовая война. Партизанское движение Великой Отечественной войны - уникальное историческое явление. На оккупированных территориях партизанские отряды стали символом народного сопротивления врагу.

Комиссар маршевой роты Попик Ерм Трофимович (1911-1976) с 1941 участвовал в боевых действиях на Кавказском фронте, в послевоенные годы большое значение уделял патристическому воспитанию молодежи.

Ерм Попик был в составе комиссии РК КПСС и райисполкома Левокумского района по изучению работы Величаевской подпольной организации. Собранный материал о работе молодогвардейцев Величаевского в 1950 году опубликован в его документальной книге «Величаевские молодогвардейцы». Данная книга легла в основу художественно-документальной повести Генриха Ермовича Попова «Смелые сердца», изданной Ставро-

польским книжным издательством в 1961 году.

В 1978 году бюро Левокумского районного комитета КПСС приняло решение открыть музей величаевских молодогвардейцев в доме, где жила семья руководителя подпольной организации А. Скокова и где в годы оккупации собирались молодые подпольщики. Это единственный дом-музей Героя Советского Союза, посвященный молодёжному подполью на территории Северного Кавказа.

В фонде музея насчитывается более 2000 экспонатов, сотрудниками музея собраны предметы быта, фотографии, документы, связанные с историей села Величаевского, ведётся работа по сохранению памяти земляков - участников Великой Отечественной войны, Специальной Военной Операции.

Ветеран труда В. А. Смоляков после окончания исторического факультета Ставропольского педагогического института работал учителем истории, директором средней школы №2 с. Левокумского. «Подвиг величаевских молодогвардейцев» - книга, которую посвятил он 90-летию со дня рождения (15.07.1925) А. И. Скокова. Сайт еженедельной рубрики «Бессмертный книжный полк» рекомендует её для чтения.

Школьница С. Магомедалиева, например, стихотворением «На войну шли парни» приняла участие в Ставропольской общекрайевой библиотечной акции, организованной в честь 81-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов (Ставропольская краевая библиотека для молодежи имени В. И. Слядневой). Не перечислишь земляков, интересующихся подвигом величаевских молодогвардейцев, желающих сохранить память о вставших на защиту Родины в трудные годы Великой Отечественной войны. Подвиг молодогвардейцев - бесценный вклад в великое дело Победы.

Выражаю глубокую признательность председателю Совета ветеранов Левокумского района В. А. Смолякову, заведующей музеем величаевских молодогвардейцев (филиала МКУК ЛМО СК «Историко-краеведческий музей имени В. Р. Ясинова») - В. М. Гринько, экскурсоводу музея - Е. Ю. Замулиной, которые предоставили материалы брошюры «Чтобы помнили» для публикации этого сборника; первичным ветеранским организациям, работникам сельских, школьных музеев, Залов Боевой и Трудовой Славы Левокумского района, всем, кто хранит и передает правдивую историческую память Отечества подрастающему поколению.

А. П. Карабум

Первые издания
повести Г. Попика
«Смелые сердца»

Глава первая

ХОТЕЛИ СТАТЬ КАПИТАНАМИ

Если говорить о мечтах мальчишек и девчонок села Величаевского в ту пору, когда они перестали быть детьми, но не стали еще взрослыми - их мечты были самыми скромными. Наташа Антонова с пятого класса хотела стать Анкой-пулеметчицей. Петя Базалеев мечтал повторить подвиг тезки Петьки, чапаевского ординарца. Подпасок Кузьма Напханюк, сидя ночами у чабанского костра и задумчиво устремив взор в темную степь, видел себя скачущим впереди лихой дивизии со сверкающим на солнце клинком в руке: образ Чапаева всегда стоял, как пример мужской доблести. Не расставался с зачитанным до дыр «Оводом» Шура Скоков: Риварес был его любимым героем.

Миша Заворотынский мечтал изобрести свой «Наутилус» и под таинственным именем «капитан Немо второй» лично разведывать белые пятна на голубом континенте. Миша Заворотынский сочинял стихи - это была вторая мечта - стать Маяковским. Таким, как легендарный Иван Кочубей, хотел быть Тимоша Береговой. И, конечно, были на селе будущие Павки Корчагины, пятнадцатилетние капитаны, следопыты. Книги и их герои - неисчерпаемый источник для юношеской мечты.

Среди большой и пестрой ватаги юных величаевцев были и менее романтичные, так сказать, хозяйственные натуры. И мечты у них скромнее. Лиду Карабутову можно было видеть у сельского медпункта, громко именуемого больницей. Она с восхищением и завистью смотрела, как тётя Даша, одетая во все снежно-белое, делала перевязки, выдавала лекарства со

странными и непонятными названиями - «пирамидон», «бром», «аспирин».

Вася Обмачевский часто бывал на хозяйственном дворе колхоза, мог самостоятельно запрягать лошадей, крутился у кладовой и помогал кладовщику Кузьмичу взвешивать разные продукты, заполнять несложные квитанции. Сестры Маша и Шура Фелицины бегали на ферму, в поле, на виноградники и мечтали стать агрономами. Коля Михайлюк, который уже в шестом классе обогнал всех по математике, важно говорил своему однокласснику Мише Заворотынскому: «Кончу школу - пойду учиться на математика, буду таким литератором, как ты, объяснять «пифагоровы штаны» (хотя сам пока только краем уха слышал о таких штанах).

Любимой игрой сельских мальчишек и бойких девчонок, как Наташа, была игра в чапаевцев и кочубеевцев. О Чапаеве, его соратниках они знали мельчайшие подробности из книги Фурманова и кинокартины, которую каждый просмотрел по нескольку раз. Об Иване Кочубее много слышались от отцов и старших братьев, бывших красных партизан в восемнадцатом и девятнадцатом годах. Бесстрашный Ваня Кочубей свою буйную голову сложил в их родных местах, защищая в прикумских степях рабоче-крестьянскую власть. Только вот беда - в этих играх не было «противника»: белых играть никто не хотел, поэтому

«неприятелем» были заросли колючек и лопухи, которым юные чапаевцы и кочубеевцы в лихих атаках рубили «головы».

С переходом из класса в класс, менялись мечты и игры. Шура Скоков по-прежнему восхищался мужеством, бесстрашием и честностью любимого литературного героя из «Овода», но с восьмого класса у него возникла новая мечта - стать капитаном дальнего плавания, повидать весь белый свет. Он усерднее изучал географию, физику, стал одним из лучших учеников по знанию немецкого языка, даже брался за самостоятельное изучение английского, но понял, что это не по плечу, оставил свою затею. Миша Заворотынский тоже оставил мечту о «Наутилусе», с жаром принялся за стихи и литературу, стал вожатым пионерского отряда, часами возился с малышами. Вслед за Кузьмой Напханюком в чабаны ушел Петя Базалеев, не окончив школы. Наташа стала увлекаться авиамоделизмом и техникой, ее сестра Аня, Лида Карабутова, Маша и Шура Фелицины, Вася Обмачевский, другие уже мечтали о более реальных подвигах.

Но всех мальчишек и девчонок по-прежнему влекла страсть к путешествиям и открытиям. Пока хотелось, например, съездить в Ставрополь, Пятигорск, Кисловодск и дальше - в Москву, Ленинград, а еще на Северный или Южный полюс, Америку, Африку или в Гватемалу. Да что говорить: чего только не хочется увидеть и испытать, когда тебе шестнадцатый год! Только Тимошка Береговой и Коля Михайлюк не расставались с детскими мечтами: первый по-прежнему видел себя во главе кочубеевской бригады, второй твердил о «пифагоровых штанах». И еще Тимошка Береговой любил танцевать с девчонками - первый плясун на селе и «девчачий прихвостень».

...У подпаса Пети Базалеева не так уж много свободного времени. Шутка ли, целая отара оставалась на его попечении! В первую чабанскую зиму он отличился и получил награду от правления колхоза «за геройское спасение отары». В сильный буран отару угнало за 15 километров от кошары. Он с трудом загнал овец в попавшийся по пути затишек и всю ночь охранял от возможного нападения волков. И померз же он в ту ночь, и потрусил немало под волчий вой, а отару спас. Теперь Петя при случае рассказывает об этом малышам, да так расписывает свой подвиг, что те рты раскрывают от восхищения: вот это да! Ге-

*Скокова Лариса
с одноклассниками,
2-й ряд, справа третья*

рой! Еще он рассказывал, как нашел волчье логово.

У Пети Базалеева выдался выходной, старший чабан отпустил в село. Петя давно собирался за Куму, по ту сторону плавней, где в оврагах, сказывают, и по сей день находят разные трофеи со времен Гражданской войны - то саблю, то обреза. А может, удастся и пулемет найти. Зашел он к Ваське Обмачевскому, а тот еще затемно на рыбалку уплыл. Мишки Заворотынского тоже не было дома: мать говорит, мол, три битых часа его искала, не нашла, должно быть, где-то Маяковского читает или стихи сочиняет.

По дороге от Мишки встретил Наташу Антонову, подумал: «Девчонка боевая, когда-то в играх Анкой-пулеметчицей была. Но стоит ли раскрывать секрет похода за Куму? Девчонка ведь, ребята станут «девчачьим прихвостнем» дразнить. Петя, заложив руки в карманы, хотел уже пройти мимо, буркнув: «Здравствуй», но через

несколько шагов обернулся и тихонько позвал, сделав таинственное лицо:

- Наташка!

Любопытством вспыхнули озорные глаза «Анки-пулеметчицы». Она быстро подошла к Пете и вопросительно посмотрела на него.

- На той стороне плавней, сказывают, трофеи разные есть,

*1 Мая, 1939г.,
школьные годы,
Шура Скоков
и Анна Антонова
держат венок*

пойдем на разведку. Волков по оврагам не боишься?

- Вот еще! - тряхнув косами, ответила Наташа. - Если будет война, я пулеметчицей на фронт пойду, а ты... волки. Пошли. Вот бы пулемет найти, - мечтательно добавила.

Через несколько минут, вооруженные палкой и лопатой, они садами пробирались к реке. Переплыли на лодке, вошли в камыши. Таинственно шепчутся густые заросли, шумят на ветру кроны старых верб. Наташа удивляется: - Злые ветры, бури проносятся над деревьями, а они стоят себе много лет. Наташе захотелось быть такой же крепкой, не бояться бурь, жить долго, как эти деревья. Она щурит глаза от солнца, задумчиво покусывает горьковатый прутик, сломанный по дороге.

Вспомнилось, как пятиклассниками озорovali в этих камышах, играя в чапаевцев, бегали взапуски. И хотя впереди восьмой класс, хочется вспомнить детство.

- Пятнашка! - крикнула она, толкнув Петю в плечо, стремглав кинулась вперед по тропе.

Петя оторопел на мгновение и пустился догонять озорницу. Да разве легко догнать Наташку, лучшую спортсменку школы. В беге на сто метров она обгоняет мальчишек, прыгает выше и дальше всех. Но и Петя - бегун отличный, а главное - хитрый. Он стрелой юркнул в кустарник на выходе из камышей, стараясь перерезать путь. Разгадав маневр, бегунья бросилась в сторону и скрылась в зарослях бурьяна. Оба притаились, как когда-то играли в разведку. Наконец Петя не выдержал томительного безделья, выскочил на открытую поляну, упал и застонал. Тихонько раздвинув бурьян, Наташа увидела

А. Скоков

стонущего Петю, подбежала к нему, взяла за руку: - Вставай. Что, ногу вывихнул? - с тревогой спросила. Петя цепко схватил ее за руку и стремглав вскочил:

- Попалась!

- Какой ты хитрый, Петька! - засмеялась. И они пошли дальше, весело вспоминая детские годы, хотя и сами только-только входили в пору юности. А Петька уже песню горланит - такая у него профессия песенная, чабану в степи с песней веселее жить. Наташа с завистью подумала: «Вот у Пети дело уже есть, хоть подпасок. А я еще три года буду ученицей. Пойти в арбички, что ли? Отец не пустит. Лучше учиться, стану механиком». Вдруг заметила, что спутник перестал петь, ушел далеко вперед и машет Наташе рукой.

Когда Наташа подошла ближе, он знаком показал: приседай, мол. У Петьки глаза круглые, вроде испуганные, словно он волков увидел.

- Что там?

- Тс-с... Молчи, - шепотом. - Видишь, - показал рукой в про-

с. Величаевское, 1938-1939 учебный год. Одноклассники

свет кустарников. В овраге, под кручей, спиной к ним сидел на корточках человек и руками разгребал землю.

- Притаись, узнаю, кто это.

Человек повернулся в их сторону, рассматривая что-то. Петя и Наташа одновременно узнали в нем Шуру Скокова.

- Вот те и на, - подумал Петя, взглянув на Наташу.

- А ты чего такая красная, как вареный рак?

- Ничего... так... жарко...

- Сиди здесь, сейчас его напугаю.

- Нет, - нерешительно и более краснея, сказала Наташа, - мне надо сегодня к дяде сходить, а уж поздно. Я пойду...

Вот тебе и на, глупее не придумаешь: шли, шли, а когда до места дошли - вдруг к дяде надумалось. Шура ведь трофеи нашел! Но Наташа уже убегала через кусты к берегу Кумы. Петя возмущался: зачем связался с девчонкой? Вечно у них дела неотложные: платье примерить, ленточки купить... Знаем мы ваших дядек.

Не заметил Петя, что Наташа, такая задорная и боевая девчонка, всегда становилась стеснительной и тихой в присутствии Шуры. При встрече с ним она чувствовала себя неловко, старалась быстрее уйти от него. Петя прополз на животе к оврагу, неслышно проскользнул в волчье логово, откуда когда-то забрал волчат. Отсюда хорошо видел Шуру. Тот встал, струсил с колен глину, притоптал место, где что-то зарыл и сверху набросал разного мусора, чтобы не заметить копаное место.

- Да тут тайничок. Надо узнать, что Шура прячет. - Он неосторожно шевельнулся, вниз полетели комья земли. Шура подозрительно посмотрел вверх, откуда скатилась земля, быстро полез к кромке оврага. В это время над обрывом показалась голова Пети. На его лице играла лукавинка.

- А я все видел.

- Ладно, видел, так видел. Спускайся. Все равно это мне без надобности - Он подвел Петю к тайнику и извлек из него старый, почерневший от времени горский кинжал в серебряных ножнах и наборный пояс. Петя чуть было не задохнулся от удивления: - Без надобности? Да это же ценнейшая вещь для чабана! - с недоверием посмотрел на Шуру.

- Это от Гражданской войны, может, кто из кочубеевцев оставил.

- Мы с Мишей Заворотынским весной нашли и здесь спрятали. Тут много разного оружия по островам можно найти. Помнишь, как дед Прокопов про камышанцев и кочубеевцев рассказывал? Они тут дрались. Мне кинжал без надобности, я в мореходку пойду - там кортики. Хочешь - тебе подарю.

У Пети пуще разгорелись глаза. Но Шура добавил:

- Лучше в музей сдать, для истории.

Петя огорчился таким поворотом дела, но потом нехотя согласился: - Давай кинжал в тайнике оставим, а сами будем здесь еще искать, когда пулемет «Максим» найдем, тогда и сдадим все.

Шура и Петя поклялись, что никому не скажут о тайнике, будут вместе искать пулемет, а потом сдадут в музей. Ребята, конечно, и не предполагали, что через два года этот тайничок в глухом овраге снова им пригодится, но не для сохранения ребячьих трофеев, а для более важного дела.

...Наташа Антонова монтировала с пионерами модель планера. Ребятам интересно. Фюзеляж... Плоскости... Все из фанеры, промасленной бумаги и камышинок. А если не полетит? Но уверены: если Наташа сделает - всё будет в порядке. Еще ни-

Сестры Антоновы Анна и Наталья в кругу школьных друзей

когда не обманывала. В невинных глазах мальчиков и девочек восторг, любопытство: а вдруг все-таки не полетит, разобьется. Но модель уж летит, а гурьба следом, сопровождая полет восторженными криками.

Шура Скоков и Миша Заворотынский наблюдали за возней пионеров. Увидев Шуру с фотоаппаратом, малыши загалдели:

- Фотографируй...

Каждому юному авиамоделисту непременно хотелось запечатлеть свой образ с летательным аппаратом, чтобы потом можно было прихвастнуть, что планер сделал собственными руками. Шуре недавно купили фотоаппарат, и он с удовольствием практиковался, делая снимки. В стороне стояла Наташа. Ей тоже хотелось сфотографироваться, не с планером, конечно, как малышам, а с... Шурой: «Почему бы Мише Заворотынскому не щелкнуть их вдвоем?» Но она даже испугалась своих мыслей, позвав пионеров, пошла в школу. К Шуре и Мише подошел Петя Базалеев: - Айда на охоту.

- Кузьма Напханюк приглашал. Он зазря звать не станет.

Предложение было заманчивым. Кузьма Напханюк слыл лучшим охотником среди сельских парней. На охоте с ним можно было прекрасно провести время. И Шура задумался. На этой неделе предстояло посадить с пионерами 200 деревьев, провести последнюю репетицию в драмкружке, чтобы выехать с концертом в чабанские бригады.

А Петя искушал: - Заодно посмотрим местечко на острове, где Сергей Миронович Киров бывал с отцом Напханюка. Кузьма обещал показать.

- Точно?

- Чтоб мне с места не сойти! И рыбалка там на большой! - поднял палец. - Не то, что под селом.

Тут уже Шура окончательно решил: - Только надо с Наташей поговорить, чтобы пионеров на посадку леса организовала.

На заходе солнца Шура, Петя и Миша ушли в степь, где у кромки плавней стояла чабанская бригада, в которой работал Кузьма Напханюк. Пробираясь глухими местами, в темноте вышли в открытую степь. Миновали большую вереницу скирд сена. У чабанского домика лаем встретили кавказские овчарки. Вышла старшая сестра Наташи Антоновой - Аня.

- Ты что здесь делаешь? - удивился Шура.

- Мы со школьниками пришли помочь чабанам. Убрали в домике, помыли полы, принесли новые книги. Решили остаться на ночь, а утром пойдем по степи растения для гербария собирать.

- Где Кузьма? - спросил Петя, которому не терпелось договориться об охоте.

- Его сегодня не будет. Волк стал беспокоить отару, Кузьма в засаду ушел.

А. Скоков в пионерском лагере. Верхний ряд, второй слева (фрагмент фото)

Петя оживился:

- Айда, найдем его и посидим вместе в засаде.

Шура и Миша не возражали. Вдруг в стороне прогремели один за другим два выстрела.

- Ух ты, амба волку! - закричал Петя. - Побежали на выстрел!

Пионеры, пришедшие с Аней, уже укладывались спать - кто в чабанском домике, кто рядом на сене, но, услышав выстрел, все сбежались к старшим.

Луна выплывала медленно и величаво, заливая желтым светом серебристо-голубые от обильной росы травы. В свете луны ребята увидели темный силуэт человека, который с большим грузом на плечах шел к ним. Человек казался великаном. И только когда он подошел вплотную к домику, все узнали Кузьму Напханюка. Не по годам рослый, широкоплечий, прямо-таки богатырского телосложения, молодой чабан казался еще более крупным. На плечах он тащил огромную тушу убитого зверя. Кузьма легко сбросил на землю тяжелую ношу.

- Здорово, ребята! Стрелял в волка, а попал в кабана. Вот окаяния! - и Кузьма рассказал, как кабан-секач помешал устроить засаду на волка.

Шел он по тропе в камышах к сухому острову, где, как предполагал, следовало устроить засаду. В районе этого острова часто слышен вой серого разбойника. Ветер дул в лицо, шумел в камышах, поэтому охотник не слышал, что по этой же тропе навстречу шел другой зверь, встреча с которым более опасна, чем с волком.

Кабан шел по ветру и тоже не слышал Кузьмы. На узкой тропе неожиданно лоб в лоб встретились клыкастый зверь и человек. Кузьма дуплетом выстрелил и отскочил в сторону, а секач стрелой проскочил мимо по тропе, но вскоре упал и затих. Смертельно раненный, он в горячах сделал свой последний бросок на человека. Не увернись Кузьма, плохо бы ему пришлось от клыков зверя.

- Давайте его освежем да мяса зажарим, - предложил Кузьма. - А то кишки марш играют.

Петя попробовал поднять тушу, но даже не смог сдвинуть с места. Он изумленно переглянулся с ребятами:

- Сам принес, сам и ворочай, бросил посреди дороги.

Попробовал поднять кабана Миша, и тоже безуспешно. Кузьма легко перенес тушу в сторону, засмеялся.

- А еще на охоту собирался.

- С носильщиком охотиться будешь?

- Сам как-нибудь справлюсь. Нашел дело - с кабаном возиться... Ты б с волками попробовал, - прихвастнул Петя, явно намекая на тот незабываемый случай, когда он убил волчицу.

Петя отошел от Кузьмы, ворча про себя: «Подумаешь, кабана подвалил. Будто первый раз... Ему по привычке, сызмальства с отцом на охоту ходит. Вымахал и силы, как у быка...»

Петя любил Кузьму, но всегда с завистью смотрел на его рост и богатырскую силу. Сам он был среднего роста, сухощавый и не слабый, но Кузьма - настоящий великан. Вот Шурка Скоков почти не уступает Кузьме, только чуть поменьше и не такой широкий...

Пока Петя рассуждал про себя, Кузьма и Шура разделяли кабана. Пионеры окружили ребят и с интересом следили за каждым их движением. Аня с мальчиками и девочками разводили костер.

Поужинав свежей кабаниной, довольные вечерними событиями, пионеры легли спать. Утром с Аней они собирались идти на экскурсию к острову, где вместе со старым Напханюком в давние годы бывал Сергей Миронович Киров. Шуре, Пете и Мише не спалось, пошли расставлять в плавнях рыболовные снасти, чтобы утром полакомиться вкусной ухой. Но эта ночь не закончилась только одним приключением с кабаном.

Сонно вздыхал камыш. Лунными отблесками серебрились дремлющие заводи Кумы. Изредка доносилось тихое кряканье диких уток. Ребята залезли в воду.

- Давай скорее, вода холодная, - сказал Петя, устанавливая катцы и выбивая зубами дробь.

В это время вдали вспыхнул огонек. Шура заметил его первым:

- Смотрите, ребята, огонь у стогов... Как бы не пожар...

- Если стог загорится - на все поле света хватит, - заметил Петя. - Кто-то костер развел.

Но огонь разгорался все сильнее. В небо поднялся столб пламени. Шура решительно бросил рыболовные снасти и с трево-

гой сказал: - Бежим. Если пожар - сено пропадет. Зови Кузьму с пионерами.

Через несколько минут у чабанского домика раздался тревожный крик: «Пожар!» Из база кошары выскочил Кузьма и побежал на огонь. Проснулись пионеры и Аня. Все кинулись в сторону огня. Петя на лошади помчался в село за пожарной командой.

Когда Кузьма, Аня и пионеры подбежали к скирдам, Шура уже сбивал пламя большой палкой. Горел пока крайний небольшой стожок. Но рядом стояли огромные скирды, и огонь с минуты на минуту мог перекинуться на них. Кузьма, Шура, Миша, Аня и пионеры стали между стожком и скирдой и бросали в огонь землю, сбивали пламя палками, затапывали его ногами. Вскоре на помощь примчалась колхозная пожарная команда. Пожар был потушен.

Вымазанный сажей, с опаленным чубом и бровями, Шура рассказывал председателю колхоза, как они увидели в степи огонь.

Александр Скоков с друзьями-одноклассниками, (фрагмент фото)

- Кто же мог зажечь?

- Кто-нибудь из малышей, ночных рыболовов, - заметил Шура. - Вот и удочки валяются... Набедокурили и убежали. Совет дружины найдет виновников. Председатель колхоза положил ему руку на плечо и сказал: - Если твоя пионерия - сам разбирайся, на правление выносить не надо. Комсомольская организация школы должна помочь колхозу.

Как потом выяснилось, набедокурили третьеклассники. Четверо рыболовов тайком от родителей сбежали на ночную рыбалку. Когда настала глубокая ночь, на берегу Кумы стало холодно и страшновато. Ребята собрали удочки, пошли спать к скирдам. Чтобы погреться, разожгли костер у стожка. Стоило ветерку дунуть раз-другой, стожок загорелся. Испугавшиеся ребята бросились бежать, забыв про удочки. На сборе пионерского отряда здорово влетело виновникам пожара.

Комсомольская организация школы, секретарем которой был Шура Скоков, решила установить комсомольский контроль над внеклассными занятиями и отдыхом малышей.

...Прошел еще один учебный год. Шура Скоков, Миша Заворотынский, Аня Антонова и другие одноклассники с ними перешли в десятый класс, Наташа в девятый. Наступили каникулы. Старшеклассники во главе с секретарем комсомольской организации Шурой Скоко-

*Александр Скоков
с друзьями,
третий слева, в кепке*

вым выехали в степь для помощи колхозникам убирать сено и готовиться к жатве хлебов. Несколько учеников, в том числе Миша Заворотынский и Наташа Антонова, остались в селе: им поручили наладить летний отдых младших ребят в пионерском отряде.

Шура от рассвета до самого темна, работал на сенокосилке. Его вообще увлекала работа на разных машинах. Будучи в девятом классе, он изучил мотор трактора и автомобиля, работал прицепщиком, а при необходимости мог сесть за руль трактора. Механизаторы МТС, работавшие в колхозе, с удовольствием брали себе в помощники этого рослого, трудолюбивого и толкового юношу. Шура дневал и ночевал на таборе бригады. Однако по вечерам он скучал. Его тянуло к книгам. И еще ему хотелось встретиться с Наташей Антоновой.

За последнее время они сдружились: вместе с увлечением работали в пионерском отряде, часто по вечерам мечтали о будущем. Их дружба крепла с каждым днем.

«В субботу в школе вечер вопросов и ответов о дружбе, товариществе, любви, - вспомнил Шура. - Надо обязательно побывать на этом вечере, там и Наташа будет».

...Вечер был чудесный. Солнце только-только ушло за камышовые крыши хат, легкий, едва ощутимый ветерок ласково освежал после знойного июньского дня. К школе, где ви-

*Александр Скоков
с друзьями (слева)*

село объявление «Сегодня вечер вопросов и ответов о дружбе, товариществе, любви», стекалась молодежь. На волейбольной площадке то и дело раздавался свисток судьи и крики болельщиков, наблюдавших игру. Заливисто пела гармонь. Тимошка Береговой с увлечением отплясывал «подгорную» и припевками смешил окружавших девчат.

Пришел сюда и старый Напханюк - непоседливый и любознательный старик, живая история села Величаевского за последние пятьдесят лет. Любит он бывать, где шумит, поет и пляшет молодежь. Вокруг него, как всегда, собрался кружок молодых слушателей: интересно, что сегодня расскажет всезнающий и много повидавший охотник. Он с партизанами-камышанцами бродил по плавням, с Сергеем Мироновичем Кировым охотился на кабанов, даже фотографировался с ним.

Старик достал кожаный охотничий кисет с самосадом, медленно скрутил сигарку, прикурил и, хитро щуя глаза, сказал:

- Счастливая пора у вас, ребятки. Сегодня о любви будете вопросы задавать, спрашивать, как хорошим другом и товарищем стать. Расскажу вам о настоящем товарище, который за это самое дорогое слово «товарищ» голову сложил, вот здесь. Вон видите, молодые акации старый пенёк окружили, как отца родного? В девятнадцатом году здесь деда Архипа-скрипалю повесили. Боевой старик был. Настоящая фамилия чудная была, у него, вроде б не русская. Ну, да бог с ней, с фамилией, зато слава скрипалева навек в сердцах осталась. Тогда там не пенёк, а большая старая акация стояла,

Шура Скоков (слева)

так на ней Архипа-скрипалю беляки повесили. Не выдал он своих друзей-товарищей партизан. Охотник тот дед был первейший, а музыкант - наилучший. Перед смертью в последний раз на скрипке играл, люди плакали. Да вы знаете, по селу много внуков скрипалевых бегают. Геройский народ! Видать, в деда пошли. Музыкой увлекаются, и охотники добрые будут...

Шура Скоков только что вернулся с поля. К началу рассказа старого Напханюка он не поспел. Шура раньше слышал трагическую историю Архипа-скрипалю и легенду о старой акации, от которой остался сейчас один пенёк.

Шура часто приходил с гитарой на это место, садился на пенёк той акации и играл. Незавидный инструмент гитара - не сравнить со скрипкой, но Шура умел тронуть сердца молодежи словами задушевной песни и мягким аккомпанементом.

До начала вечера было много времени. Ожидать в зале никто не хотел, поэтому молодежь развлекалась у школы.

Шура внимательно осмотрел собравшихся, но не нашел ту, которую искал. Ему хотелось встретиться с Наташей, вдвоем послушать лекцию, после проводить ее до калитки дома. И он решил пойти к Антоновым. Когда Шура подходил к их дому, из калитки вышла Аня.

- Шура? Здравствуй! Давно тебя не видела. Как дела?

Но заметив, что парень покраснел, Аня лукаво подмигнула:

- Мы с сестренкой в клуб идем.

Через минуту вышла Наташа. Она робко протянула ему руку. В сумерках приветливо

Наташа Антонова

блеснули ее глаза. Так они и шли до самого клуба, рука в руку, смущенные и радостные.

Зал школы набит, как говорится, яблоку негде упасть. В президиуме директор школы, председатель колхоза, лучший чабан Иван Никитин. И каким-то образом туда же попал Васька Глазун, мясник, которого, видимо, выдвинули в президиум для смеха. Все знали, что этот ленивый и безразличный к общественной жизни человек, уже женатый, напропалую волочился за всеми величаевскими девушками. Шура, Наташа и Аня с трудом нашли место в последнем ряду, едва поместившись на двух стульях. Издали Шура увидел Кузьму Напханюка, сидевшего с Пашкой Петушковой, красивой девушкой, которую Скоков недолюбливал за легкомыслие. «И чего Кузьма связался с этой пустышкой?» - подумал Шура.

С ответами должен был выступать приглашенный советом сельского клуба лектор из края Василий Иванович Киреев. В своем кратком вступительном слове лектор рассказал, как надо понимать прекрасные и благородные человеческие чувства дружбы, товарищества, любви, о единстве этих чувств, их великой облагораживающей силе. Он говорил об общественном и личном значении этих чувств, приводил примеры замечательных отношений между великими людьми прошлого и настоящего, напомнил классические образцы дружбы, товарищества и любви из произведений Пушкина, Тургенева, Толстого, Чернышевского, Горького, Островского. Лектор рассказывал интересно, увлекательно. Юноши и девушки, слушая его, мысленно обращались к себе, к своим чувствам.

Шура и Наташа, тесно стиснутые между сидящими рядом, тоже думали о себе и своих чувствах. Шура вспомнил недавно прочитанные в книге и записанные им в дневник мысли одного писателя о дружбе: «Другом мы называем близкого, преданного человека, который уважает и любит вас, который рад поделиться с вами самыми сокровенными чувствами и мыслями, который готов, наконец, в трудную минуту прийти к вам на помощь, поддержать, подсказать, как надо поступить в том или ином случае. Дружба - это одно из высоких благородных чувств, какие может питать человек к человеку. Дружба облагораживает. Под ее влиянием люди становятся лучше, отзывчивее».

Такая ли у нас складывается дружба с Наташей? - думал Шура. - Можно ли ее назвать своим другом? И решил: можно.

Лектор закончил вступительное слово, взял записки с вопросами, которых была целая кipa. Прочитал первую записку, улыбнулся.

- Спрашивают, что выше: любовь или дружба? Так ставить вопрос нельзя, так как сама постановка вопроса как бы противопоставляет любовь дружбе. Настоящая любовь обязательно тесно связана с дружбой - крепкой, верной.

Вопросы были различные - серьезные, легкомысленные, любознательные, шутливые. «Правда ли, что любить можно один раз?», «Что лучше: любить или быть любимой?», «Какая любовь самая сильная - первая?», «Чья любовь сильнее: кто клянется в любви или молчит о ней?», «Могут ли дружить, не любя, юноша и девушка?», «Можно ли влюбляться в женатого, и как это расценивается?», «Как проверить: любишь или нет?»

Один вопрос вызвал дружный смех, так как имел довольно прозрачный намек. Автор недвусмысленно задал его, имея в виду Ваську Глазуна, важно сидевшего в президиуме. Лектор

А. Скоков среди друзей, в верхнем ряду, в кепке

прочитал: «Может ли человек, имея жену и детей, приставать к другим женщинам?» Услышав вопрос, Глазун покраснел и заерзал на стуле.

- Такие случаи, к сожалению, бывают, - ответил лектор. Но это не типично для советской семьи (смех в зале). Это вообще невозможно среди нормальных людей (хохот в зале, аплодисменты).

Наташе было интересно, но она порывалась выйти из зала. «Шура снова уедет в поле, мы не наговоримся вволю», - думала она. Потихоньку толкнув Шуру, шепнула:

- Здесь душно, дышать нечем, пойдем на улицу.

Они стали пробираться к выходу. В это время лектор зачитал очередной вопрос: «Что такое ревность?» и начал отвечать: ревность - это пережиток...

Окончания ответа Наташа не слышала, она вышла из зала, но подумала про себя: «Если рассматривать меня с точки зрения лектора, то я сплошной капиталистический пережиток. Терпеть не могу, когда Шура с другими девчонками бывает».

Взявшись за руки, они прошли мимо виноградников к берегу Кумы. Погода чудесная.

- Как тихо! - говорила девушка, любуясь серебряной лунной

дорожкой на реке. Могучие кряжистые вербы обняли небольшие заливчики и любовались отражением бесчисленных звезд.

- Знаешь, о чем думаю? - тихо спросил Шура, держа в своей руке руку Наташи.

- О чем?

- О дружбе. Хочу, чтобы друг у меня был ясный и простой, чтобы понимал меня, как самого себя. Знаешь, я так хотел увидеть тебя, а сейчас и говорить вдруг, не знаю, о чем...

*Заворотынскому Михаилу
14 лет (слева)*

Действительно, наедине с Наташей, Шура терял дар речи. Такой разговорчивый и общительный со всеми, с Наташей не может толково связать пару слов.

Они долго бродили по берегу тихой, сонной реки, мечтая кем будут после окончания школы и вуза.

Шура проводил Наташу домой. Прощаясь, долго держал ее руку. Наташа стояла притихшая, опустив глаза. Потом подняла голову, их взгляды встретились. Они долго молча стояли у калитки. Пожимая на прощание руку, Шура сказал: - Завтра обязательно встретимся. Завтра ведь воскресенье. Хорошо?

Наташа утвердительно кивнула головой и скрылась за калиткой.

...Почти вслед за Шурой и Наташей с вечера ушел и Кузьма Напханюк с Пашкой Петушковой. Огромный, саженого роста, неторопливый Кузьма и полная, какая-то кругленькая и верткая Пашка представляли забавную парочку. Они стали под акациями недалеко от школы и долго о чем-то говорили. Издали слышался приглушенный бас Кузьмы и раскатистый звонкий смех Пашки. Когда в школе закончился вечер, шумная толпа повалила на улицу, Кузьма что-то сказал подруге и, махнув рукой, ушел прочь. А Пашка, беспечно напевая шальную песню, пошла по селу. К ней подскочил Васька Глазун, галантно раскланялся: - Не хочется ль вам пройтись там, где мельница вертится? Ах, хочется! - Он подхватил ее под руку.

Кузьма шел домой хмурый и взволнованный, никого и ничего не видя перед собой. Его догнал Миша Заворотынский. «Наверное, с симпатией поссорился», - подумал Миша, глядя на мрачного Кузьму, спросил: - Что-то быстро домой летишь и друзей не видишь?

Кузьма взглянул на него невидящими глазами и ответил: - Нет настроения, чтобы бродить по улице.

- Говорил тебе, - попробовал успоко-

Кузьма Напханюк в детстве

ить друга Миша, - не ходи с Пашкой! У неё одни наряды на уме да вечеринки.

Кузьму взорвало: - Да пошел ты... Тоже мне учитель нашелся! Иди к своим пионерам и читай нотации, я не маленький.

- Знаю, что в две оглобли вырос, - проворчал Миша и, надувшись, молча пошел рядом.

Когда Миша свернул с дороги к своему дому, бросил «Ну, прощай», Кузьма окликнул его: - Подожди. Поговорить хочу.

Они сели на лавочку у дома Миши. Долго молчали. Миша ждал, скоро ли Кузьма начнет разговор. Наконец он сказал:

- Прав ты, Мишка, баламутная она и нестоящая. Представлял ее совсем другой - ласковой, веселой.

Голос его прерывался. Ему было неприятно говорить.

- Вот так бывает. Идешь по степи в потемках. Впереди светит огонек. И манит он, и зовет к себе. А подойдешь вплотную - гнилушка... Так и с ней... Говорю, мол, до конца жизни вместе будем, а она мне косыночку под нос сует: «Вишь, Васька Глазун подарил! Же-на-атик...».

Кузьма замолчал. Миша: - И как же дальше... с Пашей?

Кузьма холодно и презрительно выжал из себя: - У-у... не Паша, а Паранька какая-то уличная.

Миша заметил: - Ну и плюнь. Завтра воскресенье, приходи, в шахматы сыграем. А то, может, на волков пойдем? А?

- Ладно, приду. Бывай здоров!

И они разошлись по домам. Но не пришлось Шуре и Наташе, Кузьме и Мише

вместе провести выходной день. В воскресенье, 22 июня, гитлеровские орды внезапно напали на родную страну. Наступили тяжелые грозные военные годы.

Семья Марии Бойко

Глава вторая

ВЫ НУЖНЫ ЗДЕСЬ

Над советской землей нависла смертельная опасность. Родина-мать призвала лучших сынов и дочерей на защиту Отечества.

Война предстояла жестокая и беспощадная, не на жизнь, а на смерть. Она могла искалечить, отнять не только здоровье, но и жизнь. Но не об этом думал советский человек, идущий на войну. Рабочие, крестьяне, интеллигенция первой в мире страны социализма шли защищать новую жизнь, во имя которой они смело шли на смерть.

На станции «Буденновск» Ивана Андреевича Скокова провожали на фронт вместе с другими односельчанами. Татьяна Алексеевна словно оцепенела, припав головой к плечу мужа. Она едва слышно горестно стонала, по лицу катились слезы. Лариска испуганно прижалась к ее юбке, страх перед ещё не ясной, но страшной неизвестностью стоял в широко открытых глазах. Шура был возбужден. Юноша страшно завидовал тем, кто уходил на фронт, и гордился отцом, который отправлялся на битву с фашистами. С «фотокором» в руках он старался поймать такой момент, чтобы отец и мать улыбались.

Кругом стоял необычный для этой тихой станции гул огромной толпы. Люди плакали и смеялись. Стоявшие на перроне, громко, изо всех сил, чтобы перекрыть общий шум, что-то кричали тем, кто уже был в вагонах; бешеными переборами заливалась гармонь, в вихревой лезгинке чертом крутился Тимоша Береговой, расплескивая свою удаль в кругу девушек.

А. Скоков, первый справа

Из дальнего вагона неслась суровая и мужественная песня:

*Если завтра война, если завтра в поход, если темная сила
нагрянет, как один человек, весь советский народ за любимую
Родину встанет.*

Вдали промелькнуло веселое лицо Миши Заворотынского. Он провожал на фронт старшего брата, известного на селе весельчака и забияку. Обнявшись, они горланили «По долинам и по взгорьям», шли в конец поезда, где в одном вагоне собрались самые «отпетые» парни, получившие назначение в полковую разведку.

Отец был необычно суров. Когда раздался второй звонок, крепко обнял мать, поцеловал в соленые от слез губы и ласково смахнул слезу с ее щеки. Поднял с земли Лариску и, нежно прижав к своей груди, легко прикоснулся губами к детскому лобику.

Затем он вскинул на плечо солдатский мешок, свободной рукой обнял Шуру за плечо и пошел к вагону. У подножки остановился и внимательно посмотрел на сына. И сегодня он словно впервые увидел своего Шуру совсем другим, уже почти взрослым: «Какой вымахал, на голову выше отца!». Затем прищурил подернутые теплым влажным туманом глаза, до боли сжал челюсти; к его переносице опустились бороздки морщин.

- Ну, Шура, работёнки теперь тебе много. Осень подходит, хлеба в степи убирать надо. Мать с сестренкой у тебя на руках остаются... Ты уж не подкачай... А наше дело, - он кивнул на вагоны, - защищать вас. И учебу не забывай...

Непрошенная слеза на миг закрыла от Шуры родное лицо отца. И сразу кругом будто все затихло. День показался знойным и душным. Он неожиданно уткнулся в запыленную фуражку отца. Сквозь слезы, которых так не хотелось никому показывать, увидел тополя, печально склонившиеся над станционными постройками, затем появилось лицо матери, губы ее дрожали, щеки побелели, как заиндевевшее стекло, глаза тревожно смотрели на детей. Шура вытер ладонью глаза, поправил обвисший вороньим крылом мокрый чуб...

- Давай, папа, поцелуемся...

Обнял сын отца, в глаза заглянул...

- Я, папа, не подведу.

- Ну, будьте счастливы, мать береги...

А у самого дрожь в голосе, словно кипит внутри.

...Вечером, когда вернулись в Величаевское, Шура вышел на улицу. На берегу Кумы тихо шептался камыш; над заводями реки в мутной синеве сумерек клубился туман. Оттуда, где были заливные луга, вместе с болотной прохладой неслись лягушечьи трели. С каждой минутой небо все гуще и гуще усеивалось то яркими, то чуть-чуть заметными звездочками.

События прошедшего дня захлестнули рассудительно спокойного Александра. Он решил сходить к друзьям, чтобы посоветоваться о том, что делать завтра. Уборка урожая уже началась. Надо было идти в поле к комбайнам, которые нынче утром лишились своих водителей или штурвальных. Дом Заворотынских стоял неподалеку, юноша решил зайти к Мишке.

Но Мишка, такой веселый и радостный днем, был хмурым и неприветливым. Сидел за столом и что-то строчил в тетради. Шмыгнув недовольно носом, Мишка буркнул:

- Приходи завтра. Новые стихи прочитаю, - и снова склонился над тетрадью.

Что ж, такой он друг - Мишка! Ничего не поделаешь! Если пишет или книгу читает - не подходи. Стихи пишет, а поэтом быть не хочет. Вечно с детьми возится. Когда Шура был начальником пионерского лагеря, еще тогда обратил внимание, что детвора так и льнет к этому нескладному, угловатому, высокому юноше. С малышами Миша был неузнаваем. Как только соберет ребят из младших классов, сразу начинается веселая возня, смех вспорхнет во дворе школы, словно стая голубей вырвется в поднебесье. Мишка бежит с малышами, суетится, его живые серые глаза светятся каким-то неумным задором, разбрызгивая радость и веселье. И хотя на школьной скамье, даже в девятом классе, Миша Заворотынский часто получал замечания за нарушение дисциплины, он все же хотел стать учителем. Это как-то не вязалось друг с другом.

Миша по своему складу характера, казалось, был рожден стать воспитателем детей. Это призвание он берег в глубокой тайне и доверил только своему дневнику. И все же одноклассники знали о его мечте. Любовь к благородной профессии учителя Миша выражал в стихах, посвященных воспитателям и учителям.

лям, которые не только преподавали основы науки, но, главное, хотели научить ребят, как нужно жить, жить по-настоящему... Вместе с Шурой Миша участвовал в работе кружков художественной самодеятельности сначала в школе, затем в колхозе, где они прошлым летом работали помощниками комбайнеров.

Село спало, когда Шура прошел мимо старой акации, охранявшей их дремлющий дом, и по скрипнувшему половицам крыльца вошел в комнату... В доме уже спали. Было тихо-тихо... И не верилось, что далеко на западе грохочет гром войны и советские воины выбегают из окопов, чтобы контратакой отбросить фашистов, освободив еще одну пядь родной земли. Где-то теперь отец?

На следующий день, чуть занялась заря, Шура был на ногах. Сегодня он самостоятельный хозяин в доме, помнит наказ отца. Быстро управился по хозяйству - убрал в коровнике, дал зерно птице, натаскал воды, нарубил дров и отправился к Заворотынскому.

Мишка встретил Шуру новой идеей.

- Знаешь, что вчера ночью надумал? - заговорщически, шепотом, чтобы не слышали домашние, сказал Шуру, на ходу напаявая папаху. - Пойду добровольцем на фронт. Айда вместе?

Про стихи, что обещал показать, даже не вспомнил. Шура от неожиданности оторопел.

- А мама с кем останется... - Сдрейфил? - вспыхнул Мишка. Его глаза засветились недобрым огоньком, из-под кепки выбился вихор светло-русых

Партизаны Ставрополя

волос, словно озорник ветер хотел забросить их прочь.

- Отец наказывал... - неуверенно сказал Шура, а сам в это время подумал: «А что если в самом деле уйти на фронт, к отцу? Ведь на фронте они нужнее...». Но все-таки, хотя и с большим сожалением, ответил:

- Знаешь, Миша, ты езжай, узнай в военкомате, я пока не могу...

- Что ж, и узнаю, - разочарованно протянул Мишка и, махнув с досады рукой, пошел за околицу, где на грейдере можно было встретить попутную машину в районный центр.

В военкомате, что в улье пчел, полным-полно народу. Во дворе, как на походном bivvake, расположилась масса людей призывного возраста.

Среди призывников в гражданской одежде бегали военные с треугольниками на петлицах и сорвавшимися до жуткой хрипоты голосами, выкрикивали по спискам фамилии будущих солдат своих команд. У дежурного по военкомату голова, наверное, идет кругом.

Мишка растерялся: как в этой сутолоке найти нужного человека, который мог бы определить его в группу добровольцев, отправляющихся на фронт? Он потолкался в толпе с полчаса, как вдруг увидел Шуру. Тот только со-

*Партизаны Ставрополя
Дрогин Иван Карпович
(первый ряд)*

шел с попутной машины и с мешком за плечами бежал к военкомату. Он сказал, запыхавшись от бега:

- Давай вместе! Чего уж тут... Вдвоем веселее фашистов бить!

Потолкавшись во дворе военкомата, зашли в канцелярию и спросили дежурного: - Где здесь добровольцев записывают?

Он бегло глянул на ребят и с досадой, что его отрывают от неотложных дел, махнул рукой, словно отбиваясь от назойливых мух. Тогда Миша зашел с другой стороны и, высоко поднимая плечи, стараясь казаться взрослым и солидным, снова спросил:

- Кому заявление?

- Насчет чего?

- Добровольно... В армию...

- А... - Удивленно протянул дежурный. - Ну что ж, пишите заявление. Вот, - дал бумагу. - А после обеда на беседу зайдёте. Автобиографию напишите, как полагается...

Ребята написали заявления и автобиографии, оставили дежурному. Во второй половине дня Миша и Шура снова пришли в военкомат. Дежурный повел к военкому. В уставших от бессонных ночей глаз военкома, обрамленных мелкими морщинками, играла добрая улыбка. Перед ним на столе лежали заявления и биографии добровольцев. Биография у каждого короткая, всего в несколько строк: имя, отчество, фамилия, рожден в 1925 году, учащийся девятого класса, комсомолец, участвует в школьной художественной самодеятельности, пионервожатый.

- Кто Скоков Александр? - спросил военком.

- Я, - вскакивает Шура.

- Сколько тебе лет?

- Шестнадцать, - стыдась своих уж очень юных лет, сказал Скоков.

- Что ж ты, друг, на фронт решился, а не подумал, кто матери помогать будет, кто урожай в колхозе уберет?

- Подумал, - бойко ответил Скоков.

- Плохо подумал. И учился, наверное, плохо, раз так думаешь. А мы ведь только отличников берем, - подмигнул военком дежурному.

Шура мельком глянул на Мишку и полез за пазуху.

- Вот, смотрите, я нарочно эти свидетельства прихватил.

- Ну, давай, давай посмотрим, что здесь у тебя... Э, да ты мо-

лодец: за семилетку - одни пятерки и девять классов окончил без зазоринки. Так, значит, отличник?

- Да...

- Ну, тут уж наше дело плохое, от вас никуда не уйдешь. Придется...

Ребята переглянулись и облегченно вздохнули. Тем временем военком почему-то свернул заявления и протянул их ребятам:

- Возьмите.

Шура почувствовал, как тоскливо защемило сердце и по спине пробежали мурашки.

- Идите домой, - строго сказал военком, - вы дома нужнее, чем на фронте. Молоды еще. Понятно?

Огорченные до глубины души, ребята вышли из военкомата. Рухнули их воинственные мечты. Знать, не суждено показать отвагу на поле брани, не испытать счастья с оружием в руках защищать Родину, не понюхать настоящего пороха, не насладиться романтикой войны.

Уныло бродили ребята возле военкомата. Здесь, на площади районного села, где на широком грейдере сходились дороги со всех сел, было многолюдно. Военкомат в эти дни стал центром, где скрещивались пути тысяч людей.

Проходя мимо штакетника небольшого скверика, ребята услышали хмельной голос:

- Пей, смелее будешь... В армии храбрых солдат любят. Иначе не возьмут!

Группа парней распивала бутылку водки, принесенную заранее для такого случая. Шура и Миша оглянулись.

- Смотри, никак, Кузьма, - сказал Миша.

- Какой Кузьма?

- Наш, величаевский, чабан Кузьма Напханюк... Вот чертяка... Смотри, как вино глушит.

- Хорош гусь! - сказал Скоков и решительно подошел к Напханюку.

- Давай сюда, - твердо сказал Шура и отобрал у оторопевшего Кузьмы стакан с водкой. От неожиданности Кузьма недоуменно поглядел вокруг. Стоявшие с ним ребята притихли, предчувствуя потасовку.

- Ты что? Кто дал право? - угрожающе опросил Кузьма. Его

могучая фигура, казалось, вот-вот раздавит Шуру.

- Я Скоков, комсомолец, не знаешь, что ли?

- Хм. Скоков... Знаю, что Скоков. Видали? А если я рожу тебе сейчас набью, тогда что?

Шура с отвращением выплеснул водку на землю и спокойно сказал:

- Иди сюда, дело есть.

Не в привычках Кузьмы было уступать, кому бы то ни было, но тут дело, казалось, было необычное. Он знал Скокова как парня честного и прямого. К тому же с ним был Мишка Заворотынский, с которым Кузьма дружил. Все еще готовый дать взбучку Скокову за самоуправство и, как он считал, оскорбление в присутствии ребят, Кузьма все же отошел с Шурой и Мишкой в сторону от компании.

- Ты комсомолец? - тихо спросил Шура.

- А тебе какое дело? Кто ты такой, чтобы допрашивать?

- Я - комсомолец! И знаю, что ты лучший чабан нашего колхоза и тоже комсомолец, а водку пьешь... Что ж это получается?

- Да я для храбрости, - успокаиваясь, сказал Кузьма, - не пью вовсе... Мы решили идти на службу, а говорят, нашего брата не берут... Ну, я думал...

- Так вот, Кузьма, мы только что вышли из военкома. Вот спроси у Мишки - не берут. Говорят, мы здесь нужны. Мы должны кормить нашу армию, мы должны работать, много работать и за себя, и за отцов. Понятно?

Кузьма почесал затылок, лицо его потеплело.

- Шо-сь такое, я не понимаю... А ты, вижу, смелый, не побойся вот этой кувалды, - Кузьма показал огромный кулак. Затем лицо его расплылось в широкой дружеской улыбке, он добавил: - Ну, держи пять, - ударил по руке Скокова, - работать так работать...

Шура залюбовался его могучей фигурой. Степное солнце как бы облило всего Кузьму бронзовой краской, цветочная пыль пропитала его запахом бескрайних просторов полей.

Минуту спустя Кузьма легко прыгнул в седло и на ходу дружески крикнул ребятам:

- Приезжайте на кошары... На охоту как-нибудь сбегает...

Глава третья

С ОТВЕТОМ НЕ ТОРОПИСЬ

Прошел первый военный год. Уставший от экзаменационного волнения, Шура связал учебники и отнес в кладовку. На столе, где раньше готовил уроки, оставил учебник немецкого языка и школьные тетради по этому предмету. Отшумела весенним дождем сказочная пора детства, солнце юности озарило его на пороге большой самостоятельной жизни. Весенний дождь отшумел даром: зерна, посеянные благодатной рукой родителей и школы, дали буйные всходы - Шура с отличием окончил десятилетку.

Лето, второе военное лето в Величаевском, шло в цветах, в богатом уборе урожая на колхозных полях. А на Западе все сильнее и сильнее разгоралась битва, на пути фашистов горели города и села, горели железо, земля. Тяжкое горе постигло миллионы советских людей, попавших в оккупацию. По-стариковски согнулись многие юноши и девушки, рано морщинами избороздились их лица. Война приближалась и к Ставрополю.

Все чаще и чаще через село на восток проходили беженцы. Их рассказы о бомбежках городов и сел, расстрелах фашистскими стервятниками мирных людей на прифронтовых дорогах вызывали глубокое возмущение слушавших. Они сурово хмурили брови, крепко стискивали зубы. Шура Скоков, Миша Заворотынский, Петя Базалеев, Вася Обмачевский, Наташа и Аня Антоновы, Маруся и Шура Фелицины, Наташа Калайтанова, Лида Карабутова - все бывшие мальчишки и девчонки - с рассвета и дотемна работали в поле.

На плечи стариков, женщин и молодежи теперь ложилась тяжесть огромного труда, который до войны был под силу сотням мужчин, теперь воюющих с врагом где-то под Сталинградом, Ростовом или на другом участке фронта. А фронт все ближе и ближе подходил к родным местам...

По вечерам Шура упорно занимался немецким языком, до глубокой ночи горела в доме Скоковых лампа. Татьяна Алексеевна, просыпаясь ночью, говорила сыну: - И чего ты этой тарбарщиной занялся? Брось фашистскую погань...

- Нет, мама, это очень нужно, - отвечал Шура.

В школе Шура сдавал немецкий на «отлично». Он хорошо читал и переводил с немецкого на русский, понимал устную речь на этом языке. Казалось, что еще нужно юноше, который не думал в будущем связывать свою работу с этим языком? Посоветовал ему совершенствовать свои знания немецкого секретарь парторганизации колхоза Иван Карпович Дрогин.

Как-то встретил он Шуру на улице и спросил: - Говорят, ты на «отлично» сдал экзамены?

- Да. Диплом с отличием получил.

- А по немецкому у тебя как?

- Тоже пятерка.

- Занимайся немецким и дальше, в наше время - это может пригодиться.

И Шура послушался совета опытного человека. Иван Карпович плохого не посоветует.

Как-то в начале июня Шуру вызвали в райком комсомола, а оттуда пригласили в райком партии.

Иван Карпович Дрогин очень долго с ним беседовал, интересовался - с кем дружит, что читает, по-прежнему ли занимается немецким языком.

- А зачем все это? - спросил Шура.

Иван Карпович посмотрел Скокову в глаза, словно хотел заглянуть в душу юноши.

- Тут должна быть одна работа. Серьезная. Человека подбираем. Думаю, что ты подходишь... Ну, да об этом после скажем. В общем - вызовем. - Шура согласно кивнул головой. Иван Карпович, закуривая, улыбнулся: - Правда, ростом ты больно велик.

- Что вы, Иван Карпович, - смутился Шура.

- Ладно, ладно. Скажу, что рост не препятствует... Ты только пока, - Иван Карпович понизил голос и подмигнул, - ни с кем об этом не говори. Скажи, насчет уборки хлеба вызывали...

Степью, морем зреющего хлеба, холмами, выжженными солнцем, бежала дорога домой. Глаза юноши светились счастьем: ему хотят доверить какую-то серьезную работу, и кто доверяет ему, комсомольцу Скокову? Райком партии!

- Ты слышала новость? - спросил Шура Наташу.

- Нет. А что случилось? - Наташа настороженно глянула на Скокова. По ее лицу было видно, что она заинтересована и не

на шутку встревожена. Подумала: «Неужели Шура с ребятами добровольцем идет на фронт. Если так - это вовсе не плохо». Но почему-то ей стало грустно при мысли, что им, может быть, придется расстаться.

- Наверное, снова на фронт собрались ехать? Ничегошеньки у вас не выйдет! - сказала Наташа и задорно вздернула носик. - Едем рыть окопы, строить оборонительные сооружения, на которых, может быть, придется драться с фашистами.

- А кто же едет? - встрепенулась Наташа.

- Все! Все едем! Райком комсомола создает ударную комсомольскую бригаду. Уверен, наши ребята будут первыми. Ты представляешь: «Комсомольская бригада величаевцев!» «Штурмовые ночи Спасска, величаевские дни!» - пропел он.

Новость эта, действительно, была важная. Ведь всем мальчишкам и девчонкам очень хотелось уйти на фронт, воевать с фашистами. Но их, увы, не брали в армию. А теперь, хотя и не на фронте, представилась возможность непосредственно помогать армии, строить для бойцов оборонительные сооружения - окопы, блиндажи, эскарпы и надолбы. И названия-то какие! Военные, фронтовые.

Наташа и другие девчонки сначала встревожились: а вдруг на окопы возьмут только мальчишек? Но Шура объявил: «Идут все, кто может

А. Скоков (1925–1942)

держат в руках лопату!» А кто же из сельских мальчишек и девчонок не держал в руках лопаты? С малых лет в земле каждый копается.

Скоков не откладывал дела в долгий ящик. К утру следующего дня бригада «Комсомольская-Величаевская» была в полной боевой готовности. Ему крепко помог Вася Обмачевский, который, как всегда, отличался хозяйской сметкой. Он договорился с заведующим колхозным складом и взял несколько десятков лопат, ломы, кирки, носилки. И все это заранее перетащил с ребятами в школу. Хозяйственный Вася прихватил запасные держак, доски, молоток, топор, гвозди, чтобы можно было в любой момент отремонтировать инвентарь.

В ночь перед отъездом никто из юных строителей оборонительного рубежа не мог спать спокойно. Шура казалось, что ночь бесконечна, что он не дожидается той минуты, когда вместе со школьными товарищами и односельчанами выйдет на участок. Он уже мысленно видел, как из-под рук юных строителей на пути фашистов встает неприступная линия обороны. И здесь враги найдут себе могилу.

Миша Заворотынский чуть ли не до рассвета сидел за столом и сочинял по поводу предстоящих событий стихи. Начинались они так: Россия - Родина, Советская Россия! Люблю тебя! Навек весь я твой! Люблю поля твои, отроги гор седые, помолодевшие под красною звездой!

Стихи заканчивались предупреждением фашистам: Нас тронули немцы. Забыли они, что Невский сказал им в далекие дни.

Вася Обмачевский всю ночь ворочался на кровати и думал: все ли необходимое припас для работы, где разместится бригада, как будет хранить инструмент...

По-своему плохо спал и Васька Балабанов, однокашник Кузьмы Напханюка и Петьки Базалеева. Ему неудобно было отставать от ребят, но жизнь «на окопах» не представляла для него никакой прелести. Вечером он кричал больше всех: «Едем! Ура!». Но домой ушел в сильнейшем беспокойстве, думал, как улизнуть от поездки. Он лежал в постели и беспокойно ворочался с боку на бок. Ничего хорошего придумать не мог - никакая болезнь не прилипла к нему. В конце концов, решился ехать, но смыться оттуда при первом же удобном случае или заболеть.

Только Кузьма Напханюк и Петька Базалеев спали крепким богатырским сном, испуская такой храп, что вздрагивали стекла в стареньких оконных рамах. Они сообщили старым чабанам, что уезжают рыть окопы, мол, управляйтесь сами.

А за остальное они были спокойны: сумеют поработать не за одного, а за десятерых, чего ж тут не спать?

...Веселая и шумная бригада «Комсомольская-Величаевская» трудилась на славу. Красный вымпел всегда развевался над ворохом свежевскопанной земли на ее участке. Мальчишки и девчонки, привыкшие к труду в поле и на огородах, казалось, не знали усталости. Кузьма ворочал громадные глыбы земли, легко орудуя тяжелой совковой лопатой. Петя работал с шутками и прибаутками, запевал боевые песни. Девушки дружно подхватывали.

В конце дня Шура подсчитывал дневную выработку звеньев, докладывал бригаде о результатах работы каждого. Его не избирали и не назначали бригадиром. Но еще с пятого класса за ним укрепилась роль вожака - будь это в школе, уличных забавах или на работе в колхозе. Он сам никогда не уклонялся от работы, наоборот, самое трудное дело брал на себя. Не возражал, если кто из ребят предлагал сделать иначе, чем думал он сам, хороший совет всегда с радостью принимал. Поэтому бригадирство само собой возлагалось на него.

Вася Обмачевский все время следил за рабочим инструментом, свободную от работы минуту использовал для того, чтобы исправить носилки, заменить сломанный держак. У Васи особый нюх на счет того, где можно найти что-нибудь полезное для бригады, особенно съестное. Васька Балабанов все время крутится около него, надеясь перехватить лакомый кусочек. Он постоянно «хворает» животом, зубами, отлынивает от всякой работы. Днями лежит в тени под кустом, а когда кто-нибудь из членов бригады подойдет, испускает полные отчаяния стоны.

Десять дней работала «Комсомольская-Величаевская» на строительстве оборонительного рубежа. И рядом трудились десятки таких же ударных фронтовых бригад. Все чаще и чаще откуда-то с северо-запада доносились тревожившие сердца громовые раскаты военной грозы. Суровее становятся лица строителей. Уже не слышны песни. А на пути врага все больше и

больше встает окопов, блиндажей, стальных противотанковых надолб и эскарпов.

Однажды вечером к строителям приехал Иван Карпович Дрогин и передал указание райкома партии: завтра утром всем разъезжаться по домам. Чувствовалось, война подбирается все ближе и ближе, она стоит почти у порога родного дома.

...Когда фронт подошел совсем близко, Скокова снова вызвали в райком. Иван Карпович поздоровался с ним за руку, внимательно, изучающе посмотрел на Шуру и сказал: - Пройди в третью комнату.

Шура задержался на мгновение перед высокой дверью, будто боялся перед неизвестностью, затем постучался и решительно открыл дверь.

- Проходи, проходи... Садись...

Комната была залита солнцем, размеренно тикали часы, строго выглядела деловая обстановка кабинета.

- Александр Иванович Скоков? - спросил пожилой человек в очках. Шура вздрогнул, впервые услышав свое полное имя.

- Я, - ответил он, вставая.

- Сиди, сиди. Слушай меня внимательно, хорошо все обдумай и с ответом не торопись... Обстановка на фронте сложилась так, что, возможно, сюда придут фашисты. Они скоро будут отсюда изгнаны. Нам нужны люди, которые должны помогать нашей армии и партизанам в тылу врага. Райком наметил твою кандидатуру. Теперь все зависит от тебя. Учти, будет очень трудно. Если попадешься - будут пытаться, конец один - смерть. А тебе еще только семнадцать лет?

- Да.

- Так вот, решай свою судьбу. Она в твоих руках. А сейчас пойди, прогуляйся, подумай, с ответом не торопись.

- Куда идти? Зачем? - с волнением сказал Шура, - сделаю, что прикажет Родина. Честное слово!

- Ну, иди, иди... прогуляйся, мне сейчас некогда, - дружески сказал человек в очках, выходя из-за стола, слегка подтолкнул Скокова к выходу.

Шура долго бродил по Левокумскому. Подошел к школе. Во дворе бегали пионеры. Он вошел в школьный сад и сел на траву, сухую и серую от пыли. Решать было, собственно, нечего. Он

должен быть в одном строю с отцом. Машинально взял сухую былинку в рот: терпко-горькая полынь обожгла язык. Разные мысли мелькали в голове: «В партизаны бы... Дратся... А в тылу что... Что делать?».

Со школьного двора было слышно, как пионервожатая строит отряд, дети беспечно шумят. Требовательно забил барабан маршевую дробь.

В небе тяжело проплыли бомбардировщики. Шура встал и проводил их взглядом до тех пор, пока они скрылись в голубой дымке. Снова вышел на улицу. Миновал памятник героям Гражданской войны, клуб, впереди блеснула светлая лента Кумы. Из камыша за уткой проковылял утиный выводок, за ним с прутиком в руке важно шел краснощекий мальчик.

- Как тебя зовут? - присел Шура перед малышом.

Мальчонке лет пять. На голове снопом пшеничной соломы рассыпались волосенки, стрелами взметнулись над голубыми глазами длинные ресницы.

- Как зовут тебя, мальчик? - повторил Шура.

- Ванюшка.

- А ты чей?

- Папин и мамин...

- А куда идешь?

- С утками, на копани.

- Да, далековато путешествуешь. А ты стишки знаешь?

Ванюшка молчит, лукавая голубыми глазами, что-то вспоминает. И вдруг стал по стойке смирно, руки вытянул немного в стороны и продекламировал громко, отчетливо: я аленький цветочек, я юный пионер, Ленина сыночек, защитник СССР. Махнул прутиком, сказал: - И танцевать могу.

- Станцуй...

Но малыш с беспокойством смотрел вперед, туда, где слышался писк утят и успокаивающее кряканье утки - Некогда, - буркнул и побежал за утками. Шура на секунду закрыл глаза. Неужели вот этот карапуз Ванюшка, те пионеры, которые только что ушли в поход за село, школа, клуб - всё попадет под пята врага? Закружилась голова от мысли, захолонуло в сердце. Нет, нет! За жизнь надо бороться...

И Скоков решительно пошел в райком. Он зашел к Ивану Кар-

повичу и попросил: - Вы зайдите к этому, пожалуйста.

- К кому?

- Кто в третьей комнате со мной беседовал... в очках. Я все продумал... Согласен.

В уголках губ Ивана Карповича Дрогина мелькнула улыбка. Он взял двумя руками Шурину голову и поцеловал горячими губами в лоб.

- Спасибо, сынок... Добрый сын у Ивана вырос... Добрый... А очкастый - это Андрей Иванович Зайцев. Из края. Старый большевик. В этих местах с Сергеем Миронычем Кировым в Гражданскую по подпольным делам практику прошел... Голова, брат.

- Он опять думать заставит. А я... А мне что думать? Я - комсомолец.

- Ничего, иди, не бойся... Думать не вредно... Прежде чем что-нибудь сделать, нужно хорошо подумать.

Зайцев беседовал с Шурой долго. Солнце перевалило через частокол камышей и провалилось в глухие плавни. С каждой минутой Шуре становилась все яснее задача подпольной работы. Он перестал даже думать о партизанах. Таинственная, полная опасностей работа. Разведка, диверсии, листовки, - от волнения вспотел лоб.

Об этом можно только мечтать! Скоков решительно сказал: «Да».

Но Зайцев все время настойчиво сверлил его мозги одной мыслью: да, все это благородно, романтично, красиво, а на деле - бессонные ночи, постоянная опасность, все время лицом к лицу с хитрым и

*В. И. Скоков,
И. А. Скоков,
Т. А. Скокова,
неизвестная, Т. Скокова*

опасным врагом и, может быть, даже смерть. Зайцев напомнил, что еще Ленин учил, что главное в подполье - это конспирация. Что делать - подскажет Андрей Иванович. А как его найти? Он сам найдет Шуру, когда будет нужно, так и сказал. Группу нужно подобрать из самых надежных ребят и девушек. Что делать? Все внимание сосредоточить на трассе Буденновск - Левокумское - Урожайное - Величаевское.

Минировать профилированные дороги, мосты, разведывать направление движения автотранспорта и обозов противника, разрушать средства связи, рвать и уносить с собой провода, спиливать и валить телеграфные столбы, узнавать численность, нумерацию, вооружение и расположение частей противника, точно обозначить, в каких зданиях размещаются штабы, комендатуры, жандармерия, где находятся склады и аэродромы, всеми силами препятствовать вывозу хлеба, скота и других продуктов, истреблять предателей и изменников Родины. Непосредственно руководить группой Скокова будет Иван Карпович Дрогин. Связным назначен Петя Базалеев.

Шура заверил Андрея Ивановича, что он будет точно следовать его советам, будет бдителен и осторожен, подберет себе верных и надежных помощников. Он назвал Мишу Заворотынского, Васю Обмачевского, Кузьму Напханюка, из девушек - сестер Антоновых, сестер Фелициных, Лиду Карабутову, из Урожайного - Таю Барко.

- В этой работе можно положиться только на самых верных и стойких, - сказал в конце беседы Зайцев. - Нужно быть решительным в каждом деле, голову не терять, помнить, что она у тебя одна, другой не будет.

*Отец А. Скокова -
Иван Андреевич
Скоков (первый слева)*

Умереть не так уж сложно, куда сложнее выполнить свой долг до конца... Враг хитер, тем важнее для нас обмануть его... Только палец в рот ему не клади - сразу оттяпает. Пока есть время, с тобой и Петей Базалеевым займется Иван Карпович Дрогин.

На прощание Андрей Иванович крепко обнял Шуру и по-мужски, как соратник соратнику, пожал ему руку. Глубоко взволнованный беседой, поздно вечером Шура вышел из райкома партии. Село спало, или так казалось, что оно спит: нигде не видно ни огонька, ни одинокого прохожего.

В небе снова прогудели самолеты, ушедшие в звездную ночь куда-то на запад. И снова стало тихо-тихо, даже собаки, эти громкоголосые ночные сторожа, словно предчувствуя что-то недоброе, залезли в свои конуры и молча прислушивались к настороженной ночной тишине. Полная луна любопытно глядела на притихшую землю.

...Рано утром, чуть занялась заря, к Шуре зашел Петя Базалеев:

- Пошли за село, к стогам сена, что у плавней, - сказал он Скокову. - там нас дядя Ваня ждет.

Ребята огородами вышли за село, чтобы никто не видел. Настало время по-настоящему привыкать к конспирации. Кто знает, может, уже сейчас в селе притаился враг, который покажет свое звериное лицо с приходом фашистов. И об этом Скокову говорил Андрей Иванович Зайцев.

Иван Карпович Дрогин сидел в тени большого стога сена, пахнувшего разнотравьем, и думал о предстоящей подпольной работе, своих юных помощниках в этом опасном и трудном деле. Как лучше подготовить их к действиям в тылу врага? Надо, прежде всего, вселить в них уверенность в неизбежной нашей окончательной победе! Ленин учил: революция показала, что большевики умеют наступать, когда требует обстановка, что они научились наступать в первых рядах и вести за собой народ на штурм.

Но революция показала, кроме того, что большевики умеют также отступать в порядке, когда обстановка принимает неблагоприятные условия, что большевики научились правильно отступать, без паники и суетливости с тем, чтобы сохранить кадры, собраться с силами и, перестроившись применительно

к новой обстановке, вновь пойти в наступление на врага. Глаза Дрогина сузились, на большой лоб набежали морщинки. Он достал папироску, прикурил и задумался над этими словами Ленина. Как важно донести их до сознания своих юных помощников.

Иван Карпович был среднего роста, плечистый, плотный. В каждом его движении чувствовалась внутренняя сила, быстрота и ловкость. Несколько месяцев назад он вернулся домой после тяжелого ранения и находился в шестимесячном отпуске. Его избрали секретарем партийной организации колхоза «Овцевод». Его уважали и любили за простоту и честность, умение обращаться с людьми, он был самым дорогим гостем в доме каждого колхозника. О нем говорили: «Иван Карпович - человек прямой, правду в глаза говорит. Если кто в беду попал, внимательно выслушает, поможет добрым словом, а коль провинится в чем-либо, так подхлестнет, что плакать хочется, да стыдно, за дело ведь попало».

Легкость движений и манера говорить быстро, решительно, слегка наклоняя голову - следы контузии и ранения, подчеркивали подвижность и живой характер Ивана Карповича. Незнакомый человек, впервые встретив Дрогина, никогда не допустил бы даже мысли, что Иван Карпович перенес тяжелое ранение, отнявшее у него много силы и здоровья, - так горел и искрился этот человек, вечно юный и беспокойный. Одевался Иван Карпович просто, но всегда опрятно и строго. Любил носить защитную гимнастерку, галифе, простые сапоги. Теперь же, в новой обстановке, приходилось менять свои привычки: сложена и убрана в чемодан гимнастерка, ее сменила простая ситцевая темно-серая рубашка, вместо галифе - суконные брюки навыпуск и рабочие тяжелые ботинки. Никто не заподозрит, что он бывший ответственный секретарь редакции районной газеты Курсавского района - лейтенант, секретарь партийной организации колхоза, ныне командир взвода разведки партизанского отряда.

С минуту на минуту Дрогин ждал Шуру Скокова и Петю Базалеева. Сегодня в камышах они должны выбрать место для оборудования тайника, затем проведут занятия, как ориентироваться на местности, ходить по азимуту, среди камышей нахо-

дить полевой кабель вражеской связи. Ребята не заставили себя долго ждать. Солнце только появилось над горизонтом, а они уже подходили к стогам, где ждал Дрогин.

- Утро доброе, Иван Карпович! - в один голос сказали Шура и Петя.

- Доброе, доброе, - приветливо улыбаясь, ответил Дрогин. - И давайте его попусту не проводить. Пошли в плавни подыщем укромный тайничок, где можно кое-какое оружие припрятать.

Скрытными тропами, известными только охотникам и рыбакам, они пробрались далеко в плавни и нашли укромное местечко на одном из бесчисленных сухих островков. Здесь, в зарослях бурьяна, вырыли тайничок, обложили его приготовленными Петей Базалеевым досками, накрыли крышкой и тщательно замаскиро-

И. К. Дрогин, 1932 год

вали сухим бурьяном. Выброшенную землю, которую аккуратно клали на доски, относили за островок и высыпали в воду. Непосвященный человек не смог бы заметить тайничок, даже если случайно оказался рядом с ним, настолько чисто все было сделано.

- Только мы трое знаем этот тайничок, - предупредил Дрогин ребят. - И никто иной не должен его знать.

Ребята кивком головы подтвердили, что они понимают важность этого указания своего боевого руководителя.

- А теперь решим одну учебно-боевую задачу, - сказал Дрогин. - Где-то недалеко от кромки камышей, по наблюдению ребят нашего села, «фашисты» протянули кабель связи. Надо найти его и нарушить связь противника между Левокумским и Величаевским, - и он указал ребятам два направления, где вероятнее всего может пролегать кабель. В этих местах он еще накануне протянул сотню метров бечевки и хорошо ее замаскировал. Шура и Петя пошли выполнять задание, условились встретиться через два часа в районе скирд с сеном.

Первым через два часа вернулся Петя. Пришел он возбужденный и веселый, в поводу привел молодого коня, которого поймал в поле. Пете не терпелось доложить Ивану Карповичу о результатах разведки и выполнении задания, но Дрогин предупредил, что докладывать будут сразу оба «диверсанта».

Скоков вернулся усталый, по пояс мокрый. При разборе выполнения задания крепко досталось Пете. Во-первых, он порвал провода, которые никакого отношения к полевому кабелю военной части не имели. Он привязал к куску троса груз и, перекидывая его через провода между столбами, легко рвал их. Дрогин отметил его изобретательность, но указал на бессмысленность этого изобретения: «фашисты», чтобы спрятать свою связь от возможной диверсии партизан, скрытно протянули кабель по полю и прикопали его. Во-вторых, разведчик Базалеев целый час гонялся по степи за конем, пока не поймал. Петя не подумал о том, что в то время его мог обнаружить и захватить враг.

- Но мы на учебе, - смущенно оправдывался Петя. - А конь добрый, пригодится.

- На учении должно быть, как в бою, а ты битый час маячил

без дела в степи за этим коньком... Зачем он тебе?

Скоков слушал замечания Дрогина по докладу Пети и ждал, когда подойдет его очередь.

- Что там у тебя? - спросил Иван Карпович, прищурившись.
- Выкладывай...

- Обнаружив кабель, который уходил в камыши, я залез в воду, ощупал его, - рассказывал Шура.

- Что ж, пошли, проверим.

Когда пришли на место, которое указал Скоков, Дрогин взял за бечевку и дернул ее на себя; бечевка оказалась целой.

- Почему? Тебе дано задание нарушить связь...

- Нарушить я успею, Иван Карпович. Я «подслушал», что будет передано важное сообщение, и решил повременить с разрывом связи.

- Что ж, и это верно. Правильно принятое решение может принести только пользу. А ведь вам придется часто одним решать очень сложные вопросы. Но решение можно принимать только после тщательной проверки, когда убедишься, что другого исхода нет... И в данном случае, возможно, такое отступление, временное, не мешающее выполнению основной задачи.

Так, ежедневно по утренним зорям да темным вечерам Дрогин обучал Шуру и Петю искусству разведчика и диверсанта. Иногда они заходили в плавни Кумы на десяток километров от Величаевского, разведывали старые и пролагали новые тропы в камышах, искали сухие укромные островки, где в случае надобности можно укрыться от преследования врагов. Ребята учились бросать гранаты, минировать дороги и тропы, стрелять из автомата и пистолета.

Но в этих походах Скоков ни разу не встречал партизан, тем более не видел ни одной партизанской базы, хотя к этому времени Дрогин и другие командиры партизанского отряда уже готовили свои базы. Иван Карпович сознательно уводил ребят от этих баз.

Шура несколько раз хотел спросить его об этом, но не решался, он постепенно стал входить в роль подпольщика и понимал, что если Дрогин сам не считает нужным сказать об этом, то так, видимо, и необходимо для прочности конспирации.

Только однажды в конце июля, когда с северо-запада все от-

четливее стала слышна артиллерийская канонада, Иван Карпович взял с собой на занятие только одного Петю Базалеева.

Более суток не видел Шура своего друга на селе. На рассвете третьего дня он услышал легкий стук в окно. Это был Петя. Они прошли в сарай, где Петя шепотом сообщил: - Иван Карпович совсем ушел из села к партизанам. С сегодняшнего дня я буду связным между ним и тобой.

А через несколько дней, в первых числах августа 1942 года, в Прикумье ворвались передовые части гитлеровской армии.

Глава четвертая

НАШЕСТВИЕ

Три дня где-то на северо-западе гремел бой, потом все стихло. Через Величаевское поспешно прошли небольшие наши части и скрылись в мареве знойной степи. Партизаны ушли в плавни, в родных домах остались только старики, женщины, подростки и дети. Над селом нависла напряженная и томительная тишина. Все живое спряталось в домах и подвалах, лишь изредка мелькнет из-за дворовой ограды чье-то озабоченное лицо и снова исчезнет.

В этой предгрозовой тишине не все попрятались, как сурки в норы. Шура Скоков и Миша Заворотынский забрались на чердак Шурино дома и с напряженным вниманием смотрели вдоль улицы, где вот-вот могли показаться фашисты.

Не сиделось в подвале и Наташе Антоновой. Она вошла в дом, села у окна и с тревогой выглядывала на улицу сквозь прикрытые ставни. А на другом конце села, казалось в вымершем доме Евстрата Козыря, бывшего продавца кооперативной лавки, сидели хозяин с Васькой Глазуном и тихонько заговорщически о чем-то шептались. Старый, худой, костлявый, словно высохшая мумия, Евстрат Козырь часто крестился на потемневшие в углу горницы иконы. О чем они шептались между собой - об этом знали только стены этой просторной горницы.

Раздалось три глухих разрыва снаряда. Видимо, фашисты прощупывали, нет ли в селе советских войск. И снова насту-

пила еще более жуткая тишина. Через час-другой со стороны дороги из Левокумского послышался шум: не то далекие автоматные очереди, не то частые выхлопы газа из моторов тракторов, работающих в степи. Но какие же тракторы могут работать в поле в этот страшный день?

С тревогой слушали этот непривычный шум сотни притихших людей. Вдруг оглушительно затрещали мотоциклы.

Пулеметные и автоматные очереди прочесали безлюдные улицы села. За мотоциклистами в село въехала колонна машин с солдатами в зеленых мундирах. Село молчало, как мертвое. Соскочившие с машин гитлеровцы бросились по дворам и хатам. Над мирным и тихим селом поднялся невообразимый шум и гам. Солдаты били кур, гусей и уток, тащили за ноги поросят. Шум моторов, трескотня автоматных очередей, визг поросят, кудахтанье кур, гогот гусей, громкая чужеземная речь заполнили дворы величаевских колхозников.

Местных жителей гитлеровские солдаты вытаскивали из подвалов и требовали воды, молока, масла, сала, яиц. Нет, это была не война, а настоящий бандитский налет.

Шура и Миша молча наблюдали эту картину, и каждый из них воспринимал ее по-своему. Миша, стиснув зубы и сжав кулаки, возмущался до глубины души; казалось, он был готов спрыгнуть с чердака и с кулаками кинуться на грабителей, зубами вцепиться в горло первому попавшемуся гитлеровцу. Шура видел состояние своего друга и крепко сжал его руку, повыше локтя. Боль привела в себя горячего Мишу, он посмотрел на Шуру и тяжело вздохнул. Между тем Скоков внимательно наблюдал за всем, что происходило на улице. Он считал машины и мотоциклы, запоминал их знаки.

Через час-полтора насытившаяся зеленая саранча с таким же треском и шумом уехала на юго-восток. На сельской площади осталось несколько машин и мотоциклов. Стали подходить машины, груженные каким-то военным имуществом, скрытым брезентами. У здания сельского Совета среди зеленых мундиров Шура заметил две фигуры в гражданской одежде; ему даже показалось, что в одном из них он узнал сухую фигуру Евстрата Козыря. Неужели в селе нашлись люди, которые с радостью ждали прихода оккупантов? Юноша сразу даже не смог

представить мотивы этой человеческой подлости: как мог человек, двадцать пять лет проживший в новом обществе, очевидец огромного скачка страны от отсталости к прогрессу, мог так не любить Родину, стать предателем? Это мог сделать только самый коварный и злобный человек.

Враг в собственном доме - вдвойне враг. Шура хорошо запомнил сцену у сельсовета: фашисты и Евстрат Козырь. Кто же другой в штатском? Такой же предатель, как и Евстрат. Александр Скоков прошел первый практический урок подпольщика, понял, какая трудная борьба предстоит впереди. И он снова и снова вспоминал советы

Андрея Ивановича Зайцева и Ивана Карповича Дрогина: «Будь, Шура, осторожен и бдителен!».

А в это время в доме Антоновых было тихо. Когда раздались первые выстрелы, Наташа вздрогнула, но не отошла от окна. Она испугалась не шальной пули, готовой влететь в окно. Это чувство было неведомо, она испугалась нашествия врага. С замиранием сердца Наташа видела, как по улице проскочили мотоциклисты, остановилась колонна автомашин с солдатами, как начался гитлеровский разбой. Девушка безмолвно смотрела на грабеж. Сколько подлости и бессердечия в поступках негодяев, которые пришли на чужую землю и с хладнокровием профессиональных бандитов убивали, жгли, грабили.

Вот она, оказывается, такая война. Пришла в родное село шумно, со стоном и скрежетом, с трескотней пулеметных и автоматных очередей, опустошая поля, разоряя родное село и колхоз. По дороге пылили машины, торопливо тянулись телеги, груженные наворованным добром, ржали лошади, мычали коровы, блеяли овцы. А за селом прямо по степи те же грабители в зеленых мундирах гнали косяки племенных коней, отары овец, стада коров, захваченные на окку-

Партизаны Ставрополя

пированной земле. Наташа видела, как война пожирала добро, годами и тяжелым трудом приобретенное колхозниками.

Глаза Наташи подернулись влагой, капельки слез, как роса, прокатились по лицу, на мгновение задержались в ямочках на щеках и упали на платье. Сердце ее учащенно стучало. Она упала головой на подоконник и горько беззвучно заплакала. Что же будет с ними дальше? Как теперь жить?

Наступал вечер. Кроваво-красное солнце закатывалось за степной горизонт, предвещая на завтра приход буйного ветра «астраханца».

На второй день после вторжения фашистов подул горячий ветер «астраханец», запоздавший со своим приходом в этом году. Он жег переспевшие хлеба, листья деревьев. На буграх оголилась черная земля, выступившая из-под выбитого многочисленными копытами хлеба. В воздухе пахло гарью и падалью. Местами еще горели неубранные поля, дымили пепелища хат и надворных построек, подожженных в день нашествия. На улицах, огородах, в заброшенных подворьях валялись трупы животных, убитых гитлеровцами или сгоревшие при пожаре.

Дом Скоковых до войны. Здесь собирались подпольщики

Горячий суховей дул все злее и злее. «Астраханец» жег не только хлеба. Казалось, сама природа возмущенно бушевала против вражеского нашествия, стремилась сжечь врага, посягнувшего на нашу землю.

В бывшую колхозную конюшню немцы пригнали с десятков дойных коров, отобранных у местных жителей. Доить этих коров заставляли колхозниц. Когда коров гнали на водопой, животные, чуя кровь и трупный запах, ревели, рыли землю копытами, шумно втягивая ноздрями смрадный воздух. На задах скотных дворов, за амбарами и домами вокруг падали важно ходили сытые вороны и грызлись собаки.

Людей в селе почти не было видно. Притихшие, они редко выходили из дома без надобности, не показывались на улице. Наташа была больной. Все эти дни от волнения и бессонницы болела голова. Энергичная и подвижная девушка мучительно переживала вынужденное безделье, родной дом стал тюрьмой. Встревоженная, сонная, она бродила по двору. Ветер шевелил вьющиеся волосы, обжигал шею. Ей было очень тяжело, она не находила себе места. Мысли, одна другой страшнее, теснились в голове. Что же делать? Незаметно для себя она вышла в огород, минула его и оказалась на берегу Кумы.

Вдруг увидела Базалеева. Он сидел на корточках и что-то держал в руках.

- Петя! - окрикнула его Наташа.

Юноша настороженно вскочил и спрятал руки за спину. Наташа успела заметить: в руках был тот самый кинжал, который они когда-то вместе с Шурой прятали в тайнике.

- Зачем ты его взял, Петя?

- Не может кинжал Вани Кочубея ржаветь в земле, когда фашисты поганят нашу землю, - убежденно ответил Базалеев и пошел к камышам.

- Куда же ты?

- Ты, Наташка, не спрашивай... А по секрету скажу: в партизаны я решил - и точка.

Наташа проводила его задумчивым взглядом. Как ей хотелось тоже взять в руки оружие и вместе с Петей уйти к партизанам. Да разве примут ее, несовершеннолетнюю девчонку?

Долго сидела у воды, прижав подбородок к коленям, смотрела на мутные волны, бегущие по реке. Мысли постепенно стали проясняться, нервы перестали шалить, она, казалось, стала понимать, что надо делать. Не сидеть, сложа руки, а бороться, бороться за жизнь. Наташа еще не знала, как она будет бороться, но всем своим существом чувствовала необходимость борьбы с врагом. Хорошо бы посоветоваться с друзьями, с Шурой. Кстати, где он сейчас? Надо сходить к Скоковым.

Успокоенная, она возвращалась домой. Неожиданно услышала злобное рычание. Наташа узнала собак Кузьмы Напханюка. Эти мирные животные, охранявшие отару Кузьмы, теперь словно взбесились. Ощетинившись и оскалив зубы, они рычали, захлебываясь от злости, готовые вцепиться друг другу в горло из-за куска лежавшей рядом падали. Не обращая внимания на человека. Волчок и Полкан встали на дыбы и начали рвать друг друга, брызгая слюной и хрипя от злобы. Шерсть клочьями летела в стороны.

Наташа поежилась, словно ее разгоряченное тело охватил холодный ветер, поспешила домой. «Что сделали двуногие фашистские звери с селом только за два дня оккупации, - подумала девушка. - А что будет дальше?.. Нет, надо бороться, надо скорее увидеть Шуру, ребят, друзей!».

Домой Наташа шла с не ясным еще до конца, окончательно не созревшим, но уже возникшим решением. Сильный ветер свистел в ушах, трепал пушистые белокурые косы, большие светлые глаза в тени красивых вороненых ресниц и бровей смотрели твердо, непреклонно. Небольшой, слегка вздернутый вверх нос - в детстве носик этот мама называла пуговкой, придавал решительный вид. Нежные, по-детски пухлые губы легли прямой складкой. Щеки с ямочками у складок губ пылали внутренним огнем. Вся ее воля, силы были напряжены.

Усталая от дум и тревог, задумчивая пришла Наташа домой. Мать посмотрела ласково и заботливо. Сердце матери чувствовало, что дочь тяжело переживает оккупацию, что в душе Наташи идет

какая-то внутренняя борьба. Тревожно забилося сердце матери.

На другой день чуть свет Наташа сбегала к Скоковым. Но

Шуры дома не было. Татьяна Алексеевна сказала, участливо глядя на похудевшую и повзрослевшую за последние дни девушку:

- Шура где-то у Кузьмы Напханюка или Миши Заворотынского. Ребятам веселее, когда вместе. Ты тоже подружек почаще навещай.

Наташа была очень огорчена, что ей не удалось посоветоваться с Шурой. Чтобы не встретиться с немцем или полицаями, которые уже появились в селе, девушка шла домой через огороды и бывший колхозный ток. Обычно в это время года на току былолюдно и весело: здесь шумели сортировки, слышались смех и песни, а по вечерам ребята и девушки танцевали под гармонь. Здесь вместе с Шурой под девичьи песни они мечтали об институте, красивой жизни в будущем. А теперь ток пуст, ветер гонял солому. Вокруг тока поднялись густые заросли бурьяна.

Дощатый домик на колесах, в котором на время уборки урожая поселялся заведующий током с накладными и ведомостями на зерно, сиротливо стоял в зарослях лопухов, полыни и колючек. Разбитое окошко домика смотрело на ток черным глазом, дверь моталась от ветра на одной петле и жалобно поскрипывала. Наташа взобралась в домик по обвисшим ступенькам.

Внутри все было разрушено. Полочки, где обычно стояла посуда и хранились документы заведующего током, валялись на полу, тут же лежал простреленный в нескольких местах бачок из-под воды. В щелях разохшихся дощатых стен свистел ветер и гонял из угла в угол обрывки каких-то бумаг. Наташе казалось, будто ветер со стоном рассказывает о наступивших тяжелых днях.

*Передовики колхоза
Ставрополья.
Довоенное фото*

Наташа поспешно выскочила из вагончика и через бурьян направилась домой. Но вдруг снова услышала стон, прислушалась. Нет, это стонет не ветер в щелях заброшенного домика; стон доносился откуда-то со стороны, из зарослей кустарника. Она пошла на звук, тихо раздвинула кусты и вздрогнула: в бурьяне лежала умиравшая женщина, рядом стоял лет пяти мальчик. Он не плакал, видимо не понимая, что случилось с матерью, а боязливо оглядывался. Услышав шорох, как дикий козленок, мгновенно скрылся в бурьяне. Наташа склонилась над телом умирающей и узнала в ней беженку, еще по весне пришедшую в село вместе с другими беженцами.

Худая и измученная, с мальчиком на руках, она не в силах была идти дальше, ее оставил у себя один из величаевских колхозников. Женщина вздрогнула, на миг открыла глаза, очевидно в надежде увидеть своего ребенка, захотела что-то сказать, но не смогла. Так и затихла с открытыми глазами, устремленными в бледно-голубое небо, подернутое дымкой суховея.

Наташа нашла мальчика, испуганно притаившегося в кустах.

Заворотынский Павел Иванович (брат Миши Заворотынского, слева)

Сначала он не хотел идти с незнакомой тетей и пытался снова убежать. Но, обласканный Наташей, доверчиво прижался и спросил:

«А мама потом придет? А немцев у вас нет?»

В тот же день сестры Антоновы похоронили погибшую мать там же в кустах, где ее нашла Наташа. Над могилкой вырос маленький холмик, незаметный среди кустов и бурьяна. Минуту сестры постояли у могилки, растерянные пошли в село. Наташа думала о печальной судьбе похороненной женщины-матери, пятилетнем малыше Мише, оставшемся сиротой, бесчинствах гитлеровцев и, обращаясь мысленно к своей матери, прошептала:

- Мамочка, как хочется, чтобы взошло солнце, выросла трава, зашумели хлеба, зазвенели звонкие песни... Чтобы не слышать, как плачут малыши... Чтобы не кричали так страшно вороны, не видеть, как дерутся за падаль собаки... Чтобы опять было хорошо...

К вечеру ветер утих. Старожилы-степняки знают, что «астраханец» - гость не на сутки. Кроваво-красное солнце на заходе снова предвещало назавтра черную бурю. А пока утихла Кума, камыши не шумят, а словно шепотом разговаривают меж собой. Таинственные тени перебегают по отблескам звездного бисера, рассыпанного по заводям.

В сумерках через улицы, покрытые толстым и мягким покрывалом пыли, через сады, где хмурились кудлатые яблони, тенью скользнули Шура Скоков и Миша Заворотынский. Вдоль камышового плетня они тихо подошли к дому Кузьмы Напханюка. Осторожно подошли к окну, еле слышно постучали. Кузьма, видно ждавший друзей, тотчас вышел и тихо сказал: - Пошли в сарай.

В сарае, крытом камышом, было светло. Сквозь небольшое окно щедро проникал свет луны. В другой половине сарая шумно вздыхала корова, ворочались потревоженные куры.

Сели на дроги без колес, стоявшие у стены. Кузьма Напханюк опустил на колени широкие натруженные ладони крепких рук. Юношеское лицо как-то не подходило к его крупному мужскому телу и гигантскому росту. Красивый каштановый чуб упрямо скрутил завитки над крутым лбом. С приходом немцев

Кузьма оставил отару в глухих ярах на попечение стариков, а сам пришел домой.

В те тревожные дни каждый советский человек задавал себе вопрос: «Что делать?». Этот вопрос волновал и Кузьму, здоровая и могучая натура которого, не могла мириться с оккупацией и неволей. Растерянность не покидала его, пока был один. Но в кругу друзей почувствовал себя куда лучше, особенно после длительных дружеских бесед с уверенным Шурой Скоковым. И вот на сегодня Шура назначил первый, более детальный разговор с ребятами: что делать?

- Мальчики, - сказал Шура и встал. Миша и Кузьма тоже встали.

- Дайте руки... Мы - комсомольцы!
Крепко сжались шесть дружеских рук, засверкали глаза юношей. Глянули они друг другу в глаза.

- Смерть фашистам!

Затем Шура предложил друзьям переписать сводку Совинформбюро, которую накануне он принял через тщательно спрятанный в знакомом ему тайнике радиоприемник. Кузьма принес чистую тетрадь и трехлинейную лампу. Забравшись в погреб,

Руководящий состав партизанского движения Ставрополя (1942-1943)

они переписали несколько экземпляров сводки и разошлись по селу. Перед этим условились: завтра походить по знакомым и узнать, какое впечатление на людей произвели листовки.

Мише поручили проводить сестер Антоновых. Шура ничего не сказал друзьям, какое у него задание. Прежде чем посвятить их в свою тайну, он решил сначала проверить их на небольшом деле. Ему нужна была помощь, и он искал ее... Шура нарочно придал стихийный характер началу подпольной организации. Просто собрались поговорить, как дальше жить и что делать. Скоков, как советовали Зайцев и Дрогин, решил хорошо приглядеться к ребятам и научить их хотя бы простейшим методам конспирации.

Придя домой, он лег в кровать и долго не мог заснуть. Перебирал в памяти события последних дней: все ли он делает так, как учили старшие, умудренные житейским опытом товарищи, не ошибся ли в чем, не нарушил ли правил подпольщика. Казалось, поводов для тревоги пока не было. Тогда мысли его направились в другую сторону. А все ли он сделал, чтобы успешно справиться с возложенным на него поручением? Нет, сделано пока - очень мало, почти ничего. Распространено всего лишь несколько листовок. Еще нет молодежного подполья, есть только он - доверенное партией лицо, руководитель без организации, командир без бойцов. Сегодня, правда, их уже трое. Миша и Кузьма - верные, надежные ребята. Скоро их можно привести к клятве верности делу борьбы за освобождение Родины.

Кто еще может стать таким же верным другом? Почему я забыл о Васе Обмачевском? Надежный парень, надо с ним поговорить. А сколько хороших девчат с ним училось! Вот кто может стать разведчицами, такими же, о которых он уже столько читал в газетах за первый год войны. Перед глазами встал образ Наташи Антоновой, подруги детства, товарища по школе, первой девушки с русыми косами, с которой так приятно и радостно было сидеть тихими вечерами на берегу Кумы. Мама Наташи в шутку звала его зятем. Ну и пусть «зять»; разве плохо быть зятем этой умной и сердечной женщины?

А миловидная сестра Наташи Аня - предмет мечтаний Васи Обмачевского? Тоже хороший товарищ.

Вспомнилась Лида Карабутова, с которой он дружил в шко-

ле, сестры Шура и Маша Фелицины, Наташа Калайтанова. Все они настоящие советские девчата. Вот кого он в первую очередь должен вовлечь в подпольную группу. Шура сквозь сон улыбнулся - сколько у него может быть хороших соратников в борьбе с врагами!

Утром по селу бешеным вихрем пронеслась весть: Москва живет! Ленинград живет! Фашисты подавились Сталинградом! Как святую реликвию, односельчане бережно прижимали к груди простой

тетрадный листок с добрыми вестями, надеждой загорались их сердца. Над селом по-прежнему дул сухой горячий ветер, неся огромные тучи пыли. В воздухе, как и вчера, пахло войной - гарью и падалью.

По-прежнему тревожно и тоскливо шумели деревья. Но на сердце каждого величаевского крестьянина стало легче. До них дошла желанная весточка: Родина жива. Родина борется.

После обеда Миша Заворотынский зашел к Антоновым. У них было многолюдно. В просторной и теплой комнате собрались подружки детства сестер Антоновых - Маша и Шура Фелицины, Наташа Калайтанова, Лида Карабутова.

Девушки, плотно прижавшись друг к другу, сидели на лавке и вполголоса пели: «И ветры в дебрях бушевали...».

Миша смутился. Он не ожидал увидеть сразу всех подружек вместе. Да и откуда он мог знать, что девушки, взволнованные появлением листовок, собрались поделиться радостью. Ведь с приходом гитлеровцы ежедневно вывешивали сообщения о своих успехах на фронте: Ленинград взят, Сталинград пал, Москва окружена и скоро будет под властью Гитлера. Оказывается, все это - вранье!

- Здравствуйте... - нерешительно сказал Миша и спрятал гла-

Василий Обмачевский

за под навес вздрогнувших ресниц.

- Здравствуй! Проходи, садись, - за всех ответила Наташа Антонова. Девушки подвинулись и замолкли. И сразу в комнате будто потемнело, наступила настороженно-тревожная тишина.

В первые дни оккупации девушки были растеряны, взволнованы гнетущей неизвестностью. Настороженность была свойственна людям, особенно молодым и неопытным, в страшной обстановке оккупации. Привыкшие к коллективу, в одиночку они не могли жить, впадали в отчаяние. А вместе они чувствовали себя снова сильными и уверенными. И девушки старались быть ближе друг к другу. Их объединяли школьные годы, задушевные песни на колхозных полях, прогулки в тихие вечера и первые порывы любви, о которых нельзя было не сказать подружке.

С чего начать разговор? Что сказать в эту минуту? После неловкой паузы Миша глуховато сказал, словно ударом кулака расшиб тишину: - Ну, как новый порядок? - Губы его сжались в презрительную гримасу.

- Новый порядок? - шепотом повторила Лида Карабутова. От этих слов по ее спине побежали мурашки. Затем заговорила, торопясь от волнения, перебирая концы батистовой косынки, обнимающей нежную шею: - У Малковых во дворе годовалого телка фрицы зарезали, а один гад, тьфу, вытащил складной стакан и прямо горячую кровь пил.

Лида сжала пальцами свой подбородок и жестко стиснула зубы:

- Порядок... Сволочи!

Аня Антонова печально вздохнула и сказала: - А наши, говорят, отступают все время. Глазун вчера встретился: «Советам конец подходит», - говорит. А сам, гад, руками ко мне лезет. Морда пухлая, будто жиром смазанная, самогонкой от него за километр несет. Ух... - передернула она плечами, упрямо и твердо сдвинула брови.

Миша знал, что в Аню влюблен его дружок Вася Обмачевский. Услышав ее рассказ о нахальстве Глазуна, он с ненавистью стал говорить: - Все немцы и их прихвостни брешут. Листовки читали? Так вот в них правда. Придется фрицам скипидаром мазать пятки... А здесь как они себя чувствуют? Если уверены

в победе, почему боятся партизан? У них партизаны - вот тут, - хлопнул себя по шее, - сидят и не слазят. Те, что в нашей школе живут, ночью и на двор выйти боятся.

Маша Фелицина сказала: - Иду сегодня мимо сельсовета, а там объявление: «Кто укажет, где находятся партизаны, получит награду». Тут же стоял Косоков, старший над полицией. Он засмеялся, ощерил свои гнилые зубы и говорит:

- Разузнаешь, где партизаны скрываются, - такое приданое дадим, что любой фриц тебя замуж возьмет и в фатерланд увезет.

Наташа Антонова подняла голову, откинула красивые косы и, как бы думая про себя, грустно произнесла:

- За что они так над нами издеваются? Вчера маму гитлеровец «приглашал» коров доить. «Битте, фрау», сказал маме, а сам руками показывает, как коров доят. А затем как заорет: «Шнель! Шнель!» - а сам прикладом автомата в спину ее толкает. Так и толкал до самого коровника. Мама теперь больная лежит, вся спина в синяках.

- У-у, гады! - гневно сжала кулачки Лида Карабутова.

- На них управа найдется... - уверенно сказал Миша.

Наташа Антонова так загорелась огнем: - Девочки, давайте что-то делать! Чего мы сидеть здесь будем? В лото играть да песни петь? Нас много... Одной страшно, а когда вместе ничего. Ведь кто-то вчера ночью листовки по селу расклеивал и по дворам разбрасывал. Вот бы и нам тоже...

Горячим взглядом обвела всех Лида: - В старой аптеке, фрицы еще не разнюхали, есть бинты, много разных лекарств... Может быть, партизанам нужно?

Наташа Калайтанова спросила Мишу: - А ребята наши как? Шура? Кузьма? Васька? Что вы думаете делать? Петя Базалеев, говорят, в партизаны ушел.

Миша ответил уклончиво: - Мы еще такого разговора не вели... Тут ведь дело рискованное... - Он чиркнул себя по горлу. - Поймают - расстреляют или повесят. Как думаете?

- Волков бояться - в лес не ходить, - возразила Маша Фелицина. - Всех не перебьют... Да и того ж не повесили...

- Кого?

- Да что ночью листовки развешивал.

Шура Фелицина одобрительно глянула на младшую сестру и поддержала ее: - Надо с Шурой Скоковым посоветоваться, он что-нибудь сообразит.

- Что ж, Шурка так Шурка, - с виду безразлично сказал Миша, а сам в душе очень обрадовался. - Давайте с ними обмозгуем. А пока для начала, - обратился к Лиде, - насчет аптеки неплохо придумала. Тебе, как медику, и карты в руки. Сколько там медикаментов?

- Порядочно.

- Вдвоем забрать можно?

- С Наташей мы управимся. Если что останется, другой раз возьму.

- Только осторожней, никому ни слова, - предупредил Миша.

- Немы, как могилы! - поклялись девочки.

Своей встречей с девушками Миша остался доволен: есть, что рассказать Шуру о настроениях односельчан.

- Что-то засиделся я с вами, девчатки, - весело сказал он, вставая, - как на вечеринке в мирное время. Жаль, только гармошки не было, и сплясал бы сегодня, хотя в жизни ни разу не плясал.

Оживились и повеселели девчата. На прощание, старшая Фелицина напомнила:

- Ты же не забудь, если встретишь Шуру - передай ему привет!

- Передам, - ответил Миша и ушел.

Этой же ночью Лида и Наташа перетащили медикаменты из старой аптеки в укромное место.

*Семья А. Скокова -
руководителя подполь-
ной организации в годы
Великой Отечественной
войны (1941-1945),
в мирное время,
уже без Саши*

От бессонной ночи отяжелели веки и шумело в голове, от усталости руки и ноги были неимоверно громоздкими и тяжелыми. Шура, стараясь не шуметь, вышел из плавней, прополз через лаз в густом винограднике и пробрался на чердак своего дома. Из-за пазухи вытащил пачку листовок, еще пахнувших типографской краской, тревожно огляделся вокруг, словно на чердаке родного дома мог поджидать его кто-либо посторонний, сунул листовки под камышовый мат. Затем отошел от своего случайного тайника, критически осмотрел и подумал: нет, это не конспирация, это ребячий тайник для хранения пугача или заветных рыбацких снастей. Он прислушался к шуму просыпающегося села, достал листовки и спустился вниз.

Едва светлел восток, от реки тянуло прохладой. Через заросли кукурузы Шура пробрался к своему запасному тайнику и положил в него листовки. Здесь их никто не найдет.

Усталость валила с ног. Чтобы не беспокоить мать, он снова залез на чердак и сразу же заснул. Сколько спал - Шура не мог сказать. Только сквозь сон будто слышал, как кто-то шаркнул камышом, прошел по чердаку и уселся с ним рядом. Надоедливая муха защекотала в носу. Шура чихнул и открыл глаза. Миша Заворотынский отдернул руку с соломинкой и засмеялся: - Вставай, соня! Уже скоро полдень.

Шура протер глаза, сладко потянулся, широко раскинув в стороны руки. Повернув голову к Заворотынскому, он спросил: - Что нового в селе?

- Листовки мы разбросали с Кузьмой и в центре, и на Карамыке... Аня и Лида достали медикаменты...

Шура схватил Мишу за локоть, повернул к себе: - Ты им все сказал?

- Ты что, сбесился, что ли? Чуть руку не переломил своими лапами. Ничего им не сказал.

Шура успокоился. Отлегло от сердца.

- А как же они... Сами?

- Да.

И Миша подробно рассказал, как он встретился с девушками.

- Очень хорошо, - оценил Шура, - молодцы девочки.

Немного подумав, сказал: - А сейчас у нас главное - сорвать сходку, на которой послезавтра фашисты хотят избрать старосту из своих прихлебателей. Иди к Лиде и попроси прийти за соседский виноградник. Всех девчат сейчас трудно собрать, а с ней мне надо поговорить.

...У плетня, что спрятался за густым виноградником, где в славные ребячьи дни год тому назад частенько вздыхала гармонь и сыпались веселые девичьи частушки, сейчас стояла мертвая тишина. Лида слушает Шуру, и ее загнутые вверх ресницы, как два мотылька, вздрагивают, время от времени. Она сорвала травинку и поймала нежными, по-детски припухшими губами.

- Сейчас гитлеровцы прячут когти, кричат о «райской» жизни при «новом порядке». Вместе с тем они регистрируют коммунистов и комсомольцев, организуют бандитизм, приглашают всех бывших кулаков, хулиганов, спекулянтов, аферистов - преступников разных мастей к себе на службу. Из этого сброда они комплектуют полицию, зондеркоманды, жандармерию и, так называемые «русские органы» немецкой власти, сельские, волостные, другие, на манер царской управы, с той только разницей, что в царское время в управах служили русские люди и ими командовали русские богатеи, а теперь в управах будут служить предатели русского народа, а управлять ими будут фашисты.

В нашем Левокумском районе теперь находится волостная комендатура. В каждое село направляются старосты, которых для «демократичности» власти хотят избрать на сходах. Из местной сволочи подбираются полицейские, вроде Алешки Косогова и Васьки Глазуна. Желających сотрудничать мало, но есть. У нас выборы власти послезавтра. Нужно рассказать людям правду. С девочками разделите село. Комаревку. Песчанку, Мотню и Солонцовку ты с девочками возьмишь. Карамык и остальные улицы ребята берут на себя. Пусть люди знают, что такое «новая» власть.

- Шура, - с надеждой посмотрела Лида на Скокова, - скажи, как там... на фронте?

- Положение очень серьезное. Союзники не открывают второй фронт. Это немцам на руку. Больше 40 дивизий они перебросили с Западного фронта на Волгу...

- Сталинград взят?

- Нет. Это фашистская пропаганда. И об этом надо людям рассказать.

Шура глянул внимательно на Лиду и увидел искорки радости, заигравшие в ее глазах. Он улыбнулся в ответ, показав ровный ряд крепких белых зубов.

- Ты только девочек предупреди, - снова став серьезным, сказал Скоков, - чтобы они были поосторожнее. В тех домах, откуда мужики в партизаны ушли, легче. Надо говорить не прямо, намеками, но твердо помнить свою цель - сорвать сходку. О встрече со мной пока девочкам не говори, придет время - приду к вам на посиделки. Вы, кажется, у Антоновых собираетесь?

Лида утвердительно кивнула головой. Он крепко пожал руку девушке и скрылся в винограднике. На другой день Шура увидел, как из дома в дом пошли девочки - Лида Карабутова, Наташа Калайтанова, Шура и Маша Фелицины. Заприметил и цветную косынку Наташи Антоновой, издали угадал по походке, по косам. Подошла. Зарумянилась утренней зорькой.

- Что спешишь?

- Мама к Александровым послала...

- Что-то не видно тебя?

- Сажу дома, читаю, - глянула через плечо на Шуру, еще больше покраснела. - У нас вечерами опять собираются все... Заходи...

Словно пламенем дохнуло на Шуру, сердце радостно забилося. И так всегда: посмотрит на него Наташа ласково, скажет, кажется, всего лишь несколько самых простых слов, а у него все замрет и язык отнимется. Оглянулся Шура, а Наташа уже за углом скрылась.

Среди жителей села из уст в уста переходила весть о предстоящей сходке, правда о фашистах, которая подтверждалась на глазах... Люди жадно ловили каждое слово о Красной Армии, о положении на фронте, от радостных известий улучшалось настроение, светлели лица.

Аню Антонову на улице снова повстречал Глазун. Он упер

руки в бока, сплюнул и хрипло сказал: - Ну что, краля, мне скажешь? Будешь ходить со мной, аль нет?

Аня с отвращением глянула ему в глаза. Но ничего не увидела... Черная пустота... Человеку почти сорок лет, жирный, слюнявый, противный. Отрицательно покачала головой.

- А, партизанская дочь, все равно от меня не уйдешь. Другому не достанешься. В полицию приведу, прижму тебя к ногтю... В холодной сгною! Будешь в ногах просить, стерва!

- Мели Емеля, твоя неделя! - Твердо кинула в ответ Аня и пошла прочь. Глазуна как обухом по голове оглоушило. Он крепко выругался и зло посмотрел девушке вслед.

Перед вечером Кузьма Напханюк и Вася Обмачевский сидели в камышах на берегу Кумы около Глазуновой лодки. Лохматые камышовые метелки смотрели на них. Кузьма был спокоен, Вася весь кипел гневом, не мог спокойно сидеть.

- А что, если не придет? Где с ним поговорить один на один? - Не бойся, гадина привык ловить рыбку в мутной воде и сбывать ее на самогон. А без самогона ему жизни нет, упился здорово.

Неожиданно затрещал камыш, подошел Глазун. Ощерив желтые зубы, он бросил сачок в сторону, понял: бить будут...

- За рыбой собрался?

- За рыбой...

Кузьма поднялся, судорожно перевел дух: - Ты, кобель, брось Аню тревожить.

- А тебе какое дело до этой с...

Зверем засопел Кузьма, оскорбленный такими словами, схватил в бешеной злобе Глазуна за грудки, вязко ударил. Тот отлетел на

несколько шагов и упал в камыши. С трудом поднявшись, Глазун в злобе сказал: - Я припомню, Кузьма, и тебе, Васька, когда придет мой черед первому бить.

Кузьма подошел к нему.

- Ты, тля толстая, запомни: пикнешь, - своими руками задавлю. А Аню увидишь - другой стороной улицы обходи.

...На площади села, где возвышалась новая двухэтажная средняя школа, теперь было сиротливо. Раньше здесь стояли памятники Ленину и Кирову. Рядом со школой руками учеников в 1940 году было посажено свыше пятисот деревьев.

Фашисты разрушили памятники. Тяжелые гусеницы танков сломали деревца. Кое-где, наполовину уцелевшие, они в немом крике выбросили свои перебитые ветви в небо. Сюда гитлеровцы сгоняли на сходку всех жителей села. Предупрежденные комсомольцами, величаевцы заранее ушли из дома, словно именно в этот день у каждого возникли неотложные дела по хозяйству: кто копался в зарослях кукурузы и виноградника, кто жал камыш, а кто сидел в укромном уголке сарая и налаживал мелкий домашний инвентарь. Бегавшие по селу полицаи находили в домах одних старух с детьми.

Глазун забежал в дом Чернышевых и застал только глухую бабушку с внучатами.

- А где старик твой? - спросил он. - Его на сход приехавшее немецкое начальство вызывает.

Бабка Чернышиха, уже привыкшая к тому, что полицаи обычно приходят в дом за продовольствием, - давай яйца, масло, молоко, кур дня немецкой армии, - ответила: - Нету, милый, нету, уже два дня как зарезали, последнему голову отрубили.

- Ты что, сдурела на старости лет? - Удивился Васька. - Кто старику голову отрубил?

- Отрубили, - подтвердила бабка, и съели.

- Кого съели? - выматюкался Глазун, - Старика?

- Хороший петушок был, - сокрушенно вздыхала бабка, - а съели с внучонками.

*В верхнем ряду,
в кубанке,
Пётр Базалеев*

- Тыфу тебе, глухая тетеря! - Еще раз выругался полицай и побежал в следующую хату.

Бабка Чернышиха недоуменно смотрела вслед Ваське и сокрушенно повторяла: - Съели, последнему петушку голову отрубили, прости меня, господи, - начала крестить себя дрожащей рукой. - Чем внучат теперь кормить - не знаю.

Глазун зашел в дом Напханюка. Кузьма сидел на скамейке и чинил продырявившиеся сапоги.

- На сход пойдешь? - сурово спросил полицай. - Немецкое начальство собирает.

- Что за сход такой и по какому поводу? - Вопросом на вопрос ответил Кузьма.

- Местную власть избирать будем, - испытующе посмотрел Васька на своего обидчика.

- Раз требуют - приду, - буркнул Кузьма и снова принялся за прерванное дело.

Васька зло усмехнулся и вышел из дома. Напханюк задумался. Он и не думал идти на сход, где гитлеровцы устраивали комедию выборов. Но Шура Скоков сказал, что ему поручается обязательно присутствовать на сходке, запомнить все, что там будут говорить, чтобы потом комсомольцы могли принять свои меры. Скрепя

Лидия Карабутова

Мария Фелицина

сердцем, Кузьма согласился идти на сход.

С трудом к концу дня полицаи согнали на площадь со всего села не больше тридцати человек. С грехом пополам сход открыли. Немецкий офицер говорил, а приехавшая с ним женщина переводила. Он хвалил пострадавшего от советской власти Евстрата Козыря и рекомендовал его в старосты. Козырь стоял у крыльца здания сельсовета, нервно сжимая в кулаки длинные, сухие пальцы рук, глаза-копеечки бегали по редким рядам собравшихся односельчан. Жиденькая метелка козлиной бороды вздрагивала, когда говоривший гауптман коверкал его фамилию.

Мария Бойко

Лидия
Карабутова

Наталья
Калайтанова

На полторы головы выше всех односельчан стоял Кузьма Напханюк, его широкая грудь тяжело вздымалась и опускалась; он задыхался от презрения, ненависти и гнева, его глаза впились в тщедушную фигуру предателя. Затем взгляд Кузьмы остановился на группе полицаев. Косогов, Глазун и Балабанов пришли на сход в начищенных сапогах, фуражки на головах надеты набекрень. Они явно форсировали перед представителем оккупационных властей. Но Кузьма видел, что даже среди небольшой группы колхозников, силой штыка пригнанных на сход, эти отщепенцы выглядели отчужденными, одиночками. Среди русских людей они были чужими, это видно по презрительному выражению глаз всех собравшихся здесь односельчан.

Старостой не выбрали: никто не поднимал за него руки, а назначили Евстрата Козыря. Немецкий офицер предоставил ему слово. По заранее написанной бумажке новый «хозяин» села прочитал приказ: все жители села должны пройти перерегистрацию, после наступления темноты запрещается выходить из дома, каждый домохозяин должен сдать в фонд имперской армии такое-то количество продуктов, за

невыполнение распоряжений немецкого командования и местных гражданских властей - расстрел.

Протокол схода вел Тимофей Береговой, паренек грамотный, в комсомоле и других советских организациях ранее не состоявший. С тяжелыми думами люди расходились по домам. Кузьму Напханюка догнал полицай Василий Балабанов. Он еле успевал за Кузьмой, который своими длинными ногами мерил чуть ли не сажень сразу.

- Эй, верста, подожди! - крикнул он Кузьме.

- Если нужен, догонишь, - огрызнулся Напханюк. Ему было противно, что его бывший одноклассник пошел в полицию. Правда, у Кузьмы тоже было задание войти в доверие к старосте и полиции, но отвращение к этим скользким типам, которые так быстро переменялись на другую сторону, до того было сильным, что чувство гадливости и презрения переполняли его честную натуру.

Серые глаза Балабанова были беспокойны. Он еле успевал идти рядом с гигантом и молчал. Потом дрогнувшим голосом сказал.

- Пойдем в сад. Разговор есть.

Кузьма покосился на Балабанова и молча свернул в сад. Сели под грушевым деревом.

- Что хотел? - Спросил Кузьма.

- Иди служить.

- Куда?

- В полицию.

- Я бы пошел, да платят мало, - съязвил Кузьма.

- Чего там мало? Зато - хозяин в селе.

- Подумать надо. Страшно дюже, - нарочно серьезным тоном ответил Кузьма.

- Но, но, ты это брось, - напыжился Васька.

- На мне кровь ихняя.

- Чья эта кровь?

- Моего деда в Гражданскую красные убили,

Лариса
Скокова

Александра
Фелицина

Мария
Фелицина

- зло блеснули глаза Балабанова, а в коллективизацию дом разграбили, все у отца забрали, что дед своими руками нажил.

- Своих-то рук у него, видать, много было, весь хутор на него батрачил. И мой отец батрачил. Отары твоих деда и отца пас, - сказал Кузьма.

Васька помолчал, потом перешел к другому:

- Да это прошлое уже, я так, вроде воспоминаний. Дело-то вон как обернулось. Немцы к нам на Кавказ пришли. Слыхал, Сталинград уже взяли, под самую Москву подошли. Чего ж еще ждать?

Васька усмехнулся и заиграл пистолетом: - Так пойдешь служить?

Дело принимало сложный оборот. Помня совет Шуры, Кузьма ответил: - Серьезно говорю: надо подумать, чтобы потом локоть не кусать. Думай, сколько хочешь, только не опоздай, а то другие могут опередить, сказал Васька и встал. - Доверия тем больше, кто сразу к немцам идет.

Кузьма тоже поднялся, кивнул Ваське головой: мол, это понятно. Сорвал грушу и в раздумье пошел домой, словно обдумывая на ходу предложение Балабанова.

Кузьма подробно рассказал о сходе, «выборах» Козыря, писарских упражнениях Тимошки Берегового («Вот дурень, - чертыхнулся Кузьма, - за деньги продан!») В это время Шура довольно улыбнулся), о беседе с Васькой Балабановым. Шура, казалось, был доволен сообщением Напханюка: - Ты пока не задирай Ваську, - посоветовал он. - Делай вид, что все думаешь о его предложении вступить в полицию: мол, и хочется да бо-язно. Пока, понял?

Кузьма угрюмо кивнул головой. Не по сердцу было этому простому и прямому парню заигрывать с полицаем. «Морду бы ему побить за его «предложение», - подумал он, но Шуру ничего не сказал. Как-то уж так сложилось, что Кузьма и другие ребята (да и девочки) с каждым днем стали доверять Шуру и выполнять его советы, как приказы.

...Однажды ночью Шура услышал условный стук в ставню. Он вышел и встретил Петю Базалеева. Это был первый приход связного и разведчика после начала оккупации. Шура обрадовался приходу друга. Они по-мужски обнялись.

- Где поговорим? - спросил Петя. - Есть много новостей.

Шура повел связного на огород, укромное местечко, где кукуруза образовала естественный шалаш. Здесь друзья вплотную сели друг к другу, Петя шепотом рассказал все новости, передал указания Дрогина. Петя рассказал, как соседний партизанский отряд успешно ликвидировал группу немецкой полевой жандармерии, о трагической гибели двух разведчиков этого отряда - Коротенко и Кукушкина, которых выдал предатель из родного села. «И наш отряд скоро даст о себе знать», - пообещал Петя, но о подробностях пока умолчал. «Когда Дрогин прикажет - приду, скажу», - ответил он на Шурина вопрос. Условились с Шурой, как переправить в отряд медикаменты, добытые девушками. Петя передал Шуру свежие листовки, газеты и сказал:

- Иван Карпович велел передать тебе, чтобы завтра ночью на конспиративной квартире у старика Прокопова собрались самые верные ребята и девушки, которые могли бы стать руководителями отдельных пятерок подпольщиков. Подпольная группа будет принимать клятву, вот тебе текст. Сбор в двадцать четыре ноль-ноль, - по-военному закончил Петя.

- Хорошо, все будет сделано, - ответил Шура, пряча листовки и газеты за пазуху. - Передай командиру отряда, что фашистские части особого назначения с литером «Ф» появились в Левомукомском. Об этом через Лиду Карабутову передала Тая Барко. Она попытается узнать их название, вооружение и направление движения. Возможно, завтра уже смогу передать Дрогину.

Ребята на прощание крепко пожали друг другу руки. Петя бесшумно скрылся в зарослях камыша, а Шура еще долго прислушивался к ночной тишине. Рано утром он уже был на ногах. На сегодня были назначены посиделки в доме Антоновых. Туда должны собраться только те, кто уже вступил в активную борьбу с оккупантами: Кузьма Напханюк, Миша Заворотынсюй, Вася Обмачевский, Наташа и Аня Антоновы, Шура и Маша Фелицины и Наташа Калайтанова. Все уже были в сборе, когда Шура пришел к Антоновым. Он рассказал последние новости, прочитал содержание листовок и важнейшие сообщения

из газет. Условились в двенадцать ночи собраться в доме старика Ивана Алексеевича Прокопова, которого на селе все звали просто Алексеичем. Старик жил бобылем в тихом и глухом переулке, недалеко от моста через Куму.

Стали по одному

Сестры Антоновы с мамой:
справа – Наташа, слева – Аня.

расходиться. Шура отвел в сторонку Васю Обмачевского и Аню Антонову. Из-за пазухи он достал пачку листовок:

- Вот, когда стемнеет, и полицаи по домам спрячутся, разнесите по селу. Кому в почтовый ящик положите, кому под ставню засуньте. Только не рискуйте, осторожно... Дома старосты и полицаев знаете? Обходите подальше.

Вася и Аня, как святыню, бережно взяли листовки. Их лица светились. С непосредственностью, свойственной только юности, Аня сказала: - Все разнесем по хатам, честное комсомольское!

- Не беспокойся, Шура, ни один полицай не узнает, - подтвердил Вася.

Шура положил руку на плечо Васи и спросил: - А как твоя сестренка Катя?

- Спрашивает, что ей делать, чтобы немцев не было.

- Верная?

- Как я.

- Давай ей поначалу небольшие поручения.

Обнявшись, словно жених и невеста, Вася и Аня пошли по огородам к своим домам. По пути спрятали до вечера свою драгоценную ношу в укромном месте. Шура зашел к Лиде Карабутовой.

- Вместе с Наташей Антоновой вам сегодня предстоит дело, - сказал Шура, - Надо переправить те лекарства, что вы забрали в старой аптеке, партизанам. Как стемнеет, берите корзинки - и к реке. У плотины вас будут ждать рыбаки. Среди них одна девушка. Пароль «Клюет?» Они ответят: «Нет, сегодня, видно, погода не та».

Им и передадите лекарства. В первую очередь отправляйте бинты, йод, марганцовку и хинин.

Скоков улыбнулся и добавил: - Катю из малярной станции знаешь?

- Как же, оживилась Лида, - вместе в Пятигорском техникуме учились!

- Она будет среди этих рыбаков. Ну, счастливо!

Наступил вечер. Небо было чистое, звездное. На исходе лунного месяца небольшой серп этого ночного светила появлялся чуть ли не перед рассветом. Ночь предвещала быть темной. Это на руку величаевским подпольщикам.

Если бы человек, умевший с высоты в темноте наблюдать за селом, посмотрел бы в эту ночь на Величаевское, увидел много любопытного. Только стемнело, а девушки с корзинками в руках пошли к реке, словно не было времени днем прополоскасть белье; в другом конце села на улице появилась какая-то влюбленная парочка, которой невдомек, что по приказу фашистского командования за появление на улице ночью, хотя бы и по сердечным делам, грозит расстрел. В полночь нарушителей приказа стало больше: по огородам и задворкам к глухому переулку, где в своей хибарке коротал век старый бобыль Иван Алексеевич Прокопов, двигались темные фигуры. Видно, много непокорных, со смелым сердцем людей живет в этом прикумском селе.

Вася Обмачевский и Аня Антонова, прижавшись друг к другу, как влюбленные, тихо и осторожно шли от дома к дому. У каждого они на миг останавливались, словно хотели попрощаться у калитки, но затем раздумывали и шли дальше вдвоем коротать ночь. За собой они оставляли хозяину или хозяйке дома радостную весточку. Всего маленький листочек бумажки - в полстранички ученической тетрадки - а сколько радостных надежд он утром принесет людям! Здесь, под пятой жестоких оккупантов, они узнают настоящую правду: Родина живет и борется, Родина выстояла против лютого врага, Родина скоро избавится от иноземного гнета.

Юноша и девушка рука об руку идут от дома к дому и оставляют после себя такие же горячие, как их сердца, слова приветов и призыва к борьбе.

Вот они приближаются к просторному дому Евстрата Козыря. Шаги их осторожны, теперь это не двое влюбленных, а два ловких разведчика; тихонько перешли на противоположную

сторону улицы и быстро удалились в переулок, где стояли дома победнее, но люди в них жили свои.

Через пару часов «влюбленные» юркнули в пролом камышовой ограды и по огородной меже пошли к мосту через реку Куму. Две девушки с корзинами в это время приближались к плотине, где их интересовали рыбаки. Река спала, чуть-чуть слышно о чем-то шептались камыши. Казалось, здесь нет ни одного рыбака. Но вот из тени камыша выросли три человека. От неожиданности девушки растерялись.

- Ключет?

- Нет, сегодня, видно, погодка не та. - Лида облегченно вздохнула.

- Вот, принимайте лекарства, - сказала она, а сама внимательно всматривалась в «рыбачку».

- Катя! - чуть прошептала она.

- Лида? - удивленно произнесла «рыбачка» и кинулась обнимать подругу.

Приятно и радостно было девушкам, бывшим студенткам-однокурсницам, встретиться в эту тихую, но тревожную ночь как подругам одного общего святого дела. После окончания техникума подруги приехали в Левокумский район: Катя работала заведующей малярной станцией, Лида на медпункте в Величаевском. Когда фронт приблизился, Катя добровольно вступила в истребительный батальон. Затем она стала начальником медицинской части партизанского отряда.

Партизанам очень нравилась эта милая семнадцатилетняя, подстриженная под мальчика девушка. Каштановые волосы, черные широкие брови, темные глаза, небольшие полные губы, родинка на левой щеке придавали лицу обаяние юности. Вместе с тем девушка не по годам была серьезной, деловой и смелой. Она создала в отряде довольно приличную медицинскую часть, которая впоследствии спасла здоровье и жизнь многим партизанам. Не до больших душевных бесед было теперь подругам студенческих лет. Они пообещали друг другу обязательно встретиться в будущем и поцеловались при расставании. Партизаны, нагрузив заплечные мешки медикаментами, приветливо помахали руками девушкам и скрылись в камышах. Лида и Наташа направились к месту ночного сбора подпольщиков.

В это время в доме Скоковых тоже не спали. Татьяне Алексеевне что-то нездоровилось, и она легла рано. Шура перелистывал учебник немецкого, но, видимо, мало что запоминал из прочитанного, так как часто откладывал в сторону книгу и, зажав голову руками, подолгу о чем-то думал. Лариса, одетая, лежала на диване и тоже что-то читала или делала вид, что читает, то и дело поглядывала на задумавшегося брата.

Лариса встала. Да, время неумолимо делает свое: старое дряхлеет, молодое растет, набирается соков жизни. И у Ларисы уже минуло детство, наступила пора юности, когда все ярче и отчетливее складывается внешний облик человека, его склад мышления, характер.

За прошедшие полтора года из худенького подростка она превратилась в стройную девушку. Она сильно выросла. Ее выразительные глаза, разлет темных бровей, складки губ, сдержанная улыбка чем-то напоминали серьезного, рассудительного брата. Лариса подошла к столу, села против Шуры и внимательно посмотрела ему в глаза.

- Ты что? - вернулся к действительности брат, - Пора тебе спать.

- Ты говоришь со мной, как с маленькой, - обиделась Лариса, - уже большая и могу тебе помогать.

Шура вздрогнул, затем, будто не понял смысла слов сестры, ответил: - Ты же и так мне и маме много помогаешь. Без тебя мне в доме и огороде не справиться.

Лариса обиженно повторила: - В доме, огороде... - и, понизив до шепота: - Хочу помогать тебе во всем, понимаешь, во всем! - и дальше, так же шепотом, но быстро, словно у нее нет времени, чтобы выложить все, что накопилось на душе: - Разве я не вижу, как ты часто пропадаешь по ночам и на рассвете приходишь мокрый и усталый, не слышу, как тебя вызывают ребята, не знаю, зачем ходишь к Антоновым, не чувствую, почему часто часами думаешь. Шуручка, родненький, вижу и знаю, хочу тебе помогать. Ты думаешь, по тебе не вижу, что и сегодня ночью уйдешь?

Александр внимательно посмотрел в глаза сестре, Лариса встала, поднялся и Шура. Он улыбнулся, окинув с ног до головы фигуру сестры, и, подумав, сказал: - Ты стала взрослой,

можешь отвечать за себя. Ночью пойдем вместе.

...У Алексеича хата кривая и ободранная. Думал подновить, до войны недосуг, а теперь ни к чему: глядишь, немец сожжет, так пусть палит завалюшку.

На ржавых петлях настороженно скрипит оторванная ставня. И хатенка у Алексеича незавидная, и подворье заросло бурьяном. Живность не мычит, не кудахчет, немцам и полициям поживиться нечем - сюда не заглядывают. А для подполья тут удобно: заросли кругом и до камышей рукой подать. Здесь, у добродушного и верного человека, по совету Зайцева Иван Карпович Дрогин устроил на первых порах явочную квартиру.

Не случайно Андрей Иванович Зайцев избрал скромный домик Прокопова для конспиративной квартиры. Знал он Ивана Алексеевича еще по революции 1905 года, когда молодой солдат Прокопов проводил агитационную работу среди солдат, распространял большевистские листовки. В партию вступил в 1918 году. Воевал всю Гражданскую войну. Потом был председателем сельсовета, ходил на ликвидацию кулацких банд. Одним из первых вступил в колхоз, работал бригадиром, в последнее время по старости, как говорил он сам, ходил в сторожах на хозяйственном дворе.

Близилась полночь. С нетерпением ждет Дрогин своих юных подпольщиков. Группа у Скокова, видно, подобралась отчаянная, за короткое время сумела сорвать сходку, забрать медикаменты, расклеить столько листовок! Зайцев просил помочь ребятам, подсказать, что и как лучше сделать. Иван Карпович с тревогой смотрит на часы, прислушивается - не идут ли долгожданные гости? Алексеич подставляет ему картошку в мундире, беспокоится: - Угощайся, угощайся, Карпыч, хоть и нет ничего, да мы ухитряемся жить, - подмигнул, доставая и разрезая кусок сала. Фрицы ходят, яйца и сало требуют, а у нас - шаром покати, ничего нет.

Вокруг глаз Алексеича набежали веселые морщинки. Сутулясь, расправил сухой жилистой рукой русую бороду: - Давеча приходил полицай, сволочь, сукин сын. И кричит: «Иди, дед, в управу, к старосте. На учет братья надо. Нечего без работы жить. Они вас к рукам приберут!» А сам, сморчок, моих опорков не стоит, - показал на свои рваные сапоги. - Я его, сопляка,

знаю с малых лет: весь в родню - прадед, и дед, и отец бандитами были, и этот по их дорожке потопал. Я ему руку под козырек, во фронт стал. «Разрешите, говорю, товарищ комендант, я сейчас, соберусь малость!» Как заревет он: «Какой я тебе товарищ? Отвыкать нужно! Господин я!» Видал, Карпыч, какие пятиминутные господа на селе появились?

Огородами и задворками ребята и девчата группы Скокова неслышно пробирались к конспиративной квартире, на свое первое подпольное собрание. Они шли, вслушиваясь в ночную темноту, останавливались, замирали на мгновение и двигались дальше. Первыми подходили к хате Алексеича Кузьма Напханюк и Миша Заворотынский. Неожиданно перед ними встал человек с автоматом.

- Не бойся, Кузьма, - шепотом сказал Петя Базалеев. Это был он, отважный связной Ивана Карповича. - Пока в хату не ходите, вместе в «секрете» побудем, скоро все соберутся, - и он расставил ребят вокруг хаты.

Ветер шумел в камышах. Сердца впервые, находившихся в «секрете» Кузьмы и Миши, замирали, а глаза готовы были высверлить дыры в густой темноте... Только бы видеть все вокруг, быть уверенными в безопасности проходивших мимо товарищей.

В доме Скоковых до Великой Отечественной войны. Здесь собирались подпольщики

Сюда, к этому одинокому домику на окраине села, по одному, по двое подходили надежные помощники партизан. Пришли сестры Аня и Наташа Антоновы, Вася Обмачевский, Шура и Лариса Скоковы. Когда все собрались, Шура вызвал из «секрета» Кузьму и Мишу, которых сменил Иван Алексеевич Прокопов.

Иван Карпович Дрогин рас-

сказал о положении на фронтах, партизанской борьбе, и особенно подробно остановился на задачах комсомольского подполья и методах конспирации, связи с партизанским отрядом (здесь впервые он назвал Петю Базалеева, как связного, через которого будут поступать приказы командования - об этом раньше знал только Шура), наконец, о специализации каждого подпольщика.

- У каждого человека должно быть одно дело, одно задание, - говорил Иван Карпович, - которое он будет выполнять всегда: явочные квартиры - один человек, склады - другой, связь с отрядом - третий; должны быть группы по минированию дорог и мостов, по распространению листовок и агитации среди местного населения, по разведке. Каждому - свое дело, каждому - свое место в строю.

Сейчас, в начальной стадии оккупации, когда еще не разгорелась наша тайная война против гитлеровцев, - говорил Дрогин, - в селе ночами спокойно. Немецкого гарнизона нет, изредка через центр села проезжают мелкие хозяйственные подразделения.

Немецкая комендатура - в Левокумском. Местные фашистские прихлебатели - староста и полицаи знают, что где-то недалеко, в плавнях, находятся партизаны, ночью не выползают из своих хат. Но так дальше не будет. Мы не можем сидеть, сложа руки. И чем сильнее мы будем бить врага, тем активнее он будет стремиться найти нас и уничтожить.

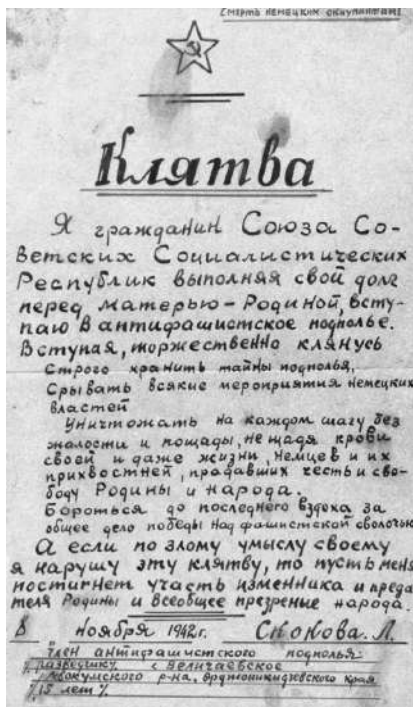
Если вы сумеете перехитрить врага, вовремя раскрыть его планы и сорвать их - будет большой успех. У врага ума и коварства не отберешь, тем труднее и почетнее ваша задача. Каждое слово, каждый клочок бумаги - находка для разведчика. Будьте бдительны, внимательны и осторожны. Прежде чем сказать или сделать что-либо, нужно хорошо подумать. Кругом - враги. И расплата за любую ошибку может быть роковой.

Молодые подпольщики слушали, затаив дыхание. Дрогин внимательным взглядом обвел присутствующих. На него смотрели юные, красивые, полные молодого огня и задора лица. В другое время эта компания горланила бы песни, лихо отплясывала полечку или лезгинку, в хате стоял бы шум, гам и смех. Сейчас же было тихо, словно в пустой комнате, лица юношей и

девушек сосредоточены, брови насуплены в твердой решимости.

- А теперь, - сказал Дрогин, - слово Шуře Скокову.

В торжественной тишине Шура достал небольшую стопку плотной бумаги и показал всем. Яркая звезда горела на каждом листке. Крупными буквами выделялось одно слово «Клятва».

Шура передал каждому текст и, став у стола лицом к друзьям и подругам, тихо, но четко и ясно начал читать. Все встали и замерли в торжественном молчании: - Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, выполняя свой долг перед матерью - Родиной, вступаю в антифашистское подполье. Вступая, торжественно клянусь: строго хранить тайны подполья; сры́вать всякие мероприятия немецких властей; уничтожать на каждом шагу без жалости и пощады, не щадя крови своей и даже жизни, немцев и их прихвостней, продавших честь и свободу Родины и народа; бороться до последнего вздоха за общее дело победы над фашистской сволочью.

А если по злему умыслу своему я нарушу клятву, то - пусть меня постигнет участь изменника и предателя Родины и всеобщее презрение народа.

Вот она, суровая романтика, мечта мальчишек и девчонок о неизведанном, неиспытанном счастье! Вот она, клятва верности любимой Родине! Каждый тихонько, почти про себя повторял ее.

Голоса дрожали, волнение передавалось от одного к другому. Юноши и девушки подтянулись, повзрослели их совсем еще детские лица, взгляды стали решительнее, мужественнее. И

каждый подписал свою клятву, стал бойцом антифашистского подполья. Жизнь приобрела новый определенный смысл.

Снова вышли вперед «секреты». По одному расходились юные подпольщики, исчезали их фигуры в ночной темноте. Приближалось утро, но на улице стало еще темнее. Черная косматая туча лениво пожирала в небе звезды, находили первые осенние дожди. Дрогин задержал Шуру, передал письмо отца с фронта. Счастливо заблестели глаза юноши.

- Спасибо, Иван Карпович, - не сказал, а прошептал он.

- Смотри, Шура, береги подполье, - сказал Дрогин, обнимая своего юного помощника. - Задания давай каждому по силе. Девочек не надрывай. Каждому - своя забота. Учись молчать и других учи - это самое важное и тяжелое искусство подпольщика. Будь здоров!

Через некоторое время клятву подписали остальные юные подпольщики.

Глава седьмая

КТО ЗДЕСЬ ХОЗЯИН

Староста всячески угождал немецкому начальству. Приезжавшие представители волостной комендатуры останавливались только у него. В дни приезда начальства полицаи с ног сбивались, шарили по сараям и подвалам жителей села, тащили в дом старосты кур, поросят, виноградное вино.

Евстрат всегда был набожным, а когда назначили старостой, еще ревностнее стал молиться, обращаться за помощью к Богу. Как только приходил домой, снимал шапку, вытирал платком плешистую голову и долго крестился перед иконостасом, шепча молитвы.

В доме у него часто собирался «тайный совет» из полицаев и бывших кулаков. Злые, недовольные советской властью, они стоваривались, как лучше привести в подчинение немецким властям жителей села, подавить протест честных людей против насилия и произвола оккупантов. На этом «тайном совете» они решили так распределить остатки колхозного хлеба, чтобы он не достался семьям активистов советской власти и партизан.

Евстрат Козырь смеялся сипло и надрывно. Его тусклые, как медные копейки, маленькие глаза смотрели зло и подозрительно. Когда он говорил своим скрипучим голосом, жиденская метелка седой бороды тряслась вместе со старческой нижней челюстью.

- Я человек старой закалки, - скрипел Козырь. - Я знал, что придет мое время. Сына большевики в двадцатом году расстреляли, лавочку отобрали. Приказчиком в кооперации был - не понравился, с работы сняли. А теперь все назад верну... Теперь я хозяин на селе, все у меня вот здесь, - показывал свой костистый кулак, - вот здесь попляшут! Теперь никто не посмеет пройти мимо, шапку сорвет, поклонится: «Доброго здоровья, Евстрат Прокопыч!».

Со своими подручными староста готовил для немецкой коммандатуры подробный список коммунистов, комсомольцев, партизан и других односельчан, которые честно трудились в колхозе, а сейчас не хотят сотрудничать с немцами. Васька Глазун сказал Евстрату: -

Кузьму Напханюка запиши, Прокопыч, он в комсомоле состоял.

- Чабана, что ли? - спросил Козырь. - Не слышал, чтобы при Советах он активничал. Может, сдуру и вписался в комсомол, а себя не проявлял, все в степи с овцами валандался.

- Вредный Кузьма, - шептал Глазун, - вредный!

- Да чем он навредил тебе? - спрашивал Козырь. - Сопля он, туха здоровый. Его бы в полицию втянуть... Да ты, может, девок с ним не поделил? - и, подумав, добавил: - Этого, при случае, всегда можно вписать. Этак, кроме нас с тобой, всех записывать надо. А с кем против Советов воевать будем?

Со списком Козырь не спешил. Староста понимал, что село надо обезглавить, уничтожив активных патриотов, а остальных можно потом держать в страхе и повиновении. Днем он вызывал на перерегистрацию всех совер-

шеннолетних жителей села, опрашивал их, а сам сверлил глазами односельчан, словно хотел заглянуть им в души. Молодежь до восемнадцати лет в сельскую управу не вызывалась. Староста ревностно нес службу. Ежедневно по селу ходили полицаи и требовали от крестьян сносить к сельской управе кур, гусей, масло, шерсть, теплую одежду. Приближалась вторая военная зима. Гитлеровское командование спешило запастись продуктами и теплой одеждой. С каждым днем в селе все меньше оставалось скота и птицы, пустели от одежды шифоньеры и сундуки колхозников.

Недовольство и ненависть к оккупантам, приспешникам зрели на селе. Немцы пока редко сюда заглядывали. Они все делали руками

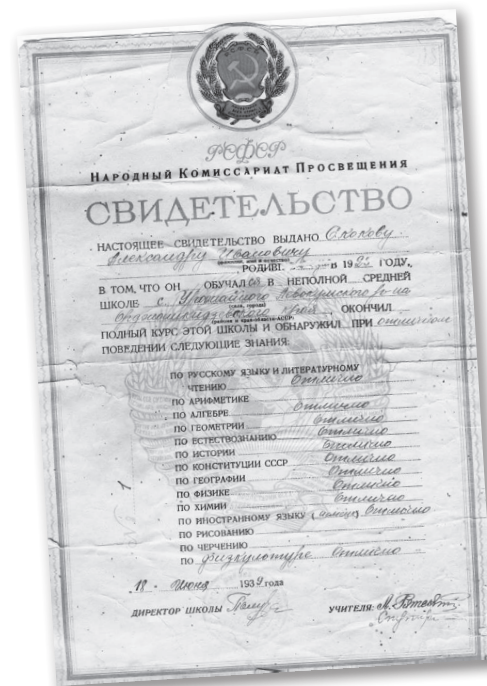
Екатерина
Обмачевская

Михаил
Заворотынский

Тaisia Барко

Кузьма
Напханюк

Петр Базалеев

Козыря, Косогова и других предателей. В лице этих прихвостней величаевцы видели представителей «нового порядка». Идя по улице в канцелярию, где с утра до вечера скрипел пером Тимошка Береговой, или домой, староста чувствовал, что его спину сверлят сотни ненавидящих глаз, кто-то неусыпно наблюдает за каждым его шагом. Иногда он со страхом неожиданно оглядывался, но улица была пуста.

Придя домой, Козырь набожно читал молитвы, воздевая руки к небу и не сводя глаз с образа спасителя. Ночью во сне он стонал, иной раз вскакивал и вслушивался в ночной скрип ворот и шум сада, проверял запоры, снова отбивал поклоны всем святым, выпивал стакан самогона и перед рассветом забывался в тяжелом пьяном сне.

...Татьяна Алексеевна Скокова раскатывала тесто, когда в дом пришли начальник полиции Алексей Косогов, его заместитель Васька Глазун и двое фашистских солдат. На неедохнуло водочным перегаром. Ей показалось, что Глазун особенно внимательно смотрит на нее. Сердце заныло, будто его сдавили железными клещами, руки ослабли и опустились. «С Шурой что?» - мелькнула мысль. И стало холодно, так холодно, что капли выступившего пота, казалось, льдинками катятся по телу.

Глазун был отвратителен, противен. Его тело расплылось под ядовито зеленой шкурой полицейской формы.

- Где твой сын? - спросил он строго, не замечая, какое удовольствие доставил этим вопросом Татьяне Алексеевне.

«Живой! Свободный!» - застучало громко сердце. Она сразу засуетилась.

- Проходите! Садитесь! А Шура ушел на рыбалку. Придет скоро, - говорила, наблюдая за фашистами.

- Так... - протянул Глазун. - Сдай фотоаппарат, Татьяна!

- Нет его у меня.

- У сына был.

- Когда-то был, еще до войны. Потом Шура его продал кому-то в Лвокумском.

Косогов приказал Глазуну: - Делайте обыск, да хорошенько!

- добавил, обращаясь к Скоковой:

- Ты, Татьяна, не обессудь - служба.

Глазун и солдаты переворачивали постели, выбрасывали все из чемоданов и комода. Глазун вытащил из гардероба шубу, деловито осмотрел ее и положил на лавку.

- А шубу-то зачем отложил? - сказала Татьяна Алексеевна. Ведь у меня ребятишки... - Она протянула руку к шубе.

Глазун больно ударил по руке: - Прочь, комиссарская стерва... Я тебе покажу, зачем шуба... Шубу жалеешь? Она нужна для немецкой армии. А куда твой сын спрятал магнето от трактора, не знаешь, да? - вплотную к Татьяне Алексеевне подошел Глазун. - А радиоузел сельский где? Может, и это не твоего сына проделка? Смотри, Татьяна...

Мать Скокова знала, что кто-то, говорят - комсомольцы, «раскулачил» радиоузел. Слышала, что с тракторов, которых не смогли угнать в тыл, кем-то сняты и унесены важные части. Она понимала, что Глазун просто пугает ее, что он ничего не знает о Шуре. Татьяна Алексеевна теперь поняла, что у нее не обыск, а открытый грабеж. Солдаты примеряли костюм, туфли. Она негромко, но едко спросила: - А брюки тоже к запасным частям трактора относятся?

Косогов подбежал к ней и, суя кулаки в лицо, зло сказал:

- Молчи, подлюка!

Татьяна Алексеевна покраснела, щеки ее нервно задрожали.

- Грабители... - Прошептала. Косогов ударил ее кулаком.

- Не смей бить! Она - мать!

В дверях стоял Шура. Он быстро прошел через комнату и стал рядом с Татьяной Алексеевной.

- Не надо, Шура! Успокойся, сыночек, - просила Татьяна Алексеевна, - пусть берут, пусть уходят... - она боялась за сына.

Ничего компрометирующего полицейские не нашли в доме Скоковых. Они забрали шубу, костюм, модельные туфли и ушли. Проходя через двор, Глазун поймал гуся и понес домой. В воротах он крикнул: - Гуся - за обыск! Небось, не обедняете...

- Ничего, мама, - глядя волосы рыдающей Татьяны Алексеевны, успокаивал Шура. - Надо терпеть. Скоро наши вернутся.

...Ночь - время партизан и подпольщиков. Сколько больших и малых боевых операций проведено против оккупантов - об этом знает только темная прикумская ночь осени тысяча девятьсот сорок второго года. Юные подпольщики, как мог-

ли, помогали своим отцам и старшим братьям. В их борьбе с врагом было много наивности, ребячьей непосредственности, порой даже необдуманного озорства, свойственного шестнадцати и семнадцатилетним. Их поступками руководил искренний горячий патриотизм. Шура Скоков выделялся среди своих сверстников серьезностью и рассудительностью. Не случайно именно его Зайцев и Дрогин выбрали вожаком молодежного подполья. Как мог, Шура сдерживал своих озорных романтиков. Ему это не всегда удавалось, но он снова и снова учил своих друзей конспирации, как его учили старшие товарищи.

...Кузьма Напханюк и Вася Обмачевский по заданию Шуры ловили в степи лошадей, разбежавшихся из колхозных конюшен и бригадных полевых станов еще в первый день фашистского нашествия, до поры до времени прятали их по дворам колхозников (придет весна - пахать и сеять надо будет), а потом переправляли партизанам. Кормить лошадей, добывать фураж Кузьма поручил своим двум младшим братьям подросткам - Семену и Василию. Ребята иногда выгоняли лошадей пасти на неубранный овес, но лошадей могли увидеть немцы и полицаи, поэтому Кузьма запретил выпас, а поручил ребятам возить овес для лошадей с поля.

Однажды дед Напханюк с младшими братьями Кузьмы вы-

ехал в степь за свежим кормом. По ближайшим от села полям колхозники часто ходили собирать корм для птицы, вручную, палками обмолачивали зерно и тащили домой. Это видели полицаи, но против «уборки» колхозного урожая таким образом, они не возражали. Дед косил, а внучата таскали в телегу овес. - Скорей, скорей поворачивайтесь, - подзадоривал дед ребяташек.

Пока косили, таскали и укладывали овес, прошло немало времени, стало смеркаться. Домой ехали уже в темноте. Кругом ни души. Все расплывалось темным пятном, и перед глазами маячили тени кустов, похожие то на человека, то на страшного чудовища с длинным зубчатым хвостом.

Бодро поправив шапку, дед сказал: - Ну-ка, Семен, давай нашу величаевскую, затынем, полицаи и староста, видать, уже спят без задних ног. В своем селе мы хозяева.

«Величаевской» дед называл песню дальневосточных партизан «По долинам и по взгорьям». Хотя песня эта про другие времена и пелось о далекой дальневосточной Волочаевке, но на селе она всем нравилась: как-никак, а песня боевая, про партизан, и слово «Волочаевка» поется как «Величаевка».

Запевал Семен детским, звонким, полным задора голосом. Задушевно полилась бодрая песня, сначала тихонько вполголоса, потом все громче, поднимаясь все выше и выше. Как только Семен кончал вторую строку куплета, дедушка и Василий подхватывали песню. Она неслась по улицам притихшего села.

И вдруг захлопали двери домов, люди выглядывали на улицу, слушали смелую песню, вспоминая о славных днях свободной жизни. Где-то, со стороны дома Алешки Косогова, раздался выстрел. Видимо, начальник сельских полицейских со злобы послал пулю в песню. Голоса замолкли, но в ушах величаевцев еще долго звенела необычная в этот вечер песня и выстрел по ней. И им думалось: «Нет, не убить врагу этой боевой советской песни, как не задушить веру и надежду советских людей в скорую свободу».

Приехали дед Напханюк, Семен и Василий. Они притихшие, но внутренне взволнованные. Мать все слышала, долго ворчала на сыновей и деда, а в душе была горда за них.

- Что старый, что малый - все одно ребенок, - добродушно ворчала она. - И ты, старый, не мог прекратить песню.

Но дед лукаво отвечал: - Да что, я ничего. Это вот твои потатчики все устроили. А насчет того, что нас предадут, ты не беспокойся, - он спрятал улыбку под своими еще темными усами.

Утром Шура, слышавший песню и выстрел, с укором говорил Кузьме Напханюку:

- Это твои пацаны ночью распелись? Сколько я тебе говорил: не поручай соплякам задания подпольной организации. Подведут они нас ни за что, ни про что из-за своей детской глупости. Тоже солисты краснознаменного ансамбля...

Кузьма Напханюк пришел домой расстроенный. Он дал подзатыльника Семену, а Василию отпустил такой щелчок, что у того на лбу вздулась огромная шишка.

- Если еще раз такую ерунду сделаете, разговаривать не буду и не подзатыльники получите, а вожжей отведаете. Ишь, герои...

- А если дедушка сказал «нашу величаевскую», - сопел, обидевшись, Василий.

- Ты сам за себя отвечаешь, такого делать нельзя!

...Со своей тройкой Миша Заворотынский вел против оккупантов «психологическую войну». Ему поручили постоянно нервировать волостную комендатуру и местную полицию всякого рода ложными слухами: о мнимых десантах Советской Армии, о появлении партизанских отрядов. Его тройка должна была «терять» фиктивные приказы, карты партизан, чтобы они попадали в руки врага, писать анонимные письма, записки

старосте, начальнику полиции и другим фашистским прихвостням, держать их в постоянном нервном напряжении.

Эта психологическая война сбивала с толку полицейских ищеек, которые часто бегали в пустой след, напрасно разыскивая партизан там, где их никогда не было. Она выводила из себя немецкое начальство, которое даже действительно точные донесения ставило под сомнение. Мише нравилась эта работа.

- От наших «сообщений» они не только затылок почешут, но и не заснут, - говорил он.

В первые дни после оккупации по району пролетел слух: районное отделение госбанка не успело вывезти драгоценности, которые в Левокумское попали при эвакуации из западных городов страны; будто бы служащие госбанка закопали их где-то в плавнях, на одном из островов, а сами разбежались. Не у одного полиция болела голова от мысли, как найти этот клад. Особенно интересовался этим Косогов. Он внимательно прислушивался, что по этому поводу говорили сельчане.

По заданию Миши Аня Антонова часто стала появляться с ведром у артезианского колодца, где женщины брали воду. Здесь бывали жены партизан, советских воинов и полицейских, сюда же приходили первые сельские сплетницы Аксютка и Марьюта, которые устраивали у артезиана «брехаловку».

Как-то в разговорах, толках, будничной болтовне Аня Антонова шепнула Марьюте, что, мол, ходят слухи о банковских драгоценностях. Тема понравилась сплетнице, и она стала рассказывать бабам обо всем, что слышала и что создавало ее богатое воображение, - лишь бы бабы слушали, разинув рты. К ней присоединилась и Аксютка. И пошел такой разговор, что у жены Косогова глаза разгорелись.

- Слышно, на Кочубее, - говорила Марьюта, - один из тех, кто прятал, объявился. Да не признается - божится, что ничего не знает.

- Да ну?

- Это точно, Мотря вчера говорила, да сегодня она на Черные земли уехала.

Жена Косогова, словно эта новость ее не интересует, сказала: - Мало что болтают. Клад - хорошо, а вот искать - плохо. Да и на что он нам, пусть ищет, кто хочет.

А сама жадно ловила каждое слово, но не могла установить, у кого же можно узнать что-либо точнее о появившемся банковском работнике. Мужу она рассказала все, что слышала у колодца. Косогов блеснул тусклыми зрачками злых глаз и сказал: - Я найду его... Ты говоришь, он молчит? Все они такие. Вот когда я с ним поговорю - признается.

Начальник полиции поднялся с кровати, торопливо стал одеваться: - Если придут из управы, - учил жену, - скажешь, мол, срочно поехал на хутор Кочубей, по делу.

Жена с надеждой посмотрела на него: - К куму забеги. Проведай. Привет передавай!

Но, как и следовало ожидать, «брехаловка» у артезиана сработала не точно. Вернулся Косогов с хутора злой и пьяный, застрелил по пути, с досады, соседскую собаку. Стуча по столу кулаком, кричал:

- Бабье языкатое! Согнать бы всех в холодную. Посмотрел бы я, как они сплетни там заплетали. Чешут языки - лишь бы чесать. Тьфу!.. Там не то что из банка человека нет - половина хутора разбежалась, как меня увидели. Пустили слух, что все семьи красноармейцев будут взяты на учет. Кум и то трясется: Гришка-то его летчиком служит.

Косогов зло ругался. А на другой день с Косоговым и Глазунном случилось новое происшествие, о котором несколько дней судачили бабы. В плавнях у них стояли рыбацкие катцы, которыми они ловили обычно много рыбы. Утром они поехали проверить свои катцы. Каково же было их удивление и гнев, когда они нашли свои катцы забитыми дохлыми крысами и лягушками. По дороге они проверили капкан, поставленный накануне на зайца. В нем была гадюка. Весть об этих происшествиях быстро распространялась по селу. Болтали разное. Суеверные и богомольные старушки шамкали: «Не к добру это, бабоньки, не к добру. Знамение божие».

Все эти слухи доходили до Шуры, о них ему регулярно сообщала Лариса. Он, конечно, предполагал, что такие озорные проделки - дело рук его ребят, скорее всего Мишки Заворотынского и Кузьмы Напханюка, двух дружков.

Однажды вечером, когда они втроем снова собрались в сарае Напханюка (Козыренко, Косогов и Балабанов по-прежнему

имели в виду втянуть его в полицаи, поэтому дом Напханюка был вне их подозрения), Шура завел разговор, как он выразился, о «мелких укусах».

- Тоже мне ребятишки - по два метра ростом. Дохлыми крысами, лягушками да гадюками занимаются, - ворчал он. - Ваша проделка с катцами, больше некому в плавни бегать, - сказал он Мише и Кузьме. Миша неохотно отвечал:

- Так, от нечего делать, баловство все это...

- Других дел, поважнее, нет у вас? - настаивал Шура. - Вы еще, как Сенька с Васильком и дедом, выходите на улицу и орите: «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед». Тоже подпольщики... Не мелкими укусами, а делом надо заниматься.

Кузьма хмурился, но в душе соглашался с Шурой. Действительно, все как-то нескладно, несерьезно, по-детски получается. Листовки распространять - это, конечно, уже большое дело, но здоровые руки скучают по чему-то более боевому. «Да, видно, - вздыхает Кузьма, - еще время не настало».

Мишу, более неугомонного и непоседливого, в это время мучало другое. Он больше отмалчивался и часто, нервно сжимая длинные цепкие пальцы, вступал в споры с друзьями. Быстро, точно захлебываясь, он доказывал:

- Пишем листовки! Вешаем, а они рвут их и топчут! А мы еще повесим! Мы им спать не дадим, заставим паразитов и днем ставни закрытыми держать! - его глаза так искренно горели злобой, а в словах была такая ненависть, что, казалось, он весь горит изнутри.

Несколько раз Миша строчил едкие эпиграммы на изменников Родины и помещал их в листовках. Шура предупреждал: нужно быть осторожнее, в селе все на виду, все знают, кто, чем дышит, кто стихи пишет. Но Миша не унимался.

- Ты мне рот затыкаешь, арестом пугаешь, а они по селу ходят, никого не бояться! Кто здесь хозяева - они или мы? Это советская земля! И я все время должен им напоминать об этом.

Скокову нравилась Мишина злость, но в то же время она его тревожила: как бы парень не сорвался из-за своего горячего характера. Было у него слишком много юношеского задора. Надо работать иными методами, не горячиться, действовать спокойно, рассудительно.

Почти каждое утро жители Величаевского находили у себя во дворе, за закрытой на ночь ставней, в огороде или еще где-либо кем-то подброшенные листовки. Преимущественно это были сводки Совинформбюро, написанные от руки, изредка печатные листовки, поступавшие через Петю Базалеева и тайничок к Скокову, и едкие Мишины эпиграммы о «новом порядке» и его служителях. Листовки обычно переписывали от руки Шура и Лариса Скоковы, Миша Заворотынский и Аня Антонова. Эта кустарная типография ежедневно выпускала сотни листовок. Ночами девочки распространяли листовки по селу.

Когда люди засыпали беспокойным в это тревожное время сном, Наташа Антонова, Катя Обмачевская, Маша и Шура Фелицины, Наташа Калайтанова, Лида Карабутова выходили в свой опасный поход по селу. Безлюдно и тихо в ночное время. Нигде ни огонька, не слышно даже собачьего лая: большинство собак перебили фашистские солдаты и полицаи, а которые уцелели, казалось, своим собачьим чутьем угадали, что и для них настали черные дни, забились в свои конуры и настороженно вслушивались в пугающую тишину.

От двора к двору бесшумными тенями скользили девочки, оставляя жителям села весточку с родной, свободной от врагов земли. В эту ночь Наташа вышла из дому не только с листовками за корсажем юбки, но и с баночкой в руках. Накануне она прочитала книжку «Грач, птица весенняя», в которой рассказывалось о выдающемся подпольщике - большевике из времен царизма. Из книги она вычитала, как подпольщики расклеивали свои прокламации и решила последовать их примеру. Сварить из муки клейстер - дело немудреное, сделать кисточку из свиной щетины - пара пустяков. Но где наклеивать? На домах колхозников? Можно подвести хозяев. И Наташе пришла мысль: наклеить на школе, сельсовете, бывшем магазине сельпо.

Сердце билось сильно и тревожно, когда она подходила к родной школе, где так весело и быстро пролетели девять учебных лет. В темноте школа сиротливо смотрела на Наташу выбитыми окнами, калитка ограды была сорвана и, видимо,

давно сгорела в походной солдатской кухне, проходившей через село гитлеровской части.

Во дворе пахло навозом и смесью бензина с автолом, пролитыми стоявшими вражескими машинами. Как назло, взопла луна. Наташа проскочила теневой стороной здания, наскоро несколько раз мазнула кисточкой дверь школы и приложила к ней листовку. Затем также наклеила листовки на здание сельсовета, где находилась теперь сельская управа, на пустом магазине сельпо, на нескольких телефонных столбах и даже на колонке артезианского колодца.

Возвращалась она мимо дома Козыря. И тут у нее возникла дерзкая мысль. На цыпочках, чуть дыша, она подошла к калитке старого двора, легким движением крест-накрест махнула по ней клейстером и тихонько прижала листовку. На ней даже при луне можно было прочесть крупные буквы: «Смерть немецко-фашистским захватчикам!»

Когда отходила от дома старосты, случайно наступила на сухую веточку, и та хрустнула. В ночной тишине неожиданный хруст веточки отозвался в ушах, как выстрел. Наташа вздрогну-

Партизаны Ставрополя

ла и пустилась бежать прочь. Во дворе старосты хрипло залаял пес. Но девушка была уже далеко. Она стояла в тени деревьев на задворках и никак не могла отдышаться от бега и страха.

Лай собаки разбудил Козыря. Он прислушался. Но на дворе было тихо, пес замолк. Евстрат перекрестился: «Спаси, господи, кажись, попусту кобель брешет», - прошептал он и снова притих на кровати.

Утром Тимофей Береговой, как обычно, пришел в сельскую управу раньше старосты. Он уже было полез в карман за ключом, чтобы отомкнуть канцелярию, как вдруг на двери управы, вместо распоряжения волостной комендатуры о сдаче населением продуктов в фонд немецкой армии и запрещении хождения по селу в ночное время, увидел приклеенную листовку: «От Советского информбюро». Тимофей прочитал ее, улыбнулся в душе и, поглядев по сторонам, пошел обратно домой. Видимо, по рассеянности забыл сегодня ключ от канцелярии.

Через полчаса хлопнула калитка во дворе Козыря. Позевывая, староста повернулся к ней лицом, чтобы плотнее прижать ее щеколдой, и остоленел. Мурашки забегали перед глазами. Сквозь застлавшую глаза пелену он прежде всего прочитал, нет не прочитал, а просто увидел крупно написанные слова: «Смерть немецко-фашистским захватчикам!»

В бешенстве пытался сорвать листовку, но она крепко приклеилась к калитке, староста злобно стал скрести ногтями бумагу, срывая кусок за куском. Покончив с этим делом, чертыхаясь и крестясь, расстроенный староста поплелся, устало шаркая старческими ногами, к канцелярии управы. Издали он увидел висевший большой замок и с досадой подумал: «Тимошка, шельма, с девками, видать, прошаландался, а теперь дрыхнет, службы не знает». И вдруг снова: «Смерть немецко...» Он не дочитал и, как зверь, бросился к двери.

Подожли Косоков и Тимофей Береговой. Они стали усердно помогать старосте срывать листовку. Уже в канцелярии, немного успокоившись, Козырь сказал Косогову: - Полицаи, а порядка в селе не наведут. Надо в комендатуру сообщить, а вам нечего отлеживаться, надо смотреть, что по ночам на селе делается.

В тот же день немецкая комендатура узнала и о листовках, и с опозданием, о ночной песне.

...Сестры Наташа и Аня Антоновы, их подруга Нина Курочкина сидели у своего дома, когда по улице проехала небольшая группа немецких солдат на грузовой машине. Они прямо заехали на школьный двор. Солдаты зашли в школу.

- Интересно, - сказала Аня, - чего это они к нам пожаловали?

- Пошли посмотрим их, какая это нордическая раса господ, - предложила бойкая Нина. Девушки пошли к школе.

Полненькая кареглазая Нина Курочкина поправила рукой золотые кудри, приподнялась на носочках и заглянула во двор школы. Штакетник был невысокий, но Нина вынуждена была приподняться - она всегда негодовала на то, что такая маленькая - просто беда. Становясь рядом с Кузьмой Напханюком, заливаясь румянцем и морща свой носик, она обычно просила:

- Ну хотя бы мне сантиметров пятнадцать отдал. Больше мне не надо!

Ребята смеялись: - Каблук двенадцать сантиметров - и все в порядке.

- А ну вас... - отмахивалась Нина.

По двору ходили гитлеровские солдаты. Двор загадили, волейбольную площадку перековыряли, цветные клумбы вытоптали.

Балабанов выводил из школьного сарая лошадь. Увидев Нину и сестер Антоновых, крикнул: - Идите сюда!

Девочки осторожно пробрались во двор: - Нужно убрать в коридоре школы.

Нина сразу бойко ответила за всех: - Мы за веником и тряпками сбегаем. Девочки выпорхнули на улицу.

- Фу, все, теперь ждите нас, - сказала Нина, насмешливо кивнув в сторону Балабанова.

- Что, - спросила Аня, - убирать школу не пойдешь?

- Хо, еще я на фрицев шею не гнула!

Наташа посмотрела на Курочкину и сказала: - Ничего ты не понимаешь.

- А что здесь понимать? - сморщила лоб подруга. - И так все ясно: это же теперь не школа, а казарма, на фрицев работать не буду...

Наступило неловкое молчание. Аня и Наташа боялись сказать подруге, что на селе живет организация комсомольского

подполья, которая интересуется, что делается в стане врагов. А здесь случай был подходящий - приглашали убирать там, где размещалась немецкая часть. Аня безразлично сказала: - Ну, ты как знаешь, а Балабанов рядом с нами живет, боюсь ослушаться полиция.

Нина пошла домой, а сестры Антоновы побежали за тряпками. В коридоре школы было пусто, многие окна первого этажа разбиты. На переплете одного из разбитых окон хозяйски чирикал воробей, видимо, облюбовавший себе квартиру на случай осеннего ненастья. Пол был в навозе и грязи. Девочки быстро начали убирать. Наташа осторожно заглянула наверх, где, очевидно, поместились солдаты.

В ближайшем от лестницы классе через открытую дверь было видно, что немцы располагаются на отдых. Вернувшись вниз, она взяла ведро и тряпку и смело пошла на второй этаж,

Бабушка Саши Скокова,
подпись: «На память Тане и Ване, 8.11.1934»

громко стуча ботинками по лестнице. Навстречу из класса вышел немец. Увидев девушку, улыбнулся и вопросительно посмотрел на нее. В открытую дверь Наташа услышала, как один из немцев, видимо старший, сказал другому:

- Фельдлагер
фюр муницион.

- Мы убирать пришли. Здесь можно? - спросила Наташа и показала на ведро с водой и тряпку.

- Убирайт? - повторил немец и пока-

зал вниз: мол, убирайте там, здесь сами уберем. Когда Наташа спустилась вниз, Аня уже заканчивала сгребать навоз в кучу.

- Ну, что там?

- Немцы отдыхают, - тихо ответила Наташа, а затем еще тише, почти шепотом, спросила: - Ты не знаешь, что такое по-русски означает «фельдлагер фюр муницион?»

- Не знаю, - ответила Аня, - потом у Скокова спросим. И они начали подметать.

- Интересно, немцы откроют школу или нет? - спросила Наташа.

- Наверно, на немецком откроют, - задумчиво, ответила сестра.

- Пусть хоть на каком языке открывают, все равно - не наша эта школа... Фашистская...

- сплюнула Наташа.

- Пошли, хватит убирать.

- Куда идете? - остановил их въезжающий во двор Балабанов.

- Уже убрали, - ответила Аня, - вон сколько навоза вытащили, - показала она, действительно, большую кучу навоза и грязи, которую выбросили из коридора школы.

- А на верхнем этаже немцы убирать не разрешили, им, говорят, и в грязи хорошо.

Отец Саши Скокова -
Скоков Иван Андреевич, слева

А вечером девочки были у Шуры Скокова. Они рассказали все, что видели в школе, спросили, что такое по-русски «фельдлагер фюр муницион». Шура попросил еще раз повторить услышанную девочками фразу, подумал: - Склад для снарядов или боеприпасов, - добавил: - Это, кажется, интересно будет Ивану Карповичу Дрогину. Спасибо, девочки.

Вечером от Таи Барко пришло сообщение, что через Левокумское проходят части войскового соединения генерала Гельмута Фельми,двигающиеся в направлении на Малгобек и Грозный. Так вот, оказывается, для кого будет создан в селе склад боеприпасов. Обо всем этом Шура сообщил Дрогину через Петю Базалеева.

На следующий день с утра в село стали прибывать грузовые машины. Целый день немецкие солдаты и полицаи у здания бывшего магазина сельпо сгружали громоздкие зеленые ящики. Сомнений не было: это могли быть только боеприпасы. Ночью Шура был у тайничка в плавнях и положил туда новое донесение: «В селе создан склад боеприпасов, за день прибыло и разгрузилось 25 автомашин. Машины прибывают со станции Святой Крест и Владимирского лесхоза».

...От Урожайного до Величаевского - путь не близкий. Но Тае Барко не привыкать мерять километры. Она идет быстро и легко. Кроме небольшой корзиночки, у нее нет груза. Ветер треплет волосы, выбившиеся из-под косыночки, путает платье в ногах. Дорожка бежит извивающейся лентой, пересекает балочку и выходит на плоскую, как скатерть, степь. Еще тепло, солнце ласково и нежно обнимает своими лучами девушку, но осень уже чувствуется во всем: в оголенных кустарниках, высохших до хруста под ногами травах, в дыхании порывистого и прохладного ветра. Лишь только камыш в пойме Кумы шумит на ветру своим темно-зеленым нарядом и до настоящих морозов не собирается расстаться с летней одеждой.

Тая спешит. Она несет, конечно, в голове - важное донесение подпольной группы из Левокумского: в районе Владимирского лесхоза гитлеровцы создали огромный склад боеприпасов; вот уже несколько дней сотни машин возили туда бомбы, снаряды, мины, гранаты, патроны; точно расположение склада установлено. Тая спешит. Она должна как можно быстрее сообщить

Скокову о складе, чтобы передать это сообщение партизанам, а через них командованию Советской Армии. Ведь речь идет о сотнях тонн взрывчатки и металла, которые могут быть в любой час сброшены на наши войска. «Скорее, скорее», - шепчет про себя девушка. Чем быстрее она дойдет до цели, тем легче станет у нее на душе.

- Впереди небольшая возвышенность, а там уже и рукой подать до Величаевского.

Только Тая взошла на горку, как вдруг сердце ее тревожно забилося, лицо побелело, над бровями выступили бисеринки пота. Навстречу шли два фашистских солдата и полицаи; по жирной туше она узнала Ваську Глазуна. К подобной встрече Тая готовилась заранее, она, безусловно, знала, что встреча почти неминуема, но, когда увидела немцев, все же растерялась. Чуть сбавив шаг, она стала твердить про себя: «Надо быть спокойной, надо быть спокойной».

Окинув подозрительным взглядом девушку, Васька Глазун сказал по-немецки:

- Хальт! - видимо, это единственное немецкое слово он усвоил сразу, когда стал полицаем. Тая остановилась и вопросительно посмотрела на немцев.

- Куда и зачем идешь?

- К тетке в Величаевское, - возможно спокойнее ответила Тая. - Чернышиху знаете, господин полицай?

- А в корзине что?

- Платье несу, может, на продукты заменяю.

Глазун порылся в корзине, ничего, кроме старенького платья, не нашел. Внимательно оглядев стройную фигурку девушки, он грубо схватил ее за плечо и стал облапывать своими грязными ручищами.

- Может письмо где спрятала, - гадко ухмыльнувшись, сказал он.

Тая вся съежилась от гадливого ощущения, словно холодная гадюка ползает у нее под кофточкой. Немцы засмеялись.

- Гут девка, гер полицай! - сказал солдат. Васька подморгал и сказал:

- Ну, иди, да не часто бегай к своей тетке. А мы с этими господами немцами, может, вечером заглянем к твоей Чернышихе.

Тая, не оглядываясь, быстро пошла к селу. У Лиды Карабутовой Тая встретилась с Шурой. Она подробно все рассказала о складе боеприпасов, встрече с немцами и Васькой Глазуном. Чтобы все хорошо запомнить, Шура попросил Таю дважды повторить свой рассказ, потом сказал: - Все это передам Дрогину.

Катя Обмачевская в детстве

Саша Скоков - будущий руководитель Величаевского подполья, в детском возрасте, в Железноводске, 1938 год

Этим складом, наверное, он займется. Тебе, Тая, надо заглянуть на часок к Чернышам, а ночевать иди к какой-нибудь девочке - Васька может прийти.

В эту же ночь Дрогин получил новое донесение Шуры. А через два дня в ноль часов тридцать минут над лесом Владимирского лесхоза появились советские бомбардировщики. Откуда-то с земли взвились три ракеты две синих и одна красная. Затрещали пулеметы и автоматы охраны немецкого склада, залаляли сторожевые собаки. Своем полетели бомбы.

Огромный взрыв встряхнул землю. Зарево пожара, взрывы снарядов было видно и слышно в Величаевском и других окрестных селах всю ночь. Три разведчика-партизана из взвода Ивана Карповича Дрогина камышами пробирались на свою базу. Мутно-зеленая вода, словно изрытая оспой, рябилась на чистых заводях от колкого, холодного ветра.

Неугомонный гуляка свистел и проникал в каждую щель. На острове Напханюка реже появлялись дикие кабаны. Морозы своим холодным дыханием сковывали по утрам лужи, у берегов Кумы появились ледяные закраины.

Немецкие часовые у склада боеприпасов все чаще поднимали воротники своих шинелишек, прятали руки в карманы. Волостная комендатура из Левокумского настоятельно требовала от старосты сбора теплых вещей у населения для немецкой армии. Козырь старался выполнять указания своих хозяев - за усердие обещали награду. Староста выходил из себя, совсем охрип от крика, но почти никто из жителей не желал сдавать теплые вещи. Он ругался, грозил расправой. Дед Гринько еще урезонивал его: - И чего пыхтишь, как самовар? Сам знаешь, ничего в доме нет, скоро и последнее ветер выметет.

Наташа Антонова, укутавшись серой шалью и отворачиваясь от жгучего ветра, с трудом шла по улице. По небу мчались низкие серые облака. У Фелициных хлопала по ветру сорвавшаяся с запора калитка. Под крыльцо дома Скоковых ветер нагнал целую кучу желто-коричневых листьев и всякого мусора. Одинокая акация прижималась к стенам саманного дома, ища защиты от безжалостного ветра. Ветки ее жалобно стонали. Вместе с Наташей в коридор ворвался ветер и яростно захлопнул вслед за ней тяжелую дверь.

Лариса с книгой в руках сидела около этажерки. Увидев Наташу, лукаво улыбнулась своими озорными глазами и указала на дверь, ведущую в кухню: мол, он там. Затем взяла гитару и тихонько запела частушку Миши Заворотынского: немцы старосте сказали: «Наградим тебя крестом», этот крест ему поставим мы, ребята, всем селом...

- Раздевайся, проходи, - услышала Наташа мягкий голос Шуры.

- Зима не на шутку разыгрывается. Фрицы носы прятать начали, не нравится им наш ветерок.

Шура был в темной рубашке и защитном галифе. От этого он казался еще выше и мужественнее.

- Староста и полицаи ходят по дворам, отбирают теплые вещи для гитлеровских солдат, - сказала Наташа. - Мы с девочками решили: соберем по дворам фуфайки, шапки, теплые ша-

ровары и передадим партизанам, чтобы немцам ничего не осталось. А Катя Обмачевская предложила: всем девочкам, мамам и бабушкам вязать теплые носки и варежки для партизан. Скоков обрадовался предложению девочек. Он посоветовал Наташе, чтобы вещи собирали только самые надежные девочки, а вязать варежки и перчатки, конечно, могут все, кроме семей полицаев. Условились, что вещи будет принимать Вася Обмачевский.

Шура оделся и вышел проводить Наташу. Вечерело. По-прежнему бушевал ветер, низко над селом гнал серые тучи. Шура взял Наташины руки, нежно привлек к себе. Долго они стояли, прижавшись друг к другу. Прошла уже юность, неожиданно-негаданно подошла зрелость. Шура тихо сказал: - После войны - вместе. Да?

Наташа теснее приникла к нему и мечтательно ответила:

- Да, с тобой.

Ветер бушевал над ними, но они не замечали свирепых порывов.

С того дня по всему селу девочки взялись за пряжу. Варежки и носки вязали и матери, и бабушки. Женщины Величаевского спешили одеть к зиме свой партизанский отряд. Немецкая комендатура не смогла собрать достаточного количества теплых вещей. В то же время, к Васе Обмачевскому девушки несли стеганки, шапки, теплые шаровары, шерстяные носки и варежки, любовно связанные умелыми руками. Ночами Вася переправлял эти вещи на один из островов в плавнях. Здесь, в просторной и сухой камышовой землянке, складывал вещи, продукты, различные трофеи, которые затем передавал интенданту партизанского отряда. Бойцы получали пахнущие домашним уютом, тёплые вещи. Зима была не страшна народным мстителям.

Недалеко от молочной фермы колхоза «Красный камышанник» в степи ходили тучные отары. Серой лавиной разливались они по полю, добывая корм. Из старой чабанской землянки поднимался дымок. Огромные псы лежали на буграх и зорко смотрели в степь. Кузьма Напханюк вышел из прибрежных зарослей, осторожно огляделся и пошел к землянке. Наперерез ему широким махом приближались овчарки. Но бывший чабан шел уверенно, не боялся собак, он знал их клички. На лай вышел старый чабан и отозвал собак.

- Здравствуйте, дед Апанас.

- Добро, хлопец. Зачем до нас?

- Попутно забрел воды испить.

- Заходи, заходи.

В теплой землянке сидел старик, покуривал махорку. Он медленно повернулся, посмотрел на гостя. Отблески огня из печурки озаряли суровое обветренное лицо. Усы, серые и пушистые, были задымлены табаком. На деревянных нарах лежал несложный чабанский скarb. В углу - бачок с водой. На стене - дробовики.

- Пей, хлопче, да сидай, Расскажи, шо на билом свити робиться.

Командование партизанского отряда знало, что далеко в степи стоят маточные отары. Об этом осведомлены и полицаи. Они не раз требовали, чтобы чабаны подогнали отары к Величаевскому и сдали овец немецкому командованию, но старики только обещали, а с места не двигались. Отговаривались от назойливых полицаев тем, что со дня на день погонят, погоды хорошей дожидаются.

- Принес вам привет от Дрогина.

Старик оживился, важно поправил усы и, степенно пустив кольцо дыма, повернулся к Кузьме: - Добре. Скажи: скоро отары погоним за Куму?

- Пришли за отарами.

- Шо ж ты мовчишь? А де ж твои помогачи?

- За дорогой.

- Иди за ними, хлопче, шо ж людей на дворе держишь? - засуетился дед Апанас.

- Пришел посмотреть: может, кто посторонний у вас...

- Ни, хлопче, три дня як булы, больно немцам мяса треба - полицаи часто в гости стали хажувать.

Из придорожных зарослей вышли Аня и Наташа Антоновы.

- Вот и наши помощницы верные, - сказал Кузьма старикам.

Чабаны укладывали вещи, добродушно шутили над девушками. Затем вышли выючить лошадей.

- Дорога важкая для скотины. Отары в плавнях загинуть могут, - заметил Апанас.

- Да, дело опасное. Пошли, девчатки, - сказал Кузьма. - Ты,

Аня, держись за дедом Апанасом, старик каждую кочку знает.

Кузьма пошел впереди, маня за собой козла. Скоро отары растянулись в плавнях не меньше как на километр. Овцы шли осторожно, некоторые падали через кочки на колени. Сплошная линия отары змейкой вилась среди камышовых зарослей. Под ногами шуршал сухой лист, потрескивал камыш. С запада нехотя и лениво надвигалась тучка, то ли с дождем, то ли с первым снегом.

Вечерело. Отары медленно уходили вглубь камышей. Неясные тени передвигались с места на место. Шли чутко и настороженно. Изредка слышалось фыркание лошади да шум толкающихся овец. Отары уходили к партизанам.

...Подпольный молодежный штаб получил задание от Дрогина: проверить охрану склада боеприпасов в селе, постараться найти способ забрать или взорвать боеприпасы.

Ночью темнота жалась под кроны деревьев и за лунные стороны домов. Шаги фашистского часового тонули в мягкой перине травы и пыли. Вася Обмачевский и Кузьма Напханюк, скрываясь в тени огородного бурьяна, вот уже несколько ночей подряд проверяли караульную службу около школы, сельсовета и бывшего сельповского магазина, где по-прежнему лежали ящики с боеприпасами. Было установлено, что для охраны школы и магазина выставляется ежедневно один немецкий часовой. Сменяется он через три часа до одиннадцати часов вечера, а после одиннадцати стоят по два часа. Кроме того, у сельской управы стоит дежурный полицай. От школы до магазина около ста метров. Часовой к магазину не подходит. Проверка сохранности боеприпасов проводится по утрам, когда меняются начальники караула.

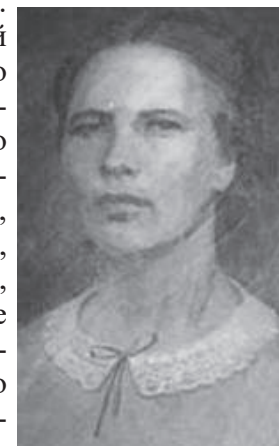
Ребята решили ящики с боеприпасами выносить после двенадцати ночи за кладбище. Это будут делать Скоков, Напханюк, Заворотынский и Обмачевский. Оттуда девочки будут их носить к камышам, куда накануне Кузьма и Миша пригонят лодки. Забирать только небольшие ящики с патронами и гранатами, необходимые партизанам, снаряды потом можно будет подорвать. В условленном месте на ближайшем острове, как сообщил Дрогин, боеприпасы будет принимать специальная команда партизан во главе с Петей Базалеевым. К операции были

привлечены только самые надежные девушки во главе с Наташей Антоновой и Лидой Карабутовой. Детально был разработан путь выноса ящиков с боеприпасами, который пролегал от противоположной к зданию сельсовета и школы стены бывшей сельповской лавки.

После наступления темноты диверсионная группа собралась в сарае Напханюка. Шура подробно рассказал задачу каждого участника операции, установил время и место сбора для всех групп - своей, Наташиной и Лидиной. Ночь операции выдалась весьма удачной - ветреной, темной и дождливой. Ветер со скрипом гнул ветви деревьев, безжалостно обрывал листья и швырял их в лицо вместе с холодным дождем. Вода заливала глаза, сапоги утопали в липкой грязи, скользили в разные стороны. Но Скоков, Напханюк, Заворотынский, Обмачевский, обливаясь потом, поднимали тяжелые ящики, тащили к кладбищу. По пути опускались на колени прямо в грязь и, тяжело дыша, отдыхали; затем снова шли дальше. Только Кузьма, словно играючи, таскал ящики. Один раз они увидели, как в дверях школы загорелась спичка, и точка чухлого огонька несколько секунд мигала в густой темени ночи. Ребята замерли, вслушиваясь в ночные звуки. Дышали хрипло, как загнанные лошади. Убедившись, что часовой стоит на месте, они продолжили свою тяжелую работу. И так всю ночь, почти не отдыхая, таскали боеприпасы.

За старым кладбищем Аня и Наташа Антоновы, Катя Обмачевская, другие девочки осторожно переносили ящики в камыши, а оттуда партизаны на лодках доставляли в свой лагерь.

К рассвету последние ящики были уже

Анна Антонова

Наталья Антонова

уложены в лодки. Петя Базалеев, провожая друзей, похлопал Кузьму по плечу, с завистью сказал: - Добре вы сработали. Чисто и красиво. К награде вас представить надо. А мы тут сидим политинформации слушаем да оружие драим. Меня так совсем Иван Карпович никуда сейчас не шлет. Другие - то в диверсии, то в разведке, а я так себе, почтовый ящик, - выдохнул с сожалением связной командира.

- Что ж, - улыбнулся Кузьма, - всякому свое. Да ты не горюй... Если б не ты, и мы б как слепые котята были.

Глава девятая

НАСТОЯЩЕЕ ДЕЛО

Положение в селе осложнялось. Последние происшествия насторожили врага. Утром было обнаружено хищение патронов и гранат. В комендатуре вспомнили о листовках и песне, задумались над тем, почему срывается сбор продуктов и теплой одежды. Начальник немецкого разведывательного органа майор Шульц однажды заявил Косокову: - Ушами клопайт, ваш селе есть советский организаций!

В Величаевском усилили немецкий гарнизон, по ночам ходили патрули полицаев, чаще стали наезжать отряды полевой жандармерии, говорили о налетах партизан на мелкие группы немецких солдат, уничтожении на дорогах отдельных машин с представителями местной немецкой администрации, о прибытии в Левокумское крупного карательного отряда. На площади, в «брехаловке» у артезианского колодца, как доносили бывавшие там девочки, снова заговорили о листовках. Сплетницы из уха в ухо передавали последние новости, правдоподобные и вымышленные; в селе появились новые полицаи из Левокумского и других мест.

...Петя Базалеев давно не встречался со Скоковым. Вот теперь, в более сложной обстановке, Шура понял, как трудно одному самостоятельно, без добрых советов опытного Ивана Карповича, без связи с отрядом руководить организацией. Сведения о противнике накапливались, многие вопросы требовали неотложного решения.

Шура вспомнил свою последнюю встречу с Дрогиным. Они сидели на одном из островов в камышах. Петя Базалеев стоял вдали в дозоре. Длинные паутинки серебрились в воздухе. Правильным треугольником в синем безоблачном небе тянулись к югу журавли.

- Дядя Ваня, что же делать? - Спрашивал Шура. - Ведь безделье может привести к неприятности. Ребята просят на дело. И с листовками у нас ерунда получается - от руки пишем. Это липовая конспирация.

Дрогин улыбнулся: - Невелика печаль, что автоматы пока не стреляют. Ваше главное дело - научиться видеть и молчать. А ребята еще этому не научились. С листовками, правда, дело серьезное. Давай вместе исправлять эту ошибку. Впредь будете распространять только печатные листовки, которые будет приносить Петя Базалеев. Старайтесь бросать в одном направлении через улицы, сады, огороды, но поближе к жилым местам. Это может навести на мысль, что сбрасывают их с самолета. И насчет печатной машинки подумать можно. Ведь Аня Антонова печатать умеет?

- Что-то не помню.

- Э, не годится, не годится. Нужно лучше знать своих людей.

- А как насчет машинки?

- Их много в районе было, в сельсоветах и колхозах. Поискать надо.

Сегодня вспомнился этот разговор. Было над чем подумать. Чай давно уже налит, мама дважды подходила к Шуру, но он ничего не замечал. Лариса вошла в комнату и обратилась к нему:

- Пей чай скорее, нужно подправить двери в сарае, а то скоро совсем оторвутся, - сказала она. - И о чем ты все время думаешь?

- Ах, да! - ответил он, - мама просила меня еще вчера. А где же она? - Шура смутился, увидев, что мама сидела рядом. Он поспешно встал, взял ящичек с гвоздями, молоток и топор, вышел во двор. Лариса не отставала от брата, ей было всегда интересно с ним. Ведь у него всегда что-нибудь найдется рассказать. А после того, как он принял ее в организацию и стал давать поручения, она готова была ходить за ним по пятам. Но Шура явно не был расположен сегодня к разговорам, он, казалось, ни-

чего не замечал и не слышал, устремив задумчивый взгляд на догоравшую зарю. Потом совсем неожиданно послал Ларису за Кузьмой Напханюком, а сам присел на старое бревно. Мысль о возможном разоблачении авторов листовок по почерку серьезно его озадачила. Чьи-то нежные руки закрыли Шуру глаза.

- Мама! - сказал он, но руки не отпускали его.

- Наташа! - наконец угадал, руки разжались. Шура, улыбаясь, повернулся к девушке. Тоненькая, стройная, глаза горят, как светлячки. Наташа, немного смущенная, присела рядом и

стала рассказывать, что видела и слышала за день: сколько офицеров было сегодня в сельской управе, кто из полицейских дома, кого вызвал староста. Наконец, закончила и спросила: - Скажи, Шура, думал о наших листовках? Вот сегодня даже не знала, как быть?

- Что случилось?

- Испуганно спросил Шура.

- Иду по улице, навстречу Коля Юрьев, за артезианом живут, на одной ноге прыгает, а сам поет: «А я знаю, а я знаю, кто писал». Что писал, спрашиваю. А он из-за пазухи листовку достал и говорит: «Вот что. Анька ваша писала,

вот кто... Она так пишет, я знаю...». Но что с него возьмешь? Отобрала у него листовку, порвала на глазах и сказала: «Знахарь нашелся... Лучше голубей стереги, а то их Витька Прокопенко переманит». Нам нужно что-то срочно придумать, ведь правда, Шура? - серьезно спросила Наташа, заглядывая ему в глаза.

- Да, нужно, - сказал Скоков.

И они замолчали, думая об истории с Колей Юрьевым.

Сумерки стужались.

- На суд едете, что ли? - Громом разорвал напряженную тишину голос Кузьмы Напханюка. - Сидят, как заколдованные. Уже пять минут прошло, а вы не видите, что я возле вас стою.

- Здравствуй, Кузьма! Здравствуй! - Ответил Шура.

- А ну, подвиньтесь, - басил Кузьма. - Оно, конечно, без меня вам лучше было, да раз позвали, так принимайте, как положено.

Он сел между ними, и стало тесно на старом бревне, будто не один, а сразу двое втиснулись между Шурой и Наташей.

- Что звали? - обратился он, как только устроился поудобнее, - мне нынче некогда. Батка болен, а матери трудно одной с ним.

- Не буду задерживать, - ответил Шура. - Завтра, в семь утра, заседание штаба на Черепашьем острове. Предупреди всех. Приходите по одному. Не забудьте захватить рыболовные снасти.

...Многочисленные острова, затерянные среди бесконечного числа рукавов Кумы, имели свои приметы, знакомые только местным старожилам. Черепаший остров называли еще островом Напханюка. Давно это было. Правда, или нет, но случилось прадеду Кузьмы ловить рыбу в этих местах. Был он на рыбу удачлив - то ли в счастливой рубашке родился, то ли знал хорошо рыбные места, завистников у него было немало. И вот они однажды решили подшутить над стариком. Опередили его, забрали в катцах всю рыбу, а вместо нее набросали черепаш. Темной ночью старый рыболов вычерпал сачком катцы и набрал полный ящик добычи. Пригнал лодку домой, примкнул к берегу. Дома бабке говорит. «Такого улова никогда не видывал. Еле-еле домой добрался». Каково же было его удивление, когда утром он нашел полный ящик мелких черепаш. С тех пор тот остров зовут «Черепашьим» или «Напханюковым».

Семья Скоковых возле своего дома.
Довоенное фото.

Заседание штаба было похоже на отдых рыболовов, расположившихся с длинными удилищами вдоль берега и ожидающими хорошего клева. Шура Скоков, Кузьма Напханюк, Миша Заворотынский и Наташа Антонова совещались. Вася Обмачевский был в «секрете», его удилище торчало из камышей метрах в сорока от ребят - он охранял подступы к острову. Казалось, снова вернулась ранняя осень - настолько теплым и ласковым было это утро.

- Как хорошо! - Улыбаясь ласковому солнцу, говорил Скоков, забрасывая удочку далеко в заводь. Потом воткнул удилище в землю, повернул к друзьям усталое лицо: - В управе есть пишущая машинка. Она нужна нам, чтобы не провалиться с листовками. Мне кажется, можно договориться с Береговым, он поможет нам (Шура и сейчас не открыл ребятам, что Тимофей Береговой работал в сельской управе по заданию партизанского штаба). Весь вопрос, как забрать ее?

Ребята одобрительно закивали головами. Шура помолчал немного, предложил: - Слушайте. За три дня мы должны точно выяснить следующее: как закрываются двери в сельской управе, где находится машинка, как охраняется сельская управа ночью, когда меняется караул, как ведут себя полицаи при тревоге, их вооружение. Вот вопросы, которые интересуют нас в первую очередь. - Он внимательно осмотрел членов штаба, остановив свой взгляд на Наташе. - Сельская управа поручается Антоновой. Караулы и вооружение - Заворотынскому. Время, необходимое для изъятия машинки, установим после разведки. Может, у кого есть другие предложения, как выполнить эту операцию?

У Кузьмы глаза разгорелись - о деле заговорили. - Знаете, что? Вот, к примеру, мы с Мишкой прячемся в камышах и шумим что есть мочи, а лучше - из автоматов строчим. Косогов полицаев пошлет узнать, что за шум. А сам, конечно, драпанет домой. А в это время, допустим, Василь идет в управу, берет машинку - и в кусты. А чтобы его не накрыли в управе, на подмогу ему должны идти, к примеру, Шура с Наташей...

- План, конечно, ясный, - засмеялся Миша. - Одни орут, другие бегут, третьи берут, а четвертые прикрывают... А если не побегут, тогда что? Если того, кто идет за машинкой, заберут?

Нет... Надо, чтобы группа напала на село с одной стороны, а другая группа захватила управу...

- Оружие я, пожалуй, достану, - сказал Скоков, вспомнив о тайнике в камышах. - В общем, товарищи, еще подумаем и через три дня обсудим. Главное - все хорошо разведать. Кажется, на сегодня все. Пора домой.

- Скучное это дело - в камышах сидеть, - разводя плечищи и сжимая пудовые кулаки, зевнул Кузьма, стал наматывать леску на удилище. - Надоело по кустам прятаться.

И была в этих простых словах такая тоска, будто его действительно посадили в эту зеленую тюрьму и держат там, насилуя его волю и энергию. Кузьма рвался в просторную и вольную степь, его сильные руки истосковались по настоящему делу.

- Хватит на наш век работы. Делай пока что нужно, - сказал Скоков, прощаясь.

Медленно проходили условленные дни. И вот штаб собрался снова. Скоков подробно расспросил всех, кто выполнял задание. Порядок смены караулов, поведение полицейских, время, когда меньше всего бывает народу в управе - все эти материалы были готовы.

- А теперь посоветуемся, что делать, - сказал он. - Операцию будем проводить послезавтра. Во-первых, суббота - наиболее подходящий день. Во-вторых, именины у Балабанова. Мои предложения сводятся к следующему... - Скоков подробно объяснил выработанный им план. - Итак, до субботы, товарищи.

Томительно тянулась пятница. До обеда стояла тихая погода, а в полдень подул ветер. Напханюк и Заворотынский готовились к операции. Они сходили в камыши и выбрали место, откуда было удобно создать видимость налета партизан на село. В сарае Напханюка ребята чистили автоматы, принесенные ночью Скоковым из тайника. Каждый участник операции получил задание и знал свое место. Но когда все было подготовлено, в село вошел отряд немецкой полевой жандармерии.

- Вот тебе и раз, - сказал Напханюк Скокову, - черти жандармов к нам прислали.

Пока солдаты размещались в школе, Скоков передал через Ларису приказ: до особого распоряжения операции не начинать, но готовиться по ранее намеченному плану. Появление

отряда жандармерии было серьезным препятствием. И это заставило Шуру задуматься над судьбой предпринятого дела. Но он не спешил с решением отменить операцию, ждал и присматривался, что будет делать враг.

Ранним утром в субботу он встретился с Напханюком, долго беседовал с ним. Обсуждали сложившуюся обстановку, можно ли в таких условиях начинать операцию. После долгих споров решили: как было намечено, на заходе солнца операция должна состояться; поручить девочкам наблюдать, что будут делать в течение дня полицаи и жандармы.

Командир отряда жандармерии сидел и скучал в управе. Ему не особенно интересна была остановка в Величаевском, но таков приказ начальства. Зато здесь, кажется, спокойно, и он дал солдатам отдых. Они быстро воспользовались им. Вина в селе было вдоволь. К тому же один из служащих полиции пригласил самого командира к себе на какой-то семейный праздник: то ли на именины, то ли на крестины, кто их разберет этих русских. Да и к чему разбирать? Голова должна отдыхать. А голова отдыхает тогда, когда желудок работает. Так рассуждал командир отряда полевой жандармерии, наблюдая за работой начальника полиции Косогова и писаря. Волостное управление проводило учет населения, писарь не отходил от стола.

Староста давно уже ушел домой. Тимофей Береговой старательно выводил буквы, склонив голову набок и чуть-чуть высунув язык. Его усердие нравилось Косогову, Тимофей изо всех сил старался показать трудолюбие начальнику полиции. А на учетный лист попадали ошибки: искажались имена и фамилии, путались годы рождения.

Тимофей Береговой напоминал молодого цыгана. Тонкий и гибкий, как ивовый прут, выглядел совсем мальчишкой. Черный, кучерявый чуб полукруглой каракулевой шапкой обрамлял высокий лоб, выразительные глаза-черносливы и красивые брови делали лицо привлекательным. Его всегда окружали девушки - подруги детства: было весело и хорошо. Именинник просил прийти и Берегового, зная, что никто так лихо не спляшет, никто лучше не споет песню, но начальник полиции не разрешил Тимофею оставить работу раньше семи часов вечера: левокумская управа требовала списки населения.

...Давно уже ушел Косогов с командиром отряда. Опустела и затихла управа. Ходики четко отсчитывают секунды и минуты, да скрипит пером Тимофей. Томительно и жутковато сидеть в этой предвечерней тишине. Тимофей выглянул в окно. Черная туча, как сказочное чудовище, протянула свои мохнатые лапы к заходящему солнцу и вот-вот готова была схватить его, спрятать за пазуху. Море камыша волновалось, шумело на ветру. Над селом стояла пыльная дымка. Большинство окон в домах величаевцев закрыты, село было пустынным и тихим.

Береговой ждал начала операции, холодок неприятной робости перед неизвестностью (хотя уже детально обо всем договорились) прошел по телу. Только первые выстрелы, которые зацелкали с восточной стороны села, вывели его из состояния невольной робости.

- Началось! - радостно и тревожно застучало его сердце. Тимофей торопливо сел за стол, словно его совсем не касались и не тревожили выстрелы. Это были самые напряженные минуты: а вдруг кто придет из полицаев? На улице - шаги бегущего человека. Раздался крик: «Партизаны!» Хлопнула калитка, все замолкло. Немного южнее, в плавнях, раздались новые выстрелы; торопливо и отрывисто заговорили автоматы и замолкли. Стрельба с перерывами продолжалась минут десять. На улице послышалась немецкая команда.

У именинника и его гостей после первых выстрелов кусок стал поперек горла. Гости заметались. Косогов от неожиданности щелкнул зубами, как затравленный волк. Командир отряда полевой жандармерии от первого выстрела сжался пружиной и стремглав вылетел из дому. Глазун ошалело смотрел вытаращенными глазами на Косогова и мычал что-то непонятное.

Постепенно первый испуг прошел. Во дворе Балабанова собирались полицейские. Командир полевой жандармерии по тревоге направился со своим отрядом в сторону камышей, откуда раздавались выстрелы, приказал окопаться. Из камышей изредка доносилась стрельба, но партизаны не появлялись. Тогда командир отряда и начальник полиции, судя по редким выстрелам, решили атаковать малочисленные силы партизан и повели солдат и полицейских в атаку. Держа автоматы наизготовку, солдаты и полицаи осторожно пошли вперед, приседая у

каждого куста от малейшего шороха и пуская автоматные очереди на шум в камышах. Но партизан и след простыл. Береговой волновался. С минуты на минуту он ждал прихода Скокова.

- Что ж они тянут? Скорее! - думал он и не находил себе места. То и дело смотрел в окно. В коридоре слышались шаги. - Наконец-то! - обрадовался Береговой. Но в комнату зашел полицейский, один из тех, что недавно прибыли из Левокумского. Он был явно навеселе и в сумерках комнаты едва заметил Тимошу. Полицейский торопливо прошел к окну, выглянул на улицу, вытащил пистолет и сказал: - Началась заваруха! Конца теперь не дожدهшься, - сел на диван, - ты работай, страшного ничего не будет, - успокоил Тимофея. - Это так, концерт самодеятельности ради субботнего вечера, - кисло усмехнулся, обнажая черные зубы.

Тимофей не знал, что делать. Вот-вот должен был прийти Скоков. Ему стало жарко. Он расстегнул ворот рубахи и вытер платком мокрое лицо. В дверь постучали. Полицейский схватился за пистолет, встал и заложил руки за спину. Береговой побледнел и тихо сказал: - Войдите.

В комнату вошла, согнутая старостью лет, женщина, низко

Иван Андреевич Скоков, (первый ряд, первый слева)

склоняясь над костылем. Ее седые волосы выбились лохмотьями из-под старушечьего платка, руки слегка дрожали:

- Я, родимый, старосту побачить хотела. Когда писали наших, я не была вписана. С Кочубеевского хутора я, чуть добралась.

- Фамилия как? - спросил Береговой.

- А? - недослышала старуха.

- Фамилия как, спрашиваю, - гаркнул полицейский.

- Глухая я, сыночки, не слышу.

- Тьфу, ведьма, нашла время приходить, - прислушиваясь к выстрелам, плюнул полицейский.

- Кузьмины мы, Давыда Прокопыча, слышали? Родная сестра его я, - шепелявила бабка.

Береговой сказал:

- Ладно, запишем, - начал вытаскивать ящик из письменного стола. Ящик не открывался. Тимофей дергал, нервничал, ругался. Потом махнул рукой и обратился к полицейскому:

- Может, откроешь. Заело что-то.

Полицейский сунул пистолет в карман и наклонился над столом. Неожиданно старуха выпрямилась за его спиной и чем-то ударила его по голове. Полицейский охнул, откинулся на спину и замолк. Бледная синева разлилась по лицу.

- Готов, - сказала «старуха». Это был Шура. Тимофей побледнел. Тошнота подкатила к горлу при виде убитого. Но он пытался улыбаться.

- Здорово сделал, - слегка заикаясь от волнения, говорил он, - бери машинку да вяжи меня.

Он схватил чернильницу, запустил мимо Скокова так, что влепил прямо в портрет Гитлера, перевернул стол, порвал бумаги. На труп полицейского повалил железный сейф. А потом подошел к Скокову и сказал: - Сашка, дай мне один раз под глаз. Да хорошенько.

- Ты сдурел, что ли?

- Мне, знаешь, - умоляюще просил Тимофей, - легче оправдаться будет.

Скоков ударил Берегового, но в этом ударе было больше любви, чем силы.

- Эх ты, друг, - обиженно сказал Тимофей, - залепил себе мра-

морным пресс-папье такую затрепину, что глаз сразу заплыл и расцвел чуть ли не цветами радуги.

Скоков скрутил ему руки, связал ноги. Береговой напомнил:

- Рот не забудь заткнуть, а то орать буду.

- Завтра воскресенье, ведь можешь пролежать здесь больше суток.

- Ничего, - отвечал Береговой, - не беспокойся; освободители найдутся быстро, как только стрельба затихнет.

Скоков взял графин: - На, напейся.

Дверь скрипнула, и в ней показалась взволнованная Наташа:

- Что ты застрял? Мы с Обмачевским чуть было тревогу не подняли: думали, пропало дело. Бежим скорее!

Скоков быстро воткнул Береговому в рот кляп, разбил графин, сгорбился, превратился снова в старуху, прикрыл машинку шалью и, опираясь на костыль, заковылял к выходу. Осторожно прошел через двор в калитку, крадучись пересек улицу и скрылся в садах. За ним, как тени, незримо следовали Обмачевский и Наташа. Солдаты и полицейские, настороженно всматриваясь в таинственные заросли, так и не нашли партизан. Кругом было тихо и безлюдно. Именины полиция не состоялась.

*Сестры Фелицины
Мария и Александра
с родителями*

Глава первая

ЮНОШИ СТАНОВЯТСЯ ВЗРОСЛЫМИ

Паранька Петушкова мало стеснялась присутствия старших. Едва прикрытая грудь волновала Глазуна. Масляными глазами следил он за мясистой фигурой.

- Огонь девка, - подумал Глазун и обнял Параньку потной ладой.

- И-их, Вася, один раз жизнь дана, пей да веселися.

Брат Алексей, староста Козырь, полицейai, не обращая на влюбленную пару никакого внимания, пили и вели разговор о земле.

- Скорее бы комиссия приезжала. Пора землю делить, - сказал Козырь.

- Хотя и к зиме время, да все одно - готовь сани летом, а телегу зимой. Налей, Паранька! А ты хоть бы кусочек земли себе выбрал, бабник. Вот жена тебе хайло прикроет дома...

Глазун уже охмелел от водки и улыбался во весь рот.

- Пропадать, что ли?

- Не слухай их, Вася. А ты и сам до чужих баб, как муха на мед, липнешь, - игриво замахнулась на брата Паранька.

Расходились все здорово навеселе, с радужными мыслями о земле. У фашистских приспешников началась суeta. Днями ходили по полям, пойменным лугам, делили, переделили величаевские земли. Ждали землемеров земельной комиссии. Бывший колхозник Петр Горелов, дружок старосты, был не против получить кусок получше, но открыто за раздел колхозной земли не высказывался. По селу ходили слухи, что партизаны рассчитаются с фашистскими прихлебателями. Но весть о скором приез-

де землемеров всколыхнула село, как встревоженный улей; колхозники волновались. Петр Горелов при встрече не удержался, чтобы не позлить Василия Глазуна.

- Делишь? - подмигивал он неуклюжему Ваське, кивая головой в сторону пойменных лугов.

- Делю, а тебе-то что?

- Дели, дели, может, камышанцы по заправку погладят.

- Не брешь, дед. За эти слова и в застенки угодить можно.

- Получше тебя знаю. А какой же участок ты наметил себе? Не на Жабулёвке ли? Чего там доброго нашёл? Жабьих одни. Правда, по вечерам они такие трели выводить будут - люди, люди... Ты поскорее лучший кусочек себе ищи. Ты ведь правая рука самого старосты, - многозначительно ткнул пальцем вверх Горелов.

Глазун заливался краской, злоба хлестала через край, но ничего не поделаешь, на Горелова не донесешь, сам тем же грешком страдает.

Весть о дележе колхозной земли казалась Ивану Алексеичу Прокопову дикой. Как же так? Опять кулаки завладеют землей? Сердце томилось, закипала жгучая обида. Своими руками землю брал у кулаков и помещиков, вынуждал и выходил, сколько бились, проклятую межу выживали, а теперь снова к старому? И чем больше говорили о дележе земли, тем горше становилось в груди.

Тимофей передал Шуре, когда приедет специальная фашистская комиссия с землемером для наведения порядка на полях. Скоков сообщил об этом Дрогину и получил ответ: «Надо встречу организовать неплохо бы с музыкой».

Каждую ночь отдельные группы объединённого партизанского отряда Однокозова отправлялись в опасные рейды по прикумским селам. Выясняли расположение войск противника, передвижение и направление главных сил. Все ценные сведения доставлялись в корпус Кириченко. В то же время партизаны не забывали и своих «подшефных». Взводу Дрогина была поручена операция по ликвидации землеустроительной комиссии, приезжающей в Величаевское.

Бойцы Дрогина выступили до рассвета. Петя Базалеев чувствовал себя превосходно. Это была первая настоящая боевая

операция, в которой он участвовал. Предразсветный легкий морозец ласкал его щеки. Из камышей вышли, когда было уже видно. Разделились на две части и залегли в засаду метрах в пятидесяти от дороги, которая в этом месте вилась из стороны в сторону. Кусты хорошо укрывали партизан. Прижимаясь к холодной земле, Петя вылез на грейдер и густо рассыпал по нему «ежи» с колючими иглами для скатов автомашин.

Ровный гул моторов насторожил бойцов. Резче и острее сделался их взгляд, чуть-чуть участилось дыхание. Одна, другая, третья машины показались, на бугре. На первой сидят несколько человек в штатском, на остальных солдаты. Автоматы партизан следят за движением машин, которые идут, строго соблюдая интервалы. Приказ был: стрелять по условному сигналу, после остановки машин на «ежах».

Уже видны серые от пыли лица немцев. Их не интересует ни природа, ни плавни, ни длинная вереница верб над Кумой. Они хотят скорее покорить эту бесконечную Россию и начать хозяйничать на ней. Что ж, за землей пришли, землю и получают.

От неожиданности закрипели тормоза. С глухим свистом спустили воздух скаты передних машин. И тут же засвистели, зажужжали партизанские шмели. Петя хотел очередью сразить офицера, вышедшего из кабины, но послал только одну пулю - от волнения забыл переставить предохранитель с одиночных на очередь. Фашист закрутился на месте. Остальные спрыгивали с машин и тут же падали под меткими пулями.

Вскоре все было кончено. Партизаны сняли целенькую полевую радиостанцию, забрали документы, оружие, боеприпасы и скрылись, предварительно заминировав мотор последней машины, спасшейся от «ежей». На борту автомобиля Петя написал: «За справедливость в земледелии».

Высоко в небе гудел самолет. Ветерок мягко ласкал густые гривы камыша, в котором скрылись партизаны. Проснувшись ранним утром и прищурив бесцветные глаза на свет, проникающий сквозь узкую щель ставень, Козырь сел на кровать, аппетитно зевнул. Покосился на образа, перекрестился.

- Апп... апп... чхи!

- Доброго здравьица, Евстрат Прокопстыч! Как спалось нынче? На пороге стоит грузная туша Василия Глазуна. С тех пор,

как он стал работать мясником, весь жиром заплыл. А в полиции поступил, еще жирнее стал: шею повернуть не может, брюхо через пояс висит, ноги как тумбы, руки пухлые, лоснятся, будто жиром смазаны. Лицо, что блин на масленицу, - круглое, мягкое, сметаной сдобренное. Глаза маленькие, едва проглядывают через заплывшие, жиром глазницы. Только рот у него больно уж широк, как у желтобрюхого удава, порося проглотит. За ним в сенцах стоит писарь Тимофей Береговой.

- Голова не шумит? - спросил Глазун, видя, как фыркает старик, обильно поливая лысину холодной водой.

- Похмелиться не мешало бы, только нынче работы много. Велели пораньше прибыть.

- Стаканчик пропустить неплохо...

- Нет, никак не можно. Дело важное. Ты никому не рассказывай, а на ус мотай. Обоз снаряжать комендантом приказано - хлеб, мясо, сало. Но сказано держать это в тайне, - чуть слышно говорил староста, утираясь вышитым полотенцем. - Ишь, как хохлатку обхаживает, - любуюсь ярко-красочным петухом, промолвил он. - А за день и чарочку пропустить не удастся. Вот ведь напасть какая. Дарья! Дарьюшка! Налей нам по стопочке да чего-нибудь закусить подай.

Выпили, помолчали, пережевывая закуску.

- А ты, Василь, мне помощником будь; смотри, вместо Косогова тебя поставят... - подмигнул лукавый старик, встряхнув жиденькой бородкой, - пока заместитель, а там, гляди, в начальники выйдешь...

Рот у Василия растянулся через весь широкий блин его жирного лица, глаза совсем исчезли, из зубастой пасти послышалось нечто похожее на смех. Тимофей Береговой безразлично стоял в сенцах, ожидая, пока начальство опохмелится. Козырь еще вчера с вечера приказал пораньше прийти.

Утро было по-осеннему пасмурным, хмурым. Поблекли и осыпались зацелованные утренними заморозками желтые листья акаций. Потухли багрово-красные костры кленов. Зачастили дожди. Хороший хозяин собаку со двора не выгонит, а Козырь целыми днями месил грязь, вынюхивая провиант для фашистов. Забирали зерно, коров, свиней, птицу, грабили среди бела дня. Отбирали продукты в первую очередь у семей фрон-

товиков и партизан. Глухо кипела ненависть в сердцах величаевцев, искала выхода.

Во дворе управы уже скопилось много разной живности, словно на базе «Заготскот». Мычали голодные коровы, блеяли овцы, визжали свиньи, гоготали гуси. Староста и полицаи сбились с ног, пытались навести порядок в этом хаосе животного мира. Тимофей Береговой мотался как угорелый. Уж сколько раз он выбегал во двор, пересчитывал старостины «трофеи», составлял накладную, цифры все не сходились, и он снова бежал во двор считать головы скота и птицы.

Ждали подводы из Левокумского. Секретный вывоз продуктов не удался. Какой уж тут секрет, если все делается на виду у сельских жителей секрет на весь свет! Козырь беспокоится, а еще больше него - Глазун, которому поручили сопровождать обоз: как бы на партизан не напороться. Сообщили в комендатуру. Оттуда ответили:

- Солдат маловато, несколько человек дадим.

Лишь к вечеру пришли подводы. С ними возницы и три солдата. Глазун почесал в затылке: сила небольшая, скажем прямо, никудышная. Он хотел было отказаться от почетного поручения командовать обозом, но Козырь так зло посмотрел на него, что пришлось прикусить язык.

Поглядывая с беспокойством на заходящее солнце, староста кричал на Тимофея:

- Скоро ты свои чертовы бумаги намалюешь? Завтра с рассветом обоз отправлять будем!

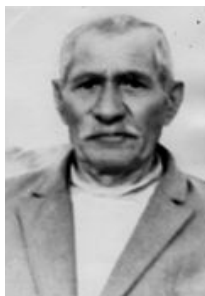
Тимофей усердно скрипел пером.

А как только стемнело, Шура ушел в плавни. Здесь, у тайника, встретился с Петей Базалеевым.

- Передай в отряд, - сказал Шура, - обоз уйдет завтра. Собираются на рассвете, да едва ль. С коровами, свиньями, овцами и гусями сборы длинные. До Урожайного почти тридцать километров, засветло не дойдут, где-то в балочке под селом можно их застукать. Часть скота и хлеба можно забрать, остальное по степи разогнать. Васька Глазун у них за старшего, хорошо бы его захватить. Кузьма Напханюк и Вася Обмачевский будут по камышам сопровождать и следить за обозом. Они встретят партизан против Озек-Суата.

Базалеев Яков
Григорьевич,
папа Петра

Напханюк Фёдор
Евментьевич,
папа Кузьмы

Заворотынская
Аграфена
Максимовна,
мама Миши

Как и предполагали Шура и Тимофей, обоз с трудом выбрался из Величаевского лишь в полдень и двигался медленно. Дотемна прошли не более половины пути до Урожайного. Вечер быстро перешел в ночь. Глазун нервничал, бежал от повозки к повозке.

Черные кусты, казалось, передвигались вместе с дорогой, и чем больше напрягал зрение Глазун, тем чаще по спине пробегал мороз. От страха он несколько раз пытался разговаривать с подводчиками, но они не желали разговаривать. Тогда он начал мурлыкать под нос какую-то песенку.

- Перестань выть, без тебя тошно, - подошел к нему полицейский Шишков.

Тяжело скрипели пароконные брички, фыркали лошади, позванивала сбруя. Мычали коровы.

- А ну, стой, - неожиданно сказал рядом идущий возница, - впереди, кажись, кто-то идет.

Весь обоз замер. Дозорные полицейские, шедшие впереди, вглядывались и вслушивались в темноту. Но, кроме шелеста трав да темных кустов, впереди ничего не было. Вдалеке в камышах завыл волк, от его тягучего, заунывного воя обозным стало не по себе.

- Чего стоять? Давай трогай! - подал голос Глазун.

Снова заскрипели брички. Вдруг ослепительный свет и грохот поднял лошадей на дыбы. Животные в страхе рвали сбрую. Полицейский Шишков был раздавлен перепуганными лошадьми, другого полицейский прошла автоматная очередь. Соскочившие с бричек немецкие солдаты ударили в темноту из автоматов, но брошенные чьей-то меткой рукой гранаты заставили их навеки замолчать. Перепуганные

обозники разбежались кто куда.

Сразу же после взрыва гранаты Васька Глазун бросился прочь от обоза. Темная ночь в равной степени была хороша для нападающих и беглеца. Раздирая в кровь лицо и руки, он уходил через камыши в село. Несколько раз ему чудилась погоня, и он, с несвойственной его жирной туше резвостью, бежал от страшного места нападения.

Перед рассветом, словно исхлестанный и загнанный мерин, он прибежал к старосте и рассказал о происшествии с обозом.

День этот начался для старосты сплошными неприятностями. На рассвете совсем ошалевший прибежал Глазун, «порадовал» разгромом обоза. Позже из Левокумского приехал волостной комендант, грозил Козырю и Косогову расстрелом, если не разыщут тех, кто помогает партизанам, требовал представить списки подозрительных и ненадежных. Немецкий комендант хорошо говорил по-русски и поучал предателей: - Партизанских разведчиков ищите в селе, здесь за вами кто-то ежедневно следит и обо всем передает партизанам.

Комендант уехал. А в полдень случилось такое, что окончательно лишило старосту покоя. Пришел Козырь домой к вечеру, усталый, мокрый от пота: по дворам ходил с Косоговым, высматривал, вынюхивал, искал партизанских доносчиков. Вытащил из кармана платок, чтобы пот стереть, на пол бумажка какая-то выпала. Развернул бумажку, а на ней могильный камень с крестом нарисован и надпись: «Скоро и настоящий получишь». Всю ночь не спал. Надсадно скрипели ставни. Кто-то дергал их, будто хотел открыть, толкался в двери, ходил по крыше. А на рассвете увидел: осенняя листва залепила ставни, двери, стены.

Обмачевские
Мария и Захар,
родители
Василия и Кати

Скоковы
Иван и Татьяна,
родители
Шуры и Ларисы

- Даша! Дарьюшка! - позвал жену.

В коридоре скрипнула дверь, запахло парным молоком, белым облаком ввалился в комнату мороз.

- Звал меня?

- Готова жратва?

- Сейчас будет. И чего ты в такую рань бежишь?

- На добрые дела. Я этих бумагомарак нынче на чистую воду выведу... Я им дурь из головы разом вышибу. Думают мне крест, я им такого креста... Век помнить будут, - он почмокал губами, перекрестился.

В сельской управе с утра вся полиция на ногах. Козырь, Косогов и Глазун заперлись в комнате, совещаются. Составляют список неблагонадежных немецкой власти односельчан. Бешеной злобой дышат слова старосты:

- Всех, всех, кто подозрителен - в один список! После разберемся, - чмокает он губами.

Список ведет Глазун.

- Васька! Ты тех, кто покрасней, крестом отмечай.

А у самого в голове как церковные колокола гудят: «Крест! Крест!»

Когда список составили, без малого семьдесят человек вписали, был уже конец рабочего дня. Козырь сказал:

- Ты, Вась, перепиши чисто и вечером мне занеси списочек. Я пересмотрю, завтра с богом - в комендатуру представим.

Дома бутылку вплотную к носу подвинул. Пил долго, лениво. Жена растерянно мигала.

- Что ж такое? На старости лет...

Комната плыла в зеленом полумраке, все было расплывчато, неустойчиво, двигалось в разные стороны. Что-то говорила жена. Но память твердила одно и то же: «Я им дам крест... мать их...».

Неслышно и незримо появился Глазун. Принес списки. Борода Евстрата Козыря еще больше заострилась, уши прижались к голове, как у собаки-ищейки. Хмель как рукой сняло. Схватил список, ядовито прошипел:

- Так... Давненько этого часа жду... Это племя огнем выжечь надо, иначе, Вася, нам жизни не видать, - предложил, наливая в граненый стакан водку: - Тяпни, Вася! Ты сегодня верой и

правдой послужил великой Германии, господину фюреру и нам грешным.

- Очень даже благородно, - раскрыл Глазун пасть и тут же захлопнул, - прямо за душу берет... Хороша.

- А теперь, Вася, спать, спать хочешь, ложись вот здесь, а нет - домой али к любовнице... Хе-хе-хе. Я еще поработаю малость, - хлопнул по списку худой рукой.

Глазун ушел. Козырь внимательно просматривал список, делал пометки цветным карандашом. Затем разделся и захрапел, укрывшись одеялом с головой.

За семью запорами спал сельский владыка. Во сне всхлипывал, стонал, грозился, безбожно ругался. Синяя мгла уже давно окутала село. Чуть колышутся прозрачные тени. Кое-где осторожно лают собаки: брехнет какой пес-забудыга и замолкнет, будто вспомнит приказ немецкой комендатуры на улицу ночью не выходить, голоса не подавать. Вася Обмачевский стоял в дозоре, у выхода из камышей, и первый встретил партизан. На окраине села их ожидали Шура Скоков и Миша Заворотынский. Разделились на три группы, и каждую из них повели юные подпольщики - к домам старосты, Косогова и Глазуна. Наступила ночь, когда по решению штаба партизанского отряда должно свершиться возмездие народа над изменниками и предателями.

Бесшумно идут к своей цели народные мстители. За сараем, на задворках усадьбы старосты, партизан ждал Напханюк. Он кинул кусок мяса громадному цепному псу. Вскоре пес рухнул замертво на землю. Жалко было, хорошая собака пропала.

Бесшумно на крышу взобрался Напханюк. Сквозь камышовые снопы - на чердак, оттуда в кладовую. Затарахтела банка с кислым молоком. Затих. Хозяйка спросонья обругала кота. Тихонько открыл дверь во двор, пропустил Дрогина и Базалеева. А когда при неясном свете ночника дверь открылась, двухметровый гигант осторожно пошел к кровати, хозяйка закричала истошно, не своим голосом. Увидела сизую сталь пистолета, холодно мерцающую в полумраке, судорожно перекосилась и застыла. Козырь вскочил от крика старухи.

- Что, что такое? - А когда узнал Дрогина, Напханюка, Базалеева, сжался в комок и в одном белье бухнулся им в ноги.

- Братцы, братики, помилуйте... Приказали мне... оружием.

Напханюк поднял его за шиворот, как наблудившего кота, и поставил на ноги.

- Одевайся!

Партизаны обыскали дом, нашли список подозрительных лиц, готовый к отправке в немецкую комендатуру, подписанный старостой и начальником полиции. Со связанными руками и кляпом во рту, чуть живой шел Козырь между партизанами. Спустились в балочку за селом. В тени причудливых верб-великанов остановились. Здесь уже было безопасно. Можно свободно ходить даже днем. Алешку Косогова и Ваську Глазуна дома не нашли: видно, ночевали они где-то в другой хате. Судили коротко: расстрелять.

Холодно смотрели звезды, холодная была земля, еще холоднее жгли предателя полные ненависти глаза партизан. Раздался глухой, как хлопок, пистолетный выстрел. Дежурный полицей у сельской управы и немецкий часовой у школы едва его услышали. Он прозвучал где-то далеко и не повторился. Возможно, это им показалось.

Так же бесшумно, как появились, партизаны ушли в камыши. Последними уходили в камыши Иван Карпович Дрогин и Петя Базалеев. Они тепло попрощались с Шурой, Кузьмой, Мишей и Васей. Дрогин каждого крепко обнял и сказал: - Вы ждали настоящего дела. Время наступило, вы возмужали.

Глава вторая

КТО КОГО

Татьяна Алексеевна сидела на лежанке. Длинные волосы, простроченные белыми нитями седины, мягко рассыпались по плечам. Задумчиво устремив взор куда-то вдаль, медленно, словно нехотя, расчесывала волосы. Из другой комнаты вошел Шура. Его лицо слабо было освещено десятилинейной лампой. Вот улыбнулся и о чем-то заговорил с матерью, которая что-то отвечала. Скоков вдруг направился к окну.

Заглядывавший в щелочку, образовавшуюся от небрежно завешенного окна, Шейко быстро отскочил в темноту. Стоит ли заходить к Скокову? Как он примет? С кем он сейчас? Был

комсомольцем, общественником, наверное, сочувствует партизанам...

Ветер метался кругом, свистел в ушах Шейко. Кто-то толкнул его. Он вздрогнул и обернулся. Никого не было; это ветка акации при порыве ветра хлестнула по плечу. Шейко снова прильнул к окну. Скоков что-то рассказывал матери, улыбался. Шейко показалось, что Скоков глянул ему в глаза. Он снова отпрянул от окна.

Улицы села были пустынные, страшные, грозили неожиданными неприятными встречами. С партизанами, немцами и полицией встречаться не было никакого смысла. Ему все надоело, уже отвоевался. Скоков, правда, знает, что в августе он уходил с партизанами; тем лучше, надо рискнуть. И Шейко торопливо постучал. Он увидел, как Татьяна Алексеевна вопрошающе посмотрела на сына.

Шура не сразу узнал Шейко. Когда-то они учились вместе. Но Шейко был далек от школьных товарищей, их игр и интересов. Он жил своим, ему одному открытым миром. Ничего конкретного о нем нельзя было сказать. Был он на два года старше Шуры, жил с дедом и бабкой, богомольными стариками. В комсомоле не состоял. Когда гитлеровцы приблизились к родным местам, ушел с партизанами в камыши, кажется, в отряд «Якова». Шура тщательно завесил окна.

- Я уж думал - мне крышка, - говорил Шейко, потирая от холода руки, - думал пропал. Но решил живым в руки не даваться, - он выразительно похлопал себя по оттопырившемуся карману.

- У вас облав не бывает? Ведь чуть в руки фашистов не попал. Может, мне лучше, пока темно, в камыши? Темная ночь - лучший друг, так, кажется, в песне поется? - обратился он к Ларисе.

Лариса опустила глаза, ответила тихо: - Не знаю такой песни.

У гостя в редкой поросли небритой бороды застряли соломинки, воспаленные глаза слезились, одежда была изорвана и измазана грязью. Человек явно побывал в трудной для него обстановке. Мама и Лариса ушли в другую комнату. Долго беседовал Шура с Шейко. Тяжелая голова гостя то и дело настороженно поворачивалась к окнам, он прислушивался к уличным звукам.

- У меня совсем другое задание, - говорил Шейко. - Но Дрогин просил зайти к тебе. По пути в перестрелку встрял за Карамыком с каким-то чертом. Ну, это пустяк. Главное, что связь давно потеряна. Так вот, я самую свежую сводку принес, - он передал Шуру пару газет.

- Только ты никому и слова! В Левокумку иду. Дело есть. Если что - меня там найдешь... Ты знаешь там конспиративную квартиру?

Шура знал, что в Левокумском есть конспиративная квартира партизан, но где, в чьем доме - об этом знала только связанная с ним Тая Барко. Он ответил: - Нет, не знаю. С партизанами я не связан.

- Стыдно в стороне от общего дела стоять, - поучал его Шейко, - ведь когда-то активным комсомольцем был. Да я и сам налажу связь в Левокумке, квартирку-то знаю... Дрогина адрес дал.

Шура промолчал. Хотя и знал он, что Шейко из партизанского отряда, но совет Зайцева и Дрогина он помнил: «Знаем тебя только мы да связной Петя Базалеев. И больше никто на свете, кроме ребят, с которыми ты рука об руку работаешь, которые клятву дали, не должен знать».

- Давай для начала несколько листовок напишем. Это тебе первое задание будет, - предложил Шейко.

«Не знает, - подумал Шура, не знает, что я связан с Дрогиным».

- Пиши листовки, - повторил Шейко, - вот у меня карандаш как раз цветной...

- Да у меня есть. Вы пишите своим.

- Ты уж сам... Чайку пока попью, - возразил Шейко и принялся отхлебывать из чашки чай.

Шура украдкой наблюдал за ним. Он был удивлен видом пришельца, его странными беспокойными глазами. Подумал: «С перепугу, видно, много пережил».

Скоков старательно переписал сводку, в конце вывел жирно: «Смерть фашистам!» Начал писать следующую листовку, увлекся делом. Шейко покончил с чаем и прошелся по комнате, внимательно посмотрел на работающего Шуру.

- Где мне прилечь отдохнуть? - спросил он.

- Вот здесь, на кровати...

На рассвете Шейко поднялся и попросил что-нибудь из верхнего платья, чтобы переодеться: мол, в такой робе можно быстро завалиться. С свои брюки, телогрейку и шапку бросил у Скоковых. Было еще темно, когда Шура провожал его за околицу. Иней, словно серебро прикрывал траву и придорожные кусты. Тени от луны длинно ложились на тропинку.

- Прощай, друг.

- Может, еще проводить?

- Нет, мне каждая тропка знакома, - Шейко торопливо зашагал к камышам. Дома Татьяна Алексеевна молча показала ему пистолет «ТТ».

- Забыл твой друг. Ты закинь его, Шура.

- Нет, мама. Он пригодится. Шура разрядил пистолет, смазал, завернул в тряпицу и спрятал его за плинтус пола, решив ночью отнести в тайничок.

...Опаленные пожаром войны, чернеют выгоревшие поля. Пожухла от солнца и заморозков трава. Изредка на полях маячат одичавшие лошади-одиночки, то ли отставшие от косяков, угоняемых в тыл, то ли брошенные солдатами после того, как их искалечила война. Дорога бежит со склона на склон, из балки в балку, будто ей ни конца нет, ни края. Качает машину. Как надоедливая муха, гудит мотор. Пыль оседает на мундиры.

Фашистский комендант дремлет, облокотившись на дверцу. Полная фигура утонула в мягком сиденье. Сзади в черных форменных мундирах болтаются на ухабах два долговязых офицера, прибывших из Святого Креста. Вместе они едут в Величаевское по делу Козыря.

- Хальт! - закричал один из офицеров, выхватывая пистолет.

Комендант от испуга вытаращил глаза, хватившись за лоб: от резкого тормоза пришлось приложиться к стеклу. Другой рукой он судорожно пытался расстегнуть кобуру. Выскочили из машины. За холмом в порослях кустов скрылась согнутая фигура человека. Дальше было чистое место, никто не выбежал. Гитлеровцы направились к холму, закричали:

- Хендэ хох!

Из кустов вышел старичок, набожно осеняя себя крестным знаменем. На груди его, кое-как прикрытой лохмотьями, на серебряной цепи висело распятие Христа. В руках посох, по-

черневший от ветра и пыли. Старая шапка надвинута на седые, лохматые брови.

- Иди сюда! - закричал комендант, хорошо знавший русский язык, - что ты здесь делаешь?

Старичок казался до того напуганным, что дрожал и не мог выговорить ни слова.

- Ладно, бери его в машину, в селе разберемся, - сказал по немецки офицер в черном мундире. Втолкнули старика в машину и до села не обращали на него никакого внимания.

В Величаевском офицеры долго совещались с новым старостой Петушковым и начальником полиции Алешкой Косоговым. Задержанный ими старик сидел под присмотром полицая в общей комнате управы. Писарь Тимофей куда-то вышел по своим делам.

Петушков передал коменданту большой список односельчан, подозреваемых в нелояльности к фашистскому режиму.

- Это подозрительные люди, - сказал немцу, - чтоб спокойствие в селе было и порядок твердый, нужно всех арестовать.

- Не аресты, а расстрел, - ответил комендант, только расстрел!

- Но... - хотел что-то сказать староста, немец перебил его:

- Никаких «но»! Новый порядок - высшая форма всех законов, и кто не признает его, тот не должен мешать, господин староста! - он так посмотрел на Петушкова, что у того екнуло что-то внутри и он стал блее стены. - Впрочем, - добавил комендант, - можно и не стрелять, можно вешать, - мрачно провел ребром ладони по шее. Немного помолчав, добавил:

- Вам, господин староста, надо действовать решительно и жестоко, или вы дойдете до того, что вас, как Козыря, расстреляют партизаны... или мы.

В общем, комендант был доволен своей поездкой в Величаевское. Вместо вялого и нерешительного старосты, убитого партизанами, теперь в селе были более твердые и, кажется, более, если не смелые, то хитрые и пронырливые люди. Список неблагонадежных есть, нужно их изъять. А гестапо на допросах выбьет у них показания.

Пока приехавшее начальство совещалось в управе, в доме Марьюты Паранька Петушкова готовила обед. Продуктов и вина было достаточно: Алешка Косогов недаром посылал по

лицаев по сараям и подвалам величаевцев.

«Гости» подъехали к дому Марьюты пополудни. Стол ломился от угощений. Бутылки и графины с вином дополняли гастрономический натюрморт. Несколько небольших бочонков вина, стоявших в резерве, свидетельствовали о щедрости Алешки Косогова.

В селе было тихо. В управе находились полицей, а дальше, в школе, располагалась охрана немецкого склада боеприпасов. У крыльца дома стоял полицай с автоматом. Все обещало спокойный отдых. Задержанного старичка заперли в сарае на случай, если офицерам из гестапо надумается снять с него допрос.

Обед удался на славу. Всего было вдоволь. Паранька и Марьюта украшали холостяцкое общество офицеров.

На улице безлюдно и тихо, лишь две пары глаз внимательно следили за домом, где пировали фашистские офицеры. По заданию Шуры за домом следили Лида и Лариса. Сам Шура куда-то ушел из села еще с утра, как узнал от Тимофея, что в село приехал сам комендант и офицеры из гестапо, я велел девочкам следить за домом Марьюты. В четвертом часу к ним пробрался Шура. Узнав, что фашисты все еще обедают, а захваченный ими старик заперт в сарае, он снова куда-то убежал.

На улице по-прежнему тихо и безлюдно. Солнце клонилось к западу. Чтобы лучше видеть, Лида и Лариса вышли во двор, присели за камышовой оградой. Из дома напротив доносились звуки Паранькиной гитары, часовой из полицаяев стоял у крыльца дома.

Послышался шум мотора. Со стороны Левокумского по улице ехала открытая легковая машина с немецкими солдатами. Остановилась у дома, напротив. И вдруг раздались выстрелы. Упал стоявший у крыльца полицай. Выскочивший на крыльцо полураздетый офицер выстрелил в подъехавших, побежал по двору, затем странно взмахнул руками и повис на бочке, словно хотел заглянуть внутрь.

Паранька Петушкова и комендант вылетели вместе с рамой из окна и бросились в разные стороны. Паранька с разбегу залетела в бомбоубежище.

У дома Марьюты творилось что-то невероятное: немцы били немцев. Лариса мельком видела лица прибывших немцев. И они

ей показались страшно знакомыми. Кто же это? В одном из немецких солдат она узнала отца Антоновых. А это, кажется, Иван Карпович Дрогин. А у машины стоит Петя Базалеев. Двое немцев тащили коменданта в машину. Один вел из сарая арестованного старика.

Вся эта картина, как в кино, промелькнула перед глазами Ларисы в пять минут. Мотор загудел, машина скрылась за углом улицы, по дороге на хутор Кочубей. Со стороны школы и сельской управы раздались выстрелы, оттуда бежали полицаи и немецкие солдаты. Лариса пожала руку подруге и задворками стала пробираться к своему дому.

... Ночью за селом, озаряя верхушки хат, плясало пламя. Горели запаленные Напханюком скирды сена. Вчера Тимофей Береговой сообщил, что из комендатуры пришло распоряжение - вывезти сено на станцию Святой Крест. Всю ночь по селу в тревоге бегали полицаи: думали, поджог сена - дело рук партизан и сигнал к нападению на село. Нападения не было.

С утра староста и Косогов уехали в Левокумское, Шура чувствовал, что следует ожидать строгих карательных мер против жителей села; уж Петушков и Косогов постараются. Новый староста - новая метла, и замела она по-новому. И раньше жители села редко видели его на улице, а после убийства гестаповских офицеров и пленения коменданта и того реже. Днем он почти не показывался, все сидел в управе под охраной полицейских и находящихся рядом в школе немецких солдат, а на ночь часто уезжал в Левокумское или ночевал где-то вне дома. За каждым углом он видел партизан, в каждом человеке - врага. Сведениям, поступающим к нему от полицаев, он не верил, сам всегда проверял.

В Левокумском в немецком разведывательном органе ему подсказали: мужиков на селе мало, все они на виду; надо присмотреться к молодежи непризывного возраста - семнадцати, шестнадцати лет. Петушков особо подозрительно стал относиться к молодежи, составил подробный список ребят и девушек. Вызвал к себе молодого полица Бабанова и с ним проверил, что делал и как себя вел раньше каждый из молодых колхозников и учащихся средней школы. Возле фамилий Шуры Скокова, Лиды Карабутовой и Наташи Калайтановой уже стоя-

ли только для него понятные условные крестики.

Через тайничок Шура получил сообщение: сегодня в полночь встреча с Иваном Карповичем на конспиративной квартире. Он с нетерпением ждал этой встречи. Его волновала обстановка, сложившаяся на селе, до сих пор совершенно необъяснимый ночной визит партизана Шейко.

В двенадцать часов ночи условленным сигналом Скоков постучался к Ивану Алексеевичу Прокопову. Здесь ожидал его Дрогин. Говорили мало, всего несколько минут. В охрипшем, глухом голосе Ивана Карповича чувствовалась тревога.

- Шейко дезертировал. В документах, отобранных у Козыря, а затем у плененного коменданта, записаны фамилии Лиды Карабутовой и Наташи Калайтановой. Во втором списке есть и ты. В Левокумке провалена конспиративная квартира Зайцева. Карательные отряды обнаглели до невероятности. Чувствуется рука предателя. Ведь никто не знал базы отряда, а теперь ее уже два раза бомбили, правда, не совсем точно...

Будто от хворости выцвело лицо Шуры, затуманилось.

- Что с тобой? Никак, заболел?

- Дядя Ваня! Как же так? Он, гад, Шейко, у меня недавно был. Ночевал. Листовки писали... вместе. За одним столом. Как же это?

Дрогин сжал кулак, словно хотел ударить предателя, жестко стиснул зубы.

- Плохи дела. Теперь держи ухо востро. Тебе, Лиде и Наташе нужно уходить в отряд.

Иван Карпович услышал отрывистое дыхание Шуры и увидел его горящие ненавистью глаза. Он взял в свои большие грубые руки его руку и до боли сжал ее.

- Выше голову, Шурка. Всё выправится.

- Иван Карпович, пусть девочки уходят, а мне... я здесь нужен.

Дрогин на мгновение задумался, потом сказал:

- Жди, скоро придет к тебе Петя Базалеев. Его приказ - закон для тебя. На всякий случай приготовь себе замену. Кто из ребят подойдет?

- Думаю, Миша Заворотынский... Он вне подозрений, остепенился, менее горячий, чем Кузьма.

- Познакомь его с тайником на всякий случай, - посоветовал Дрогин, пожимая на прощание руку своему юному помощнику.
- Зайцев будет знать.

Глухой ночью, тайными тропами уходил в плавни Дрогин. Уносил с собой тревожную весть: величаевскому комсомольскому подполью грозит провал. Следом за ним, его тенью-хранителем, шел Петя Базалеев. К рассвету они были уже далеко от Величаевского, в глухих прикумских камышах.

Глава третья

ВРАГ НЕ ДРЕМЛЕТ

Разгром партизанского подполья в селе Величаевском, откуда чаще всего гитлеровцы получали чувствительные удары, готовился в Левокумском. Сопоставив ряд фактов, начальник немецкого разведывательного органа «Абвертгрупп» майор Шульц был убежден, что в селе Величаевском умело действует подпольная группа, оставленная советскими органами после отступления их армии, что эти подпольщики тесно связаны с партизанами.

Майор Шульц нервно ходил по кабинету, о чем-то думал, грыз ногти. Окна кабинета были закрыты снаружи ставнями, изнутри - тяжелыми шторами. Дорогой персидский ковер закрывал простенок, отблески лампы играли в его переливающихся тонах. В углу, на полевой рации, стояли бутылки коньяка. В другом углу, на просторном столе с массивным чернильным прибором, разбросаны листы допросов, напоминавшие о недавнем занятии. Лицо майора было мрачным.

- Ганс!

В кабинет вошел солдат.

- Ганс, где этот староста, как его, Петушкоф?

- Он здесь. Ждет вас.

- Зови его.

Как только солдат вышел, комендант сел, принял позу, губы безгласно сморщились. Петушков вошел, робко, почтительно поклонился и расплылся в угодливой улыбке.

- О чем вы хотите со мной говорить? - почти шепотом спро-

сил Шульц и, как удав, мертвым, холодным взглядом уставился на старосту. Петушков еще больше оробел. Под таким взглядом ему стало не по себе, сразу прошиб пот.

- Здесь у меня есть несколько лиц, - запинаясь, начал он, пытаясь достать из кармана очередной донос.

- К шорту, твоя мамка! - заорал майор. - К шорту твой записка! Тебя расстреляют партизан, как Козырь! Под твой нос вот, вот, - и он швырнул кучу листовок. - Кто бросайт эти «эржи»? Кто убивайт наш офицер?

- Я стараюсь...

- Отчен плех старайся, - уже спокойнее продолжал Шульц. Его мертвые глаза холодно следили за каждым движением побледневшего Петушкова. Он вызвал солдата и приказал доставить переводчика, так как весь запас русских слов у него иссяк. Переводчик передал Петушкову слова майора.

- У майора есть человек, который умеет работать.

У того человека необходимая документация, довольно солидная репутация и ни одного пятна предательства. Староста ему покажет наиболее подозрительных, пусть свяжется с ними. А потом - во время этих слов переводчика, Шульц удовлетворенно улыбнулся, рука легла на пистолет, - потом разговор будет здесь...

Староста мрачно посмотрел на стол, где лежали листовки.

- Что же вы молчите? - спросил переводчик.

- Есть у меня один парень на виду. Больно живой и до девок не промах, шепчется с ними под заборами, - сказал Петушков. Переводчик перевел.

- С девками шептаться, и я не прочь. Как фамилия парня? Пусть ходит на свободе. Установить слежку за каждым его шагом. А сейчас - убирайтесь! - Передал с переводчиком Шульц.

Петушков выскочил за дверь. Прямо носом к носу столкнулся с Шейко. Его трудно было узнать в новом чистеньком костюме. Молча кивнули друг другу. Шейко уверенно вошел в кабинет Шульца.

- Теперь свободны. Мы проверили ваши показания.

Конспиративная квартира ликвидирована. Хозяин повешен здесь, на площади, - передал переводчик слова Шульца.

- А как Скоков? - спросил Шейко.

- Вы человек здравого смысла. Пока у нас нет никаких улик. Ведь вы сами спровоцировали его писать листовки? К тому же Скоков работает один или очень умело руководит группой. Последнее исключается - очень молод. За ним установлена слежка, нас интересуют его связи. Кроме того, командование решило удовлетворить вашу просьбу и дать вам задание. Вы можете разоблачить подпольщиков.

Шейко нервно встал.

- А здесь нельзя, при штабе?

- Бойтесь?

- Э... Нет. Но мне бы хотелось...

- Вы еще должны доказать, что вы не советский агент. Вы помогли нам установить конспиративную квартиру, но этого мало. У нас еще есть основания не доверять вам.

Шейко испуганно съехался.

- Я... все сделаю...

На другой день из Левокумского в Величаевское вышла колонна немецких грузовых автомашин под сильным конвоем солдат. Колонна должна была вывезти снаряды из склада в Величаевском. Не доезжая с километр до села, уже в сумерках, из кабины одной машины выскочил человек в штатском и по кустарникам, подальше от главной дороги, направился в Величаевское. Машины продолжали свой путь в село. Быстро погрузив снаряды, сняв охрану, немцы покинули село. Молодые подпольщики видели колонну, но не успели сообщить о ней партизанам.

А поздно ночью в хату Косогова кто-то постучал, как было заранее условлено. Хозяин не спал, ждал гостя. Пошептавшись, они ушли в темь, где должен был скрываться тайный агент Шейко. Немецкая разведка действовала.

...Последние дни Шура почти не выходил из дому. Его глазами и ушами была Лариса; девушка вне подозрения.

Шура помнил последнее предупреждение Ивана Карповича: Шейко - дезертир, возможно, предатель, конспиративная квартира в Левокумском кем-то провалена, имя Шуры стоит в списках неблагонадежных, возможна слежка. В тот вечер, когда немецкая колонна автомашин забирала снаряды, он послал Ларису за Мишей Заворотынским. Они встретились на задворках.

Шура только шепнул ему: «Пошли!»

Шли около часа по тропе в густых камышах. Шура шагал молча, уверенно, как по знакомой дорожке, Миша, хорошо знавший друга, первым не начинал разговора: придет время - Скоков скажет, куда и зачем идут.

Пришли на остров, где когда-то, накануне оккупации, Иван Карпович Дрогин, Петя Базалеев и Скоков строили известный только им троим тайник. Присели на сухой бугорок.

- Слушай, Миша, внимательно. Это место знают только три человека: Иван Карпович, Петя и я. Кажется, мне будет трудно приходить сюда, про меня что-то пронюхали полицаи. А ты вне подозрений. С Иваном Карповичем договорился. Дважды в неделю, в полночь, здесь место встречи с Петей Базалеевым или Дрогиным. Есть еще один человек, но он будет здесь, когда появится надобность, - немного помолчав, задал вопрос Мише:

- Знаешь Шейко?

Миша утвердительно кивнул головой.

- Берегись его пуще полицаев. Он сбежал из отряда. Возможно, работает против нас. Где увидишь - сообщай мне через Ларису. И еще мой совет: почаще не ночуй дома; лучше у кого-нибудь из школьных ребят, честных, но смиренных.

- У Кольки Михайлюка, - сказал Миша.

- Вот-вот, подходящая квартира, - с грустной улыбкой ответил Шура.

Колька Михайлюк, одноклассник Шуры Скокова и Миши Заворотынского, лучший математик из всего выпуска, был тихим, не по годам застенчивым юношей. В восьмом классе вступил в комсомол. Но его не интересовали ни серьезные, ни веселые затеи комсомольцев. Несколько раз побывал на собраниях, отчаянно зевал на них, однажды даже заснул и сонным свистом насмешил комсомольцев. В общественной жизни участия не принимал. Затем перестал ходить на собрания и платить членские взносы. Никакие воспитательные меры не помогли. Возились долго, потом исключили из комсомола. После школы Коля мечтал об учебе на физико-математическом отделении института, но война помешала осуществить заветную мечту. Когда пришли немцы, со свойственной ему простотой и наивностью сказал, как-то встретив Шуру и Мишу: «Ненавижу их... Луч-

ше с голоду сдохну, а работать на них не стану». И с тех пор заперся дома, как сурок. К активной борьбе у него не было ни мужества, ни сил. Миша несколько раз заходил к Коле. Жил тот воспоминаниями о школе, мечтой о математике, ничего и слышать не хотел о том, что делается за стенами дома. Миша даже несколько раз ночевал у него.

- Есть и такие, - сказал задумчиво Шура, - и хорошие, и вялые, как осенняя трава. Почаще ночуй у него.

Шура показал Мише тайник. В нем была записка от Дрогина: «Готовь к переправе в отряд Лиду и Наташу, ввел ли в курс дела своего заместителя? Жди в скором времени весточку от Пети».

- Вот о тебе Иван Карпович напоминает, - сказал Шура.

- Пошли домой.

Когда шли по тропе, Шура напоминал Мише приметы, чтобы не сбился в пути. На выходе из камышей сказал Мише: - Ко мне не заходи. Связь через Ларису в доме Антоновых, - и пожал ему руку.

Утром Шура попросил сестру:

- Сходи к Антоновым, скажи Наташе, чтобы через час шла с ведром к артезиану, там мы встретимся. А сама домой быстро не приходи, погуляй с девчонками.

Через час Шура с ведром шел к артезианской колонке. Время было самое тихое. Хозяйки уже набрали воды и занимались своими домашними делами. Не успел он набрать ведро воды, как подошла Наташа. Как будто не обращая на нее внимания, прошептал: «С вечера по очереди с Аней из сарая своего дома следите за нашей хатой. Кто будет ходить - потом скажете Ларисе». Наташа слегка кивнула головой и пошла к своему дому.

Через несколько дней Лариса сказала Шуре:

- Наташа велела передать: кто-то ходит по ночам.

Шура подумал: «Дрогин прав. Шейко, Косогов или кто-то другой настойчиво интересуется мной. Надо отправлять Лиду и Наташу».

...Новый староста Петушков с большим удивлением замечал, что в погожие дни хозяйки белили стены своих домов; в окнах появлялись цветы и чистые занавеси.

- Привыкает народ к новой власти, - оживлялся Петушков,

и кажется ему, что сам всему этому начало, только он смог по-настоящему взяться за упрямых людей. Сидя по-простому на охапке сена в кованой двуколке, староста правил лошадью, его хозяйственный взгляд хищно оценивал окружающее. Вот хатенка Волкова.

- Доброго здоровьица, - лепечет приземистый Волков, выкатываясь из калитки.

- Приветствую, - небрежно скривив губы, говорит староста и чуть-чуть придерживает лошадь.

- Дельце есть. На минутку можно?

- Никак нет. Служба ждет.

- Очень важное дело, - заговорщически моргает свинными глазками Волков, - тайну великую разгадать сможете?

- В чем-дело-то?

- Прошу, уважьте старого однокашника. Тут у меня итальянского рому бутылочка найдется - немцы болтают, будто из самого Рима...

Петушков долго смотрит на часы, что-то высчитывает. Затем морщится и поворачивает лошадь к дому. Волков заботливо подхватывает ее под уздцы и проводит во двор. По двору ходят пять свиней и стая гусей. Гусак, растопырив крылья, вытянув шею, с шипением подлетел к старосте, получив кнута, громко гогоча, вернулся к важным гусыням.

Ром, действительно, оказался у Волкова. Насколько правда, что он из Рима, - неизвестно, но предатель мог пить любую дрянь, лишь бы на ней была этикетка с заграничной маркой.

- Что ты хочешь? - когда порожняя бутылка перекочевала в угол, спросил Петушков, чуть было, не упав со стула: видно, в том роме было больше русского спирту.

- Да знаете, у нас еще с Козырем, царство ему небесное, разговор был. Да и вы слышать изволили.

- Да ты о деле говори.

- Так вот. Еще тогда мы насчет землишки разговор вели.

- Выходит, неубитого медведя делили? Комиссии-то теперь - тютти, нема... Приказала долго жить...

- Но ведь теперь вы у нас, власть местная. Так я и хотел... засвидетельствовать вам свое почтение. Вчера кабанчика завалил - окорочек могу удружить.

- Это дело, знаешь... Кто увидит, подумать разное может, - слабо возразил Петушков.

- Никто и ухом не поведет.

- А нет ли у тебя еще бутылочки? Больно хорош ром.

- Как же, как же. Для дорогого гостя...

Глаза старосты неожиданно забежали по стенам хаты.

- Непорядок, беспорядок. Человек ты видный... А вот хату у тебя хозяйка, наверно, раз в сто лет белит. Не годится. Ведь народ в порядок село приводит и тебе, как честному слуге нового порядка, не к лицу отставать. Лицо хозяина стало сразу постыдным.

- Непорядок, правда. Прикажу жене немедленно... Давайте выпьем по стопочке. Ну, будьте здоровы. Счастья вам! А стены побелить быстро заставлю.

Когда староста выпил, Волков успокоился и снова налил стакан из бутылки с фиолетовой этикеткой. Гость торопился.

- Служба ждет, - твердил он, громко икая, собираясь уходить.

В двуколке старосты под сеном уже лежали два окорока, вместо одного. Волков твердо знал: не подмажешь - не поедешь...

- Так насчет землишки как?

- Цыпят по осени считают, - неопределенно буркнул староста и хлестнул лошадь. Серая кобыла рванула, вынесла его за ворота, сломала колесом молодую акацию и понеслась по улице. Испуганно залаяли собаки, к ним присоединился визгливый голос Волкова: - Что я тебя спрашиваю? Ну? Белить нам людей нанимать, или у самой совесть скажет?

Женский голос испуганно пытался оправдываться.

День был погожий, тучки, как редкие прохожие, одиноко проносились по небу. Петушков гнал лошадь. Двуколка прыгала и грозила перевернуться. Облаченный в немецкую серо-зеленую шинель, он щегольски, высоко поднял плечи и ухарски покрикивал на разгоряченную кобылицу. На повороте резко остановил лошадь, та взвилась на дыбы и чуть было не вывалила пьяного старосту из сиденья. Глаза Петушкова остановились на маленьком листке, приклеенном к телефонному столбу. Жирные слова, как дым, застлали глаза старосте. Он покраснел от внутренней досады и не мог оторваться от написанного: «Украшайте дома, готовьтесь к празднику Октября и к скорой

встрече наших освободителей!»

Петушков соскочил, сорвал листовку и огляделся по сторонам. Никого нет. Вскочил в двуколку и погнал назад. Жена Волкова уже разводила известку, сам хозяин таскал мебель из одной комнаты в другую, готовил квартиру к побелке. Послышался топот скачущей лошади и тарыхтение колес. Волков с удивлением увидел снова старосту. Подумал про себя: «Черт ненасытный, мало двух ляшей; наверное, за салом приехал». А сам с широкой улыбкой пошел навстречу старосте: - Милости просим!

- Я ненадолго, - направляясь в дом, сказал староста, - я только хотел узнать... Мясо у тебя замечательное... Сала как бы разжиться маленько... У меня, знаешь, все в доме сало любят, так с пудик не мешало бы.

- С превеликим удовольствием. Сало, слава богу, у нас никогда не переводилось.

- А это что, никак, белить надумали?

- Как вы наказывали...

- Вот что: белить не надо, ни к чему это... Да и сырость в квартире. Морозы скоро ударят, - постучал староста себя кнутовищем по голенищу немецких сапог и пошел во двор. Садясь в двуколку и закидывая полы шинели, снова добавил: - Белить не надо.

Волков стоял, будто столбняк его охватил. Жена всхлипывала: - Говорила дурню - так нет, настаивал...

Глава четвертая

НАРОД КАРАЕТ ИЗМЕННИКОВ

Под ногами оккупантов горела земля. На всей оккупированной фашистами советской территории шла партизанская война. Отряды народных мстителей и подпольные патриотические группы вели широкую антифашистскую пропаганду, уничтожали отдельные части гитлеровской армии, разрушали коммуникации врага, взрывали военные объекты, пускали под откос воинские эшелоны, громили тылы и обозы, карали изменников, которые, предав Родину, пошли служить в местные органы фашистских оккупационных властей. Такая же война разгорелась

и на оккупированной гитлеровцами территории Ставропольского края. В июле 1942 года, когда возникла непосредственная угроза фашистской оккупации края, Ставропольский крайком ВКП(б) принял решение об организации партизанского движения. Был создан краевой штаб партизанского движения, во главе которого стояли секретари крайкома партии, организовано, примерно, сорок партизанских отрядов, объединенных в три крупные группы - западную, северную и южную. В ряде городов и сел из коммунистов, комсомольцев и активных беспартийных товарищей были созданы патриотические группы. Одной из таких групп была группа величаевских молодогвардейцев, которой руководил Александр Скоков.

С первого же дня оккупации края партизанские отряды повели активную борьбу против гитлеровских войск. Крайком ВКП(б) и краевой штаб партизанского движения, находившиеся в Кизляре, направляли деятельность партизанских отрядов, координировали их боевые операции с действиями казачьих соединений Кириченко и Селиванова. Партизаны и конники-гвардейцы проникали глубоко в тыл врага, наносили им чувствительные удары, оттягивая на себя с фронта значительные силы врага. Отдельные отряды партизан, конные подразделения казаков, диверсионные и разведывательные группы проникали до 200 километров в тыл врага в Ипатово, Арзгир, Апанасенковское, Летнюю Ставку, Благодарное. В результате командование фашистских войск было вынуждено снять с фронта особое воинское соединение фашистского генерала Гельмута Фельми и использовать его для борьбы с партизанами на оккупированной территории.

Это расстраивало планы гитлеровского командования, бросавшего свои силы на штурм Грозного и подступов к бакинской нефти. Гитлеровцы всеми силами стремились подчинить оккупированную ими территорию и умиротворить оставшихся на ней советских людей. Для этого они применяли общеизвестную политику «кнута и пряника». Наряду с массовым террором, против активной части советских людей, они пытались привлечь на свою сторону неустойчивую часть населения путем широкой дезинформации его о положении дел на фронте и проведения различных мероприятий, рассчитанных на разжигание частно-

собственнических настроений. Одним из таких «мероприятий» была пропаганда идеи роспуска колхозов и наделение крестьян землей.

Гитлеровцы рассчитывали на слабость и непопулярность колхозного строя среди советских крестьян. Они считали, что в степях Ставрополья, на сотни километров, отдаленных от промышленных центров и железных дорог, можно рассчитывать на старую тягу степняка-хлебороба к земле и частному хозяйству. Об этом фашистские оккупационные власти трубили в издаваемой для населения оккупированной части края газете на русском языке, об этом писалось в листовках, по этому поводу они решили провести широкие совещания старост и работников управ. О готовящемся в Левокумском районе совещании по поводу роспуска колхозов и раздела земли сведения дошли до руководства партизан.

Через Петю Базалеева Шура Скоков получил весточку от Ивана Карповича: «По поручению штаба партизанского движения уточни, где и когда должно состояться совещание представителей фашистских властей по поводу роспуска колхозов. Это очень важно. Срочно жду донесений».

Шура и его друзья днем и ночью следили за каждым шагом старосты и начальника полиции. Тимоше Береговому поручили сообщать о распоряжениях фашистской комендатуры, поступающих в сельскую управу. Наташа Антонова часто стала появляться с ведрами в «брехаловке» у артезианского колодца и прислушивалась к тому, о чем судачат вездесущие и всезнающие Марьюта и другие сплетницы.

В конце концов, сопоставляя различные донесения, установили, что такое совещание состоится в Величаевском. Узнали ребята и день слета хищников. О многих фактах Марьюта «по секрету» сообщила бабам в «брехаловке» у колодца. Шура ночью пошел в плавни, к тайнику. Здесь уже два дня его ожидал Петя.

- Ух, черт возьми, совсем околел, - выбивая дробь зубами, сказал вместо приветствия Петя. - Что нового? Иван Карпович уже заждался меня...

- Передай Дрогину: совещание утром двадцать четвертого в Величаевском. Точно часа не знаю, как установим, сразу сооб-

щу. Беги, погрейся. Завтра ночью жди меня опять здесь.

А утром Тимоша передал Шуре: представители из Левокумского выезжают в Величаевское 24-го в шесть часов утра.

Следующей ночью Скоков передал это уточнение в партизанский отряд.

Представитель Центрального Комитета партии по развертыванию партизанского движения на Северном Кавказе вместе с членом краевого штаба самолетом прилетели в район прикумских плавней с заданием активизировать боевые действия партизан. Это уже был не первый прилет в плавни руководителей партизанского движения. Андрей Иванович Зайцев подробно информировал о действиях отрядов и подполья. Особенно тепло он говорил о подпольной комсомольской группе в селе Величаевском, которой руководил Александр Скоков.

- На днях Скоков прислал донесение, что в Величаевском предполагается крупное совещание представителей местных оккупационных властей и старост, - сообщал Зайцев. - На повестке дня совещания, роспуск колхозов, усиление заготовок продовольствия и улучшение обеспечения тыла гитлеровской армии. Его проводит предатель, бывший работник Левокумского райплана, назначенный немцами начальником по сельскохозяйственным делам.

- Очень ценное донесение, - заметил представитель ЦК, - пожалуй, можно подумать о проведении большой операции по ликвидации предателей. В Величаевском, видно, соберется весь «цвет этого общества».

- По-моему, - предложил Зайцев, - это будет по плечу сводному отряду Алексея Однокозова, человека смелого, волевого, энергичного.

И они склонились над картой района. Представитель ЦК сказал:

- В сводный отряд под командой Однокозова включить отряды «Максима», «Сергея» и «Петра». Рейд - хутор Кочубей, Величаевское и Урожайное. Для захвата совещания нужно создать специальную группу из решительных и смелых товарищей...

Вошел Алексей Однокозов. Это был высокий, стройный человек, на вид лет тридцати пяти. Его приятное лицо обрамлено темной красивой шевелюрой. Смелые глаза смотрели на себе-

седника внимательно и умно, у губ пролегалась едва заметная волевая складка. Алексей Однокозов казался слегка усталым. На самом же деле, если бы не его крепкое железное здоровье, он бы уже давно упал с ног: дни и ночи он мотался в седле на своем коне с отрядом партизан, вел разведку, минировал дороги, уничтожал отдельные группы фашистов. Представители ЦК и краевого штаба тепло поздоровались с Однокозовым и сразу приступили к делу.

- По сообщению комсомольской подпольной группы в Величаевском созывается совещание представителей местных немецких властей и старост. Руководство решило: захватить в селе врагов и изменников и уничтожить. Одновременно напасть на село Урожайное, ликвидировать немецкую комендатуру и по возможности пленить местного коменданта Фрица Вагнера.

И снова у карты склонились теперь уже четыре головы. До рассвета во всех деталях разрабатывался план партизанского налета на хутор Кочубей, села Величаевское и Урожайное.

За камышами, в неубранном частоколе подсолнечных бодыльев, остались коноводы. Впереди в мареве туманного вечера виднелся хутор Кочубей.

Конная группа Михаила Коробко, покрыв за день тридцать километров, рассыпалась по огородам, блокируя затерянный в степи хуторок.

Приказ командира был такой: «Никто не должен уйти из хутора. Если хоть один полицейский проскочит - конец всему делу. Первая группа, прикрываясь колхозными амбарами, занимает западную окраину хутора, где находятся квартиры старосты и двух полицейских. Захватить их живьем. Никакого шума, ни одного выстрела. Вторая и третья группы заходят с востока, севера и юга. После полного окружения хутора четвертая группа входит в центр. Всех арестованных доставить в здание сельсовета».

Михаил Коробко, в ожидании условного сигнала полного окружения хутора, стоял в зарослях подсолнечных бодыльев и о чем-то думал своем. Это уже был выдававший виды человек. Связной от главного сводного отряда Петя Базалеев сидел рядом, опершись на земляной холмик.

- Про Кочубея, сынок, слыхал? - спросил Коробко.

- Так точно! - подскочил Петя, стараясь щегольнуть, своей

выправкой и не ударить лицом в грязь перед командиром другого отряда: пусть знает, какие разведчики у Дрогина.

- Да ты сиди, сынок. Перед тем как белые взяли его больного, в этих местах он был, отсюда и на смерть свою пошел...

Коробко замолчал, и, казалось, этот неразговорчивый человек не скажет больше ни слова. Он задумчиво пустил дым, старательно пряча сигарку в рукав, хотя руки и так были скрыты под плащ-палаткой.

- А вы видели Кочубея? - спросил он у командира.

- Не пришлось, мал еще был в то время.

- Много интересного тогда было, наверное, - мечтательно вздохнул Базалеев.

- Интересного? Всякое было... По той жизни - того и гляди: либо нож в спину, либо пуля из-за угла темной ночью. Кулачье здесь лютовало сильно, - он сплюнул на окурки и спрятал его в карман. Это не ускользнуло от Базалеева, и он вспомнил, как Дрогин учил его: никогда не оставляй за собой следа, все забирай или уничтожай чтобы враг не докопался.

Пока Базалеев оценивал Коробко как разведчика, тот будто нехотя сказал:

- А в этих местах я уже второй раз буду... - в задумчиво сказанных словах чувствовалась грусть о далеком, безвозвратно ушедшем времени.

- А давно ли бывали? - заинтересовался Петя.

- Да как сказать... В тридцатых годах. Избрали меня председателем колхоза «Красный Октябрь», в соседнем хуторе. А тогда здесь что было: кто в колхоз, а кто в камыши посматривал да обрез под полою носил. Однажды меня окружили кулаки и говорят: «Слушай, председатель. Сдали мы имущество в колхоз, а теперь не хотим в колхозе быть... Отдавай имущество!» И взяли меня в оборот... угостили железным прутком. И конец бы мне, да мужичок один, помнится, в колхоз с неохотой шел, спасителем стал. Разогнал кулачье, забрал меня, домой отвез. Вот на память осталось, - показал Коробко левую сторону лица, где от виска до губы виднелся старый шрам. - Всякое бывало...

Из высокого сухого бурьяна вынырнул боец и доложил, что хутор окружен, староста и полицаи захвачены. Коробко приказал: - Пошли! - партизаны побежали к хутору.

Без единого выстрела партизанам удалось захватить врасплох старосту и полицейских. Их уже привели к зданию сельского Совета. Староста стоял в кругу партизан, бледный, дрожал и не мог сказать ни одного слова.

Коробко вошел в круг, сдвинул кубанку на затылок, обратился к старосте: - Здравствуй, Вовченко. Не запамятовал? Тридцатый год? - глаза старосты испуганно округлились.

- А я помню. Здорово вы меня железным прутком пригладили, - он помолчал, наблюдая за Вовченко, - Да не в том дело... - и в упор жестко спросил:

- Совещание в Величаевском когда будет?

Староста взмолился дрожащим голосом:

- Слушай, не знаю я ничего. Христом богом прошу, не помни зла. Ведь давно все было. По дурости тогда я тебя...

- Что?.. И в старосты по дурости пошел? - сурово спросил Коробко.

Один из партизан схватил старосту за шиворот, встряхнул покрепче:

- У своей совести просись!

- Да я, - заюлил Вовченко, - точно не знаю! Слышал, вроде бы с утра начало.

- В котором часу?

- Как будто к обеду...

- А точнее?

- В десять часов, в десять, точнее не знаю.

- Какой гарнизон?

- Кроме полицаев, никого не будет.

- Какие вопросы будут на совещании?

- Колхозы, говорят, распускать... Да какой-то начальник будет по заготовкам провианта.

Коробко отвернулся от предателя, приказал:

- Уберите!

- Что? Нет... - завыл староста, когда партизан предложил следовать за ним.

- Не убивай!

Командир нахмурил брови и сказал:

- Отправьте в штаб соединения.

Коробко составил донесение Однокозову и передал Пете. Он

потрепал юношу за чуб, легко толкнул ладонью по плечу и сказал: - Жми! Торопись с ответом, буду в камышах под Величаевском, где перевоз... Алюр три креста!

...У старосты Петушкова забот полон рот. Шутка ли, сам начальник всех земельных и продовольственных дел района едет; когда новый порядок на земле будут наводить, от него много перепасть может - лучшая земля в поле, парочка виноградников в селе. Как говорится, дело магарычовое. А тут, как назло, Алешка Косогов куда-то запропастился. Васька Глазун заболел. Знаем эти болезни! От хлопотного дела отлынивают, да и налета партизан побаиваются. Одним словом, смылись, всё на Волкова переложили, а тот еще горше пьяница, чем Глазун.

Петушков не знал, как угодить высокому начальству. Паранька с Марьютой носят как угорелые, готовят торжественный обед. В школу стащили все стулья, какие только можно было найти поблизости, коврами застелили комнату, где будет отдыхать начальство.

Но настроение у старосты портилось. К вечеру, вместо предполагаемых ста человек, собралось всего лишь двадцать пять, и то больше полицей. Даже кочубеевский староста не изволил явиться. Кажется, предусмотрено было все: выставил охрану около управы, на дорогах стоят посты все честь честью. Только бы ничего не случилось. Еще поутру первой, как вышел из дому, баба повстречалась - к несчастью. Кот дорожку перебежал. Правда, кот пестрый. Когда в три цвета шерсть - это ничего, к хорошему.

Приехавшие старосты и полицей разошлись по квартирам, некоторые засиделись в управе, курили, переговаривались. Один, длинный, как жердь, в примятом сюртуке, пахнущем нафталином, в рубаше с наглухо застегнутым стоячим воротом, смотрел в лица своим собеседникам и говорил:

- Господа! - слово «господа» он произнес с видимым удовольствием, - не подумайте, чего такого плохого. Всякое брешут... Я, конечно, не верю, но, говорят, в Правокумском недавно партизаны того... немного шуму наделали...

- Не немного, - вставил его собеседник с сизым прыщавым лицом и толстой бычьей шеей, - а одного нашего шлепнули.

- А что, если...

- Не каркай, ворона! И крутится ж у него на языке ерунда всякая. Откуда здесь партизанам быть? В Правокумском - это какие-то бездомные, с голоду, видать, на свет повылазили.

- Оно бы так... да чем черт не шутит, когда бог спит, - шмыгнул носом длинный. - А не знаете, посты выставили? - замолчал, часто моргая глазами.

- Захлопал бельюками, как сова на ветер. Посты... посты... Вся полиция тут собирается. Да с начальством охрана приедет.

- Ну, тогда другое дело.

- Едут, - закричали на улице. И все чуть ли не бегом вышли из управы, к которой уже подъезжали легковой автомобиль с начальством и грузовая машина с полицейскими из района. Петушков приосанился, поправил фуражку, выпятил грудь, на лице изобразил подобие улыбки. Представился начальству.

Но начальство смотрело мимо него и вдруг закричало:

- Не могли побелить здание? Здесь будет совещание представителей немецких властей, а не выступление балаганных артистов!

Петушков хотел было заикнуться, что, мол, нет извести, но прибывший начальник, свирепо вращая белками глаз, топнул ногой:

- Что? Молчать! Свинья! Где начальник полиции? Немедленно вызвать его сюда! - швырнул оторопевшему Петушкову дорожный плащ. Высоко выкидывая вперед ноги в начищенных до блеска сапогах, начальник со своими помощниками пошел в здание управы. Охрана, было, двинулась за ним, но он небрежно бросил:

- Отдыхайте, - а Петушкову мимоходом приказал: - Позаботьтесь, чтобы мой личный конвой покушал и сменил ваш караул. Это надежней будет.

- Слушаюсь, - пробормотал Петушков, не зная, как избавиться от плаща. - Волков! - крикнул он, - пусть прибывших накормят, как следует.

Волков побежал к машине, около которой стояло человек пятнадцать полицейских. Навстречу ему шел высокий начальник охраны.

- Здорово, друг! - приветствовал он Волкова, запросто хлопнув его по плечу.

- Ты гляди, никак, Вячеслав? - удивился Волков, который раньше знал Вячеслава Склярова. - Ты тоже к нам?.. А раньше чурался, черт длиннобудый. А сам - ишь, как устроился... В охрану. Да не к кому-нибудь. Ох, ты и гвоздь парень! Знаешь, где мягче да слаще. Тут у нас что, старье одно... Ты хоть по городам евреев потрусил да девочек пощупаешь.

- Ты слышал, что Петушков приказал? - нажал на него Вячеслав Скляров. - Давай, друг, крутись живее. Я ведь тоже не пешка какая - начальник охраны!

- Пойдем-ка со мной, начальничек, мы всю команду твою накормим. Слышь, пошли? Никуда эти остолопы не денутся, - кивнул на полицаев, стоявших около машины, оскалил зубы.

Скляров согласился. Он что-то шепнул одному из своих полицаев и пошел с Волковым. Вскоре они вошли в маленький двор.

- К Параньке ведет, - отметил про себя Вячеслав, - не стучась, как хозяин, - Волков перешагнул порог.

- Да у тебя гости, - зашумел он, задевая плечом хозяйку и указывая на ее подружку Марьюту.

- Не дури! - кокетливо пискнула она. - Чего приперся?

- Воды напиться, - недвусмысленно щелкнул себя пальцем по горлу Волков, - нам немного, по ведру на брата, - и уселся за стол.

- Пьяные будете.

- Что же, похмеляться придем, симпопончик, - прищелкнул языком полицаи.

- Видать по носу, не протрезвляешься.

- Ух, ты, как...кая! - повеселел Волков.

- Тебя первого поить, что ли? - внимательно оглядывая красивого Вячеслава, спросила Паранька и кокетливо повела полными плечами. Волков заметил ее кокетство.

- Ха-ха-ха, - засмеялся. - Паранька, Паранька, пропадешь без мужа, помрешь в старых девах.

- В старых девах? Мужа нет - и без мужа не живу, - глянула она своими бесстыжими глазами на Вячеслава.

Волков бесцеремонно хлопнул ладонью по столу и сказал:

- Хватит болтать. Потом любовь крутить будете. Мы, как ни есть, а на службе...

Они выпили вина. Волков хватил целый литровый ковш. Наложили ведро жареного мяса из запасов, приготовленных для встречи начальства, взяли канистру вина и ушли.

Повеселевший Волков говорил:

- Дай бог завтрашний день... Ты знаешь... Новая жизнь - деньги! Много денег! И этих баб купишь, и все, все купишь!

Они подошли к управе, погрузили продукты в машину. Всюду вокруг управы уже стояла новая охрана из прибывших с Вячеславом Скляровым полицаев.

- А теперь своих людей накорми, - сказал Вячеслав Волкову.

- Мы тут сами как-нибудь справимся. Кругом спокойно.

А в управе, прибывший из района начальник, ругал старосту за непорядки, не все старосты явились по приказу немецких властей, а те, кто приехал, видимо, пьянствуют по квартирам; неисправно несут службу. Начальник полиции Косогов и старший полицаи Глазун говорят, партизаны срывают мероприятия местных немецких властей по сбору теплых вещей и продовольствия, а полиция и старосты бездействуют.

- Непорядки тут у вас! - орал начальник во всю глотку, на улице было слышно. - Позвать начальника полиции!

В помещение управы вошел Скляров.

- Господин начальник! Что будем делать? Никого не сыскать - старшего полицейского и след простыл. Спят, наверное, по домам...

- А вот мы их сейчас потревожим. Эй, мальчишка, - позвал он Тимофея, стоявшего в коридоре, - покажи моим ребятам, где спят господа полицаи и гости. Вызвать их всех в управу. Да поживее, черт побери, поворачивайтесь!

Пока в управе распоряжался прибывший начальник, Шура Скоков, Кузьма Напханюк и Вася Обмачевский встречали партизан в камышах за селом. Командир отряда Василий Ермаков уточнял с Шурой скрытые подступы к управе. Прискакал Петя Базалеев и передал Однокозову донесение от Коробко: хутор Кочубей занят, все предатели захвачены. Однокозов разделил свою группу на три части. Ребята скрытыми местами повели их на окружение управы и дома, где в это время находились полицаи, смененные на постах Вячеславом Скляровым. А Тимоша Береговой водил Склярова по селу и показывал:

- Здесь полицейский живет. Здесь на квартире стоят прибывшие старосты.

Скляров арестовывал их и направлял в школу. Партизаны со всех сторон ворвались в село, захватили полицейских, находящихся в караульном доме. Почти все старосты и местные полицейские, за исключением сумевших как-то скрыться - Петушкова, Косогова, Глазуна, Волкова и Параньки, были доставлены в школу. К утру привели и Косогова, захваченного по дороге на Святой Крест. Предатели понесли суровую кару.

Читатель, видимо, догадывается, что партизаны во главе с Василием Ермаковым, Иваном Дрогиным и Вячеславом Скляровым перехватили по пути в Величаевское начальника по сельскохозяйственным делам, уничтожили его вместе с охраной и вместо них приехали на совещание предателей. Вошедший в школу Однокозов позддравил партизан с успешным завершением операции и крепко пожал руку Ивану Дрогину, Вячеславу Склярову и Василию Ермакову.

Красные полотнища флагов развевались над сельсоветом и школой. Воскресли мертвые до этого улицы. Казалось, все село собралось возле школы. Величаевцы приветствовали своих защитников. Однокозов приказал раздать жителям продукты, реквизированные фашистскими прихвостнями для гитлеровской армии. В укромном месте, в забытом бригадном домике на окраине села, Шура Скоков и Тая Барко рассказывали Однокозову о положении в Урожайном. Тая только что прибыла в Величаевское. По выходе из Урожайного ее схватили двое полицейских. Дело было плохо. Тая стала заигрывать с ними. Один полицейский обнаглел. Тогда Тая сказала ему: «Хоть бы с глаз ушли, что ли». И они вдвоем пошли в камыши. Здесь Тая зарезала полицейского, забрала у него оружие и ушла в Величаевское. По дороге встретила партизанскую разведку, в которой был ее отец, и ей помогли быстро добраться до Величаевского. Однокозов с удивлением рассматривал эту сильную и красивую девушку. Он попросил ее быть проводником отряда в Урожайное, где, по плану операции, партизаны должны были разгромить немецкую комендатуру.

...Когда Тая Барко подводила отряд Однокозова, двигавшийся на немецких машинах, к Урожайному, дозоры партизанской

разведки уже находились на своих местах и тщательно наблюдали за селом и дорогой со стороны Левокумского, Владимировки и Камыш-Буруна, откуда могли случайно нагрянуть немецкие подразделения. Разведчики доложили, что в селе тихо. В комендатуре находятся немецкие солдаты. Комендант вот уже час ушел к себе на квартиру, в домик рядом с комендатурой. На посту возле этих двух домиков стоит один часовой. Полицейские тоже разошлись по домам.

Солнце уже ушло за горизонт, в осенней хмаре быстро темнело. Для захвата комендатуры Однокозов выделил три группы во главе с Иваном Дрогиным, Вячеславом Скляровым и Василием Ермаковым. К дому, где жил комендант Фриц Вагнер, группу партизан повела Тая Барко. Часть партизан, шедших в голове группы, была одета в форму полицейских.

Пробираясь канавами и между высохшими шпалерами виноградника, группа Вячеслава Склярова заметила полицейского, стоявшего у пруда. Скляров положил партизан в канаву, а сам вместе с другим партизаном, тоже одетым в полицейскую форму, обошел пруд и открыто пошел по плотине прямо к полицейскому. Увидев двух незнакомых, полицейский испуганно оглянулся и хотел бежать, но форма одежды удержала его на месте. Это был уже пожилой человек, незнакомый Склярову, хотя он знал почти всех жителей района в лицо.

- Постой, папаша, - сказал Скляров. - Мы из Левокумского полицейского управления.

- Слушаю, сынок, дай бог вам здоровья!

- Партизаны в село заглядывали?

- Заглядывали, да давненько. Теперь спокойно у нас.

- А ты что здесь делаешь? На посту стоишь?

- Нет, смотрю на прудок... С тридцатого года, как выселили, не видал. Теперь, слава богу, довелось обратно повидать. Я этот прудок своими руками делал.

- Много же рук, видеть, у тебя было, чтобы такую плотину насыпать, - заметил Скляров.

- Да-к и деньги были, нанимал мужиков.

Скляров наотмашь ударил полицейского и со злобой сказал:

- Сволочь! Колхозный пруд своим считаешь!

Полицейский упал, но успел выхватить пистолет. Удар прикла-

дом, который нанес партизан, предотвратил выстрел. Полицая связали и с кляпом во рту отправили к машинам Однокозова.

Задворками Тая Барко привела партизан к дому, где жил Фриц Вагнер. Две тени бесшумно скользнули мимо забора. Немецкий часовой прохаживался у ворот. Он подошел к углу дома, глянул в сторону переулка и повернулся обратно к воротам. В это время сильная рука нанесла ему смертельный удар кинжалом. Партизаны бросились в дом. Вышедшую в сенцы на шум хозяйку они втолкнули в кухню: «Ни звука!».

Фриц Вагнер спал. Удар кулаком в бок разбудил его. Спросонья он не успел даже прийти в себя, как был уже связан по рукам и ногам. В это время другая группа партизан уничтожила немецких солдат, находившихся в здании комендатуры. По адресам, данным Таей Барко, третья группа партизан вылавливала полицая. К полуночи операция была закончена. Отряд Однокозова покинул село.

Утром жители Урожайного были приятно поражены. На здании сельсовета висел красный флаг. На доске объявлений у комендатуры, где накануне висели приказы фашистских властей, наклеено воззвание штаба партизанского отряда «Ко всем советским гражданам Левокумского района», в котором народные мстители призывали вести непримиримую войну против оккупантов. Всюду по селу разбросаны листовки со сводками Совинформбюро, во дворах и за ставнями окон лежали свежие советские газеты. У здания немецкой комендатуры и в других местах валялись трупы немецких солдат и полицая. Исчез комендант села унтер-офицер Фриц Вагнер.

...Иван Андреевич Зайцев записал в дневник: «...Рейд на хутор Шевцова (Кочубей), в села Величаевское и Урожайное, Левокумского района. Уничтожено 3 немецких офицера, 12 немецких солдат, 4 старосты, 36 полицейских и бывший работник райплана, предатель, ставший при фашистах начальником по сельскохозяйственным делам. Взят в плен немецкий унтер-офицер Фриц Вагнер комендант с. Урожайного; сожжено 3 автомашины, одна грузовая взята с собой. Эвакуировано 6 тысяч овец. Захвачено большое количество боеприпасов и вооружения. Подпольные организации продолжают свою работу, обеспечивают партизанские отряды разведданными...».

Три дня развеивались красные знамена над хутором Кочубей и селами Величаевское, Урожайное. Лишь после того как в Левокумский район был направлен крупный отряд гитлеровских войск, снятый с фронта, партизаны ушли в плавни. Из тайников вылезли уцелевшие предатели Петушков, Глазун, Волков и Деркач. Они днем «держали власть» в своих руках, но на ночь прятались - дома не ночевали.

Глава пятая

ОДНОГО ПОЛЯ ЯГОДА

Паранька Петушкова всегда стремилась к легкой и беззаботной жизни. Уже с шестнадцати лет она стала бегать «на улицу», раскрашивать свое лицо разными белилами и мазилками. До петухов слонялась по садам с такими охальниками, как Васька Глазун. У нее появлялись то новая крепдешинная косынка, то модные туфли, а один раз вышла на улицу с шелковым веером на костяных пластинках. Девчата спрашивали: «И откуда ты все это берешь, Паранька?» Она со смехом отвечала: «Кавалером подарены».

Нигде и никогда Паранька не работала. Даже ее брат Алексей, промышлявший браконьерством на охотничьих и рыболовных угодьях Прикумья, и тот говорил ей: «И когда ты, чертова девка, за ум возьмешься, хоть бы к делу какому пристала, работу какую себе нашла». А Паранька ему в ответ: «От работы, братик, лошади и тедохнут!»

А когда Паранька повзрослела, еще пуще закрутилась в угаре любовных приключений и пьяных вечеринок. Разгульная жизнь, страсть к нарядам требовали денег. Параньку часто стали видеть на базарах в Буденновске, Георгиевске и Пятигорске, где она с помощью Евстрата Козыря, продавца местной сельпо-вской лавки, и Васьки Глазуна, мясника, обдывала какие-то сомнительные коммерческие операции. Односельчане так ее и называли: «Паранька-спекулянтка», «Паранька-шалава».

Когда пришли фашисты, для Параньки Петушковой настало золотое время обогащения. Связь с немецкими офицерами и местными полицаями предателями сулила заманчивые выгоды.

Ее знали коменданты всех окрестных сел, и даже сам начальник разведывательного органа майор Шульц.

У Параньки появилось удостоверение, в котором на немецком и русском языках говорилось: «Предъявительнице сего разрешается беспрепятственно бывать во всех населенных пунктах Левокумья и Черноземелья». И она как угорелая металась по району, рыскала по домам и квартирам, оставленным со всем имуществом бежавшими от немецких захватчиков работниками совхозов, колхозов и советских учреждений. Диваны, шкафы, буфеты, зеркальные шифоньеры, патефоны, приемники, венские стулья, полужесткие и мягкие кресла, столы, сервизы столовые, чайные, платья, постельное белье, гардины - все это можно было брать в квартирах, эвакуированных бесплатно. Особенно много всяких вещей было в зажиточных домах черноземельских животноводов. И Паранька часто навещалась на фермы совхозов Черноземелья. В ее распоряжение брат-староста предоставил бричку и пару лошадей. Часто в Паранькиных набегах на Черные земли участвовали Васька Глазун и другие полицаи из Величаевского.

Жажда к вещам овладела Паранькой. И хотя она брала их бесплатно, но иногда платить за них все же надо было. Разъезжая по Черным землям, она вынюхивала сведения о партизанах, скрывавшихся евреях, местных советских людях, которые высказывали недовольство новым фашистским порядком. Все эти данные через Косогова, а потом через Ваську Глазуна она передавала немецкой комендатуре в Левокумское. Плата за вещи была страшной - кровью советских людей.

На отделении животноводческого совхоза «Улан-Туг», в глухом уголке Черноземелья, скрывалась группа беженцев из Львова, ранее проживавшая в Величаевском. Среди них было несколько еврейских семей старики, женщины, дети. Сюда ни разу не заглядывали немцы и полицаи, беженцы чувствовали себя спокойно.

В поездке по Черным землям Паранька добралась до этого отделения. Пожиться чем-либо не довелось. Злая Паранька уехала. А на второй день сюда на машинах заехал отряд немецкой полевой жандармерии. Евреи беженцы были расстреляны, все - до малого ребенка. Партизанской разведке, заезжавшей

через несколько дней после расстрела беженцев, старик сторож рассказал, что немцев привела какая-то баба из Величаевского, побывавшая в Улан-Туге.

На центральную усадьбу совхоза «Улан-Туг» Паранька Петушкова приехала к концу дня. Она только раз бывала здесь с Васькой Глазуном, начисто обобрала квартиру директора совхоза, ушедшего с семьей с отступившими частями Советской Армии. Но на примете было несколько квартир специалистов совхоза. К тому же в комендатуре поручили узнать - кто подбрасывает антифашистские листовки. Подозрение падало на поселившихся недавно юношей, беженцев из Ленинграда.

Когда Паранька проезжала по поселку, у одной их хат увидела трех юношей. Один, как послышалось Параньке, сказал: «Шалава из Величаевского!» Паранька заметила этого парня, лицо показалось знакомым. «Из ленинградских беженцев, - вспомнила. - Я тебе покажу «шалаву», - злобно прошептала, - может, это ты листовочки подкидываешь?»

Вечером в дом, где жили эти парни-беженцы, в том числе и тот, который назвал Параньку «шалавой», зашла Паранька с большим узлом. Ребята удивились ее приходу.

- Ночь длинная, что делать молодой женщине - не знаю. Дай, думаю, к ребятам в гости схожу. Музыка можно послушать, - развернула приемник, - по чарочке пропустить, - достала бутылку самогона.

- Непьющие мы, убери бутылку, тетя... А насчет музыки - дело подходящее.

Он подошел к приемнику, осмотрел его.

- Питания нет, - сказал.

- Какого питания? Что, с голоду помираете? - спросила Паранька, не понимая сути. - Я вам, бедненькие, мучицы подброшу. А будет жратва - ноги под музыку сами пойдут; небось с девками охота потанцевать?

- Да нет, - перебил ленинградский парень, - батареи нужны приемнику.

Паранька сбегала и принесла батарейки.

- Эти, что ли?

Юноша утвердительно кивнул.

- Тогда заводи!

Допоздна слушали музыку. Ленинградский нарочно не включал Москву, чтобы не дать повода взбалмошной женщине для кривотолков. Знал - по Величаевскому, где жил несколько месяцев после эвакуации из Ленинграда, что Паранька бесшабашная, гулящая которую все звали «Паранькой-шалавой». Но на беду его и товарищей не знал, что «шалава» стала фашистским осведомителем.

Ночью Паранька, уходя от ребят, сказала: - А музыку завтра заберу, когда буду домой ехать.

Утром Паранька не зашла. На рассвете ускакала в Величаевское. В следующую ночь хату, где жили юноши, окружил отряд немецких жандармов и полицейских. Их схватили, посадили в подвал. А утром, согнав жителей поселка к конторе совхоза, на глазах собравшихся расстреляли. В это время Паранька нагружала на подводу вещи из квартиры главного зоотехника совхоза, семья которого эвакуировалась, а сам хозяин был на фронте.

...На заседании штаба партизанского подполья вынесено решение: судить Параньку Петушкову судом народных мстителей. И с тех пор, как вынесен приговор, за предательницей следили ненавидевшие ее советские патриоты.

О решении штаба и плане его осуществления Петя Базалев сообщил Шуру. Исполнение первой части плана поручалось группе Скокова.

Через Ларису Шура назначил встречу с Мишей и Наташей в условленном месте, рассказал о приговоре и поручил Наташе:

- Следи за «брехаловкой» у артезианского колодца. Как только соберется несколько женщин, особенно если Марьюта среди них зубы будет точить, иди за водой к колодцу и пусти слух, что в сарае дома бывшего главбуха совхоза «Улан-Туг» - пианино, заваленное старой соломой. Перед войной главбух десять тысяч рублей за него заплатил, и другого барахла спрятал немало. Надо выманить Параньку в Улан-Туг.

Мише Заворотынскому Шура поручил следить за домом Параньки. Как только она выедет из села, немедленно сообщить через тайник Пете Базалееву: он будет его там ждать.

С утра, как всегда, в «брехаловке» собралось несколько женщин и среди них Марьюта.

- Слыхали, бабы, в Святом Кресте, сказывают, люди понажи-

вались на всю жизнь. Немецкий комендант разрешил забирать барахло в домах беглых коммунистов, разных служащих. Ну и нажились те, кто порасторопнее! А в Пятигорске - и говорить нечего!

- Да ведь как брать-то чужое, - сказала пожилая женщина, - грешно ведь?

- Чего греха бояться, - возразила Марьюта, - барахло ничейное, на волю божью оставлено. Теперь тем беженцам оно без надобности: каких побили на отступе, какие с голодухи померли. Слыхать, в Сибири те беженцы как мухи дохнут.

- Да разве только в Святом Кресте или Пятигорске много барахла брошено, - сказала со вздохом та же женщина. - Люди бежали - все бросали, ничего не жалели. По хуторам животноводы, куда с добром жили, а побросали все начисто, в одних рубашках бегли.

Наташа шепнула одной женщине:

- В Улан-Туге, говорят, бухгалтер пианино оставил, только в сарае соломой забросал, десять тысяч за него перед войной заплатил.

- Во, слышь, Марьюта? Говорят, в Улан-Туге пианино даже новое есть, а ты про Святой Крест. Овцеводы побогаче твоих святокрестовских служащих жили.

Увидев, что пущенный ею слух дошел до Марьюты, Наташа наполнила водой свои ведра и пошла домой. Долго судачили женщины у артезианского колодца, делясь новостями, смешивая правду с неправдой, ахая и охая по поводу непонятной жизни, какая сложилась с приходом немцев.

Марьюта, управившись по дому, пошла к подруге Параньке Петушковой. Все новости, услышанные в «брехаловке», значительно преувеличив и приукрасив, передала ей. Когда упомянула о пианино, глаза Параньки загорелись. Она вспомнила пустующий домик главбуха в Улан-Туге. И сарай тот, возле домика главбуха, уже стоял перед ее глазами.

Вечером Паранька сказала брату старосте:

- Дай, братик, на завтра пару лошадей с бричкой, в Улан-Туг съездить надо. Сказывают, там пианино припрятанное лежит.

- Гоняешь по степи как угорелая, гляди голову сорвут партизаны в два счета, пикнуть не успеешь.

Паранька рукой махнула:

- У партизан ко мне никаких фактов. А пианино вроде для школы в Величаевское заберу.

На второй день Миша, следивший за домом Петушковых, увидел, что Паранька пошла на конюшню сельской управы. Пока дежурный полицей запрягал лошадей, Миша с удочкой в руках уж бежал к Куме. Через час был у тайника, где давно ждал Петя Базалеев.

- Ключуло! - сказал Пете и передал все, что велел Шура Скоков.

А через час по глухим проселкам Черноземельской степи к Улан-Тугу мчались три мотоциклиста в форме немецких солдат.

На центральной ферме совхоза «Улан-Туг» с того дня, как здесь появился пришлый батюшка, старики и старухи особенно усердствовали перед богом: протерли образа, сняли паутину, молились, вспоминали праздники святых. Пользуясь присутствием попа, крестили всех некрещеных. Маленькая фигурка отца Варфоломея, сгорбленная, опирающаяся на почерневший от скитаний посох, ветхие лохмотья, едва прикрывавшие высохшую грудь, на которой висело распятие Иисуса Христа, появлялась то в одной стороне поселка, то в другой.

Однажды в поздний утренний час в поселок влетело три мотоциклиста в немецкой форме. Остановились они в центре, пыльные и усталые. Отец Варфоломей сидел в хате деда Семена, где недавно крестил его внука Витьку, вел беседу о жизни святых. В комнату вбежал девятилетний «новорожденный» Витька и крикнул: - Немцы попа шукають!

Словно оборвалось что-то внутри у отца Варфоломея. Но виду не показал. У него думка одна - как бы уйти. Да поздно, некуда. Взяли его немцы. Народ на улицу высыпал. Староста к немцам подбежал, под защиту святого отца хотел взять. Но один из солдат на ломаном русском языке сказал:

- Нишего ваш поп не будем сделать, только немецкий нашьальник покажу.

И укатали, тучей пыль следом поднялась. Когда поселок скрылся за холмами, мотоциклисты остановились. Один солдат зубы скалит, улыбается. Глаза живые, веселые.

- Что ж, - говорит, - давай знакомиться, дед.

А старик молчит, будто не слышит: не на того, мол, парень, нарвался, никаких здесь знакомств быть не может.

Тогда солдат предложил закурить махорочки и подал кожаный кисет, на котором орел вытравлен.

- Спасибо, - говорит поп, - а сам свой такой же кисет достает.

- Чьи ж вы, ребята, будете?

- Александровы.

- Какое ж дело ко мне привело?

- Задание у нас уничтожить Параньку Петушкову, предательницу и шлюху немецкую, вот эту девицу, - показали фотографию.

- Видел такую. Помню, когда величаевского коменданта брали, - сказал старик.

- Вот и просим помочь. Нам сообщили, что она выехала в эти места. Как появится... Будем ее ждать в чабанской землянке по дороге на третье отделение.

Старик понимающе кивнул головой: - Передайте в отряд, - сказал он, снимая с груди распятие. Старик нажал на гвоздь, которым рука Иисуса Христа была прибита к кресту, распятие открылось, и из него он достал свернутую в трубочку бумагу, исписанную множеством чисел. - А теперь прощевайте, - старик, не оглядываясь, ходко пошел по дороге. Возвратился назад священник пешком через несколько часов, усталый и голодный, предавая анафеме всех иноземцев.

Около бывшего домика главбуха отец Варфоломей заметил пароконную подводку и группу людей, среди них стояла та самая девица, фотокарточку которой ему показывал партизан. Паранька громко доказывала свои права на пианино, уже стоявшее возле повозки. Кони с нетерпением били копытами, грызли удила, поводя ушами. Видно было - стоят давно:

- Слушай, красотка, видали мы таких хозяев... Сами с пианино без тебя управимся.

- У меня ордер, для величаевской школы везу, - отвечала Паранька.

- Плевали мы на ордер, не для школы везешь, для немцев.

- Сходи в нужник со своим ордером, - пошутил кто-то из толпы.

- Катись туда, откуда приехала.

Паранька вертелась как на ножах, стараясь найти поддержку у старосты. Вмешался священник.

- Побойтесь Бога! - примирительно сказал. - Богом дано, богом взято будет. Пусть берет. Бог рассудит вас. И там тоже ребятишки есть... - неопределенно добавил он.

Вмешательство отца Варфоломея произвело впечатление на собравшихся. Староста поддержал, и люди стали расходиться.

С помощью старосты и его жены Паранька, надрываясь, грузила пианино. Отец Варфоломей тоже помогал по мере своих старческих сил. Паранька дышала надрывисто, тяжело. Погрузив пианино, она прихватила несколько мягких кресел.

- Гарнир к музыке нужен, - довольная, сказала она.

Отец Варфоломей подумал: «До чего глупая и темная баба: гарнир с гарнитуром спутала», - громко попросил Параньку:

- До третьей фермы совхоза подбросишь?

- А чего не подвезти - кони, добрые. Места хватит, садись, батюшка. В раз домчимся.

Гнедые рванули, застучали колеса на железном ходу, задымила пыль. Загудели струны пианино. Паранька гнала лошадей, не замечая ничего вокруг, хотела засветло добраться до хутора Кочубей. Старик молчал. Да что он понимал, этот дряхлый святой старец? Его взор бесцельно, с горькой тоской блуждал по степи.

- Дочка, остановись, - тронул за рукав Параньку, когда подъехали к месту, где недалеко от дороги, в зарослях бурьяна стояла чабанская землянка.

- Чего тебе?

- Да мне по надобности.

Они остановились. Метрах в сорока виднелась старая землянка. Дед Андрей, держась за штаны, трусцой побежал к ней. Паранька соскочила с телеги, проверила сбрую, погладила черную полированную поверхность пианино. Гнедой косился, прижав уши, пытался куснуть за локоть. Обернувшись назад, увидела серо-зеленую форму немецких солдат, которые вели старика. Паранька была спокойна, не боялась встречи с немецкой солдатней.

- Кто такоф? Куда едешь? - Паранька колебалась. Потом, видя, что солдаты не намерены церемониться, достала из-за

пазухи бумагу и подала немцу. Он повертел в руках, передал товарищу и необычно резким голосом оказал на чисто русском языке:

- Гражданка Петушкова, решением партизанского военного суда вы арестованы.

Кони били копытами землю, один из них заржал.

- Мамочки... - Жалко пролепетала побледневшая Паранька.

Командир оперативной партизанской группы не любил ничего делать второпях. Это не был обычный суд, но строгая обстановка и торжественность правосудия сохранилась. Вместо специального здания пользовались уютной балочкой в стороне от дороги. Стола не было, но судьи восседали в мягких креслах.

Главным обвинителем был Петя Базалеев, который имел на руках подробное донесение Шуры Скокова о предательских делах Параньки и дополнительные данные от партизанской разведки из совхоза «Улан-Туг».

Допрос был тщательным. Установили, и под неопровержимыми уликами обвиняемая созналась, что она подвела под расстрел еврейские семьи и трех ленинградских юношей-беженцев, собирала сведения о партизанах, укрытых в степи отарах, все это передавала фашистским властям, наконец, систематически занималась грабежом квартир и домов советских людей, бежавших от гитлеровского нашествия. Отец Варфоломей тоже выступил как обвинитель и пообещал, что обвиняемая предательница обязательно попадет в ад.

Старый партизан Андрей Шапошников до конца скрывал свое истинное лицо. Всякое может быть. Конспирация требует большой тайны. Вдруг случай какой. О нем знали только командование партизанского отряда и те связные, которые направлялись к нему из партизанского штаба. Твердым голосом командир объявил приговор. В песчаной балке предательница была расстреляна. Вот так и бывает. Вопьется клещ в тело человека, не замечает человек до поры до времени, что он сосет кровь. А потом чувствует - беспокоит что-то, нащупает кровопийцу, вырвет с отвращением и под ноготь: хлоп - кроме дряни ничего от него не останется.

Иван Карпович через Петю передал Шуру Скокову: «Сегодня ночью переправляй к нам Лиду и Наташу. На острове Напханюка их будут ждать наши люди. Организуйте диверсию в честь 25-й годовщины Октября. Что слышно о Шейко? Надо установить, где скрывается, и уничтожить».

И снова Лариса побежала передавать по цепочке Кузьме, Мише, Васе, Лиде и Наташе, что в полночь в доме Ивана Алексеевича Прокопова состоится сбор подпольщиков. Лиде и Наташе подготовиться для перехода к партизанам.

Особенно трудно было выходить из дому Шуру. Он уже знал, что по ночам кто-то следит за ним, поэтому старался возможно реже выходить из дома. В полночь все были в сборе. Лида Карабутова и Наташа Калайтанова пришли с узелками, в которых была собрана кое-какая одежка. Шура сообщил указание Ивана Карповича. Миша Заворотынский немедленно ведет девочек на остров Напханюка к ожидающим их партизанам. Передать Дрогину: диверсию проведем, примем меры к уничтожению Шейко.

Когда Миша с девочками ушел, Шура рассказал Кузьме и Васе о задании, полученном от Дрогина.

- Завтра ночью надо сделать засаду возле моего дома, - предложил Скоков. - Наташа Антонова уже установила, что по ночам за домом кто-то следит. Возможно, Шейко. Если он - постараться схватить или уничтожить; если кто из полицаев - не трогать: пусть думают, что мы не догадываемся о слежке.

Договорились, что ликвидацию Шейко берут на себя Кузьма и Вася. Чтобы не поднимать шума, ребята вооружатся охотничьими ножами.

- Это дело привычное, - с удовольствием сказал Кузьма, сжимая пудовые кулаки. - Медвежатничек у меня добрый на этот случай имеется.

Кроме того, решили поручить девочкам - проследить за прохождением через село немецких автомашин. За последнее вре-

мя отмечалось большое движение автоцистерн в сторону Ногайской степи. Возможно, немцы где-то недалеко устроили временный полевой аэродром. Если в селе заночует колонна вражеских машин, попытаться сжечь их.

...Еще днем Кузьма и Вася хорошо осмотрели место, где придется поджидать ночного гостя, интересующегося скоковским домом. Через два дома от Скокова, на противоположной стороне, находились густые заросли кустарника. На них уже не было листьев, но густо переплетенные ветки и бодылья посохшей полыни представляли для ночного времени довольно хорошее укрытие.

- Место подходящее, - сказал Кузьма, показывая на кустарник. Вася согласно кивнул.

С вечера, когда стемнело, ребята забрались за облюбованный кустарник. Ночь выдалась темной, хотя полнолуние. Густые облака покрыли небо. Лишь изредка порывы ветра разрывали серую пелену, луна на минуту-другую освещала землю. Село спало. Только возле сельской управы бродил патруль полицаев.

Было поздно, когда Кузьма и Вася заметили человека, идущего вдоль камышового забора на противоположной стороне улицы. Это не полицаи. Одет в гражданское, оружия в руках нет. Человек немного не дошел до дома Скокова и остановился за стволом акации, как раз против того места, где сидели ребята; их разделяла только улица. Кузьма толкнул Васю: он! Но кто «он»? Шейко? Или переодетый полицаи? Затаив дыхание, ребята ждали. Человек долго стоял на одном месте, прислушиваясь к ночным шорохам. Затем подошел к дому Скокова, обошел, заглянул через забор и вернулся на прежнее место.

В это время луна выглянула из разрыва облаков. Ребята увидели длинное, худое лицо человека. Это был Шейко, которого Кузьма хорошо знал еще в ту пору, когда вместе работали на строительстве оборонительного рубежа. Кузьма напряженно думал, как незаметно подобраться к предателю.

Прошел, может быть, час, а Шейко стоял под акацией. Было далеко за полночь. Наконец, он снова направился к дому Скокова, прислушался и пошел вокруг дома. Как только Шейко скрылся за углом, Кузьма, схватив Васю за руку, шепнул: «Айда за мной». Они быстро отбежали на два дома дальше, в ту сторо-

ну, откуда впервые появился Шейко, пересекли улицу и упали в канаву.

- Когда будет идти домой, тут мы его и встретим, - зашептал Кузьма. Действительно, вскоре слышались осторожные шаги предателя. Как ночной волк, шел он осторожно, мягко, словно скрадывал добычу. Когда предатель проходил мимо того места, где в засаде сидели ребята, Кузьма и Вася вскочили и кинулись на него. Блеснул нож. Но в самое последнее мгновение, инстинктом зверя, Шейко, почувствовав опасность, отпрянул в сторону, и нож Кузьмы только скользнул по руке предателя.

Шейко быстро побежал в сторону сельской управы.

- Черт меня побрал, - выругался про себя Кузьма, - упустил гада!

Преследовать Шейко не было никакого смысла. Утром Шура знал о неудаче. Но узнал он и то, что за ним охотится самый коварный и опасный враг, предатель Шейко. Дело принимало сложный характер. В тот же день через Ларису, а затем Мишу Заворотынского Ивану Карповичу Дрогину пошло донесение: «Шейко в Величаевском, следит за моим домом. Попытка уничтожить его не удалась. Жду ваших указаний».

К удивлению Миши, он не застал на месте Петю Базалеева. Донесение Скокова оставил в тайнике. Шура и Миша не знали, что это донесение уже больше никогда не дойдет до Ивана Карповича Дрогина.

После известной операции партизан Кочубей-Величаевское-Урожайное немецкая комендатура подняла на ноги всю полицию. Из Святого Креста в Величаевское и на хутор Кочубей выехал крупный отряд полевой немецкой жандармерии. Командование партизан готовилось к новой крупной операции против местных фашистских гарнизонов.

В то раннее утро, когда Шура направил донесение Дрогину о Шейко, Иван Карпович с Петей Базалеевым выехали в разведку к хутору Кочубей. На выходе из камышей Дрогин и Петя оставили лошадей и долго наблюдали за хутором. Он, казалось, еще спал. На улице ни души. Пригибаясь среди подсолнечных и кукурузных бодыльев, пошли к крайней хате. В это время Петя увидел полицая, стоявшего у разрушенного сарая, полицай, видимо, уже заметил их. Петя потихоньку тронул рукав Дрогина

и глазами показал на полицая. Но он уже был не один: из сарая и дома выскакивали полицай и немецкие жандармы «Влопались», - мелькнуло у Дрогина, и он приказал Пете:

- Бежим к камышам. В случае чего - живым не сдаваться.

Разведчики добежали до конца огорода и прыгнули за разрушенную стену старой каменной изгороди. В это время звонко запела первая скрикошетившая пуля.

- Ползи, Петро, - сурово сказал Дрогин, прилаживаясь с автоматом за камнями.

- А как же вы? Я с вами...

- Ползи! Доложи: в хуторе карательный отряд. Ко мне на выручку поспешайте, - сказал твердо Иван Карпович. Неторопливо он отстегнул от пояса гранаты и положил рядом с собой.

- Иди, Петя... - повторил Иван Карпович.

Полицай и немцы перебегали от дерева к дереву. Но близко подходить боялись.

- Эй, кто там? Выходи! Все одно не уйдешь! - крикнул белобрысый полицай. Дрогин поднял автомат и дал короткую очередь. Полицай уткнулся в сухую землю. Сразу застрочили автоматы. Старую стену обжег раскаленный свинец.

Фашисты решили сразу сломить сопротивление партизан и кинулись к стене, ведя бешеный огонь. Рядом с Дрогиным заговорил автомат.

- Так ты здесь? Марш бегом! - зло крикнул Дрогин и коротким взмахом метнул гранату в подбегавших немцев. Затем глянул туда, где минуту назад был Петя. Его уже не было. «Хотя бы не заметили, хотя бы ушел», - подумал он.

Диски автомата быстро опустели. Остался пистолет и две гранаты. Вражеская пуля разорвала сапог, обожгла тело и ушла в степь. Правый сапог был в крови, но Дрогин не чувствовал боли. Еще выстрел, еще... Пистолет был пуст. Осталась одна граната. Иван Карпович оглянулся назад. Базалеев перебежками, отстреливаясь, бежал к камышам.

Дрогин уже не стрелял. Подбегавшие полицай кричали:

- Сдавайся!

И тогда Иван Карпович встал. С трудом поднял голову. Раздался выстрел. Дрогин покачнулся, но удержался на ногах. В глазах, суровых и ясных, горела беззаветная верность и любовь

к Родине. Она была сильнее смерти, хотя смерть стояла перед ним. Враги молчали. Их испугало это бесстрашие, прямой вызов. Он стоял, как живой среди мертвых.

- Берите меня, - хрипло сказал он.

Враги кинулись к Дрогину. В это время Петя услышал: «За Родину! За нашу победу!» - и взрыв гранаты.

Уже не видел Дрогин, как Петя, отстреливаясь, приближался к спасительным камышам. Замолк и его автомат, в запасном диске кончились патроны. Перестали стрелять и фашисты. Они поняли, что у партизана кончились патроны и теперь его можно взять живым.

Петя выхватил из ножен кинжал, тот самый кинжал, который когда-то прятали вместе с Шурой в тайнике и в душе считали личной принадлежностью Вани Кочубея. Петя поцеловал кинжал и приготовился к рукопашной схватке. «Нет, живым меня не возьмете». Рядом, совсем близко спасительный камыш. Но почему они не стреляют? Фашисты, как волчья стая, хищно преследовали жертву. Но впереди не ягненок, а боец, они боялись сразу схватить его. Они гнали в ловушку, в засаду. Вот и камыши. Но не уйти тебе, Петя, перехитрил тебя коварный враг.

Из камыша напали сразу двое. Одного уложил ударом кинжала, другой сбил его с ног. Затем навалилась целая толпа врагов. Били ногами. Связали. Поволокли окровавленного в хутор.

Со связанными за спиной руками, с веревкой на шее привязали к бедарке и погнали в Величаевское.

- Но, милый, - хлестнул кнутом Петю уколобый полицай.

- Жаль, не встретил тебя раньше, - с ненавистью оказал юный партизан.

- Ну, ну, не выбрыкивай. Теперь, парень, молчи да дыши - здесь тебе не камыши.

Семь километров бежал Петя за лошадью. На ночь его, избитого и полуголого, заперли в холодный подвал.

Всю ночь Петя не спал. Вспоминал боевых друзей; живой Дрогин стоял перед ним. «Не робей, Петька, выше голову - ведь ты боевой разведчик», - твердил он про себя.

Почерневшего от побоев, полуголого фашисты водили юношу днем по селу.

- Кто твои друзья? Где они живут?

Но он даже никуда не смотрел. Он знал: его друзья здесь, они отомстят за него. Только проходя мимо родного дома, Петя поднял голову. В глазах светилась горячая любовь к матери, губы шептали святое слово «мама».

У забора как безумная стояла седоволосая женщина, стояла дорогая мама, которая вспоила его своим молоком, вырастила и дала в руки оружие. Ее серые глаза были полны слез. Мать бросилась к нему:

- Сыночек, родной мой...

Холодные штыки солдат встали перед матерью, приклад немецкой винтовки грубо отбросил ее назад.

В последний раз видели величаевцы юного земляка. Изверги не дали матери подойти к сыну. Она долго бродила по селу, будто искала что-то, смотрела безумными глазами вдоль дороги, туда, куда угнали сына.

Петю Базалеева увели в Мусса-Аджи, затем погнали в Арзгир. Босой шел по замерзшей земле молодой партизан.

Темный чуб семнадцатилетнего юноши побелел. И все время, всюду, куда приводили, враги допытывались:

- Ты скажешь, к кому шли навстречу?

Молчание.

- Кто твои помощники?

Молчание.

- Где скрываются партизаны?

Молчание. Ни физические, ни моральные пытки не сломили юношу. Морозным ветреным днем фашисты вывели Петю на окраину Арзгира и заставили рыть себе могилу. Затем связали по рукам и ногам и бросили в яму.

- Ты будешь отвечать? - спросил подошедший к яме офицер.

Но Петя молчал. Его почти засыпали землей, лишь одно лицо строгими глазами смотрело в небо, где высоко-высоко парил орел.

- Если ты расскажешь, где находятся партизаны, мы даруем тебе жизнь, - снова сказал офицер.

Петя не сказал ни слова.

По знаку офицера фашисты торопливо стали забрасывать яму. Земля в ней шевелилась. Гитлеровцы остервенело топтали

землю ногами. Сверху могилу привалили камнями.

Так оборвалась коротенькая жизнь величаевского паренька, чабанского подпаса, комсомольца, отважного юного партизана Пети Базалеева.

...Гибель Ивана Карповича и Пети глубоко опечалила величаевских подпольщиков. Одновременно из Урожайного пришло еще одно печальное известие: погибла Тая Барко.

- За смерть наших товарищей должны отомстить, - говорил Шура Скоков своим друзьям, собравшимся в доме Прокопова. - Последнее задание Ивана Карповича - провести диверсию - еще не выполнили.

Наташа Антонова сообщила:

- Сегодня в селе ночует колонна автоцистерн. Мы с девочками видели: они стоят за школой. Их охраняет только один часовой, а остальные немцы спят в школе.

- Как раз что надо! - сказал Кузьма. - Такой факел запалим в честь Ивана Карповича и Пети, что фашистам жарко станет.

- А как быть с часовым? - спросила Наташа.

- На этот раз не промахнусь, - сурово пробасил Кузьма, показав на висевший под ватником охотничий нож.

Решили действовать немедленно. Наташа, которая знает, где стоят машины, поведет диверсионную группу - Скокова, Напханюка и Обмачевского. Мише Заворотынскому поручили идти в камыши к тайнику, чтобы восстановить потерянную связь с партизанским отрядом после гибели Дрогина и Пети.

...Было уже далеко за полночь, когда подпольщики оставили дом Ивана Алексеевича. Миша сразу же скрылся в камышах, а остальные стали пробираться к школе.

Как часто бывает на Ставрополье глубокой осенью и в начале зимы, морозы сменились сильной оттепелью, пошли дожди. Ребята шли по раскисшей почве огородов. Моросил мелкий, но сильный дождь.

- Погодка самая подходящая, - шепнул Кузьма, - часовый должен быть теперь в кабине машины, мокнуть под дождем он не станет.

Юные диверсанты неслышно подкрались к стоявшим за школой машинам. Густая темень хорошо помогала им. Но в темноте не видно было и немецкого часового. Надо было ждать смены караула.

Ребята лежали на мокрой земле. Дождь сильнее и сильнее. За воротники стеганок текла холодная вода. Зубы невольно выбивали дробь. Лишь через час, а может быть и больше, послышались шаги со стороны школы - шла смена часовому. По едва различимым теням и приглушенным голосам ребята заметили, где находился часовой: как и полагал Кузьма, он сидел в кабине одной из машин. Дождь лил уже не на шутку. Начальник караула поспешно сменил часового и быстро скрылся в направлении школы. Через пару минут послышался хлопок закрываемой двери, и стало совсем тихо, только дождь шумел, ударяясь по крышам кабин автомобилей.

Как заранее условились юные диверсанты, после смены часовых надо было сделать длительную выдержку, чтобы у нового часового под монотонный дождь притупилось чувство остроты. Лежать долго под дождем было пыткой. Но ребята и Наташа терпеливо переносили физические лишения. Ненавистью, жадой справедливой мести за гибель товарищей горели их сердца.

Наконец Шура толкнул Кузьму: ползи! Как искусный охотник, привыкший бесшумно скрадывать зверя, Напханюк пополз к машине, где в кабине с открытой дверцей сидел фашистский часовой. Было просто удивительно, сколько ловкости и сноровки было у огромного Кузьмы. Его крупное тело сливалось с землей, медленно и уверенно продвигалось вперед. Сколько ни прислушивались ребята, они не услышали ни малейшего шума.

Вот и кабина машины, где сидит немец. Кузьма быстро вскочил с земли, сильно ударил часового, навалился на него всем своим крупным корпусом. Еще один удар - немец затих. Забрав у убитого автомат, отстегнув от пояса сумку с гранатами, Кузьма быстро возвратился к ожидавшим его ребятам.

- Готово, - сказал он, - пошли.

Вооруженные ломиками, Шура, Вася и Кузьма пошли по машинам. Шура, хорошо знавший автомобили, прежде всего, открыл выпускные краники в баках с горючим, лужи бензина образовались у машин. Искусно орудовал ломиком Кузьма, открывая вентили автоцистерн, Наташа стояла у школы и внимательно следила за находившимися в ней немецкими солдатами: не выйдет ли кто?

Кругом разливались огромные лужи бензина. К Наташе подошли Шура и Вася: «Пошли, факел зажжет Кузьма».

Они были уже далеко от школы, когда раздался взрыв и над селом поднялся огромный столб пламени. Послышались автоматные очереди. Вскоре подошел Кузьма. Четверо отважных диверсантов, обнявшись, смотрели на факел мести.

- За Ивана Карповича Дрогина! - сказал Шура.

- За Петю Базалеева! - добавил Кузьма.

- За Таю Барко! - сказала Наташа.

Когда расставались, Шура предупредил всех:

- Одежду сжечь или спрятать так, чтобы и сам не нашел.

Бензин и мокрая одежда могут выдать.

Глава седьмая

ПРОДОЛЖЕНИЕ «ОВОДА»

Начальник фашистского разведывательного органа майор Шульц волосы на себе рвал, когда узнал об уничтожении колонны с горючим. К тому же Глазун сообщил, что исчезли Калайтанова и Карабутова. Теперь он все больше подозревал, что Александр Скоков имел связь с ними.

Но сопоставление крупных успехов партизанских отрядов наводило на мысль, что в районе действует крупная организация под руководством опытного человека. Откуда газеты и листовки? Кто портит связь? Кто рассыпает по дорогам «ежи»? Откуда у партизан такие точные сведения о карательных отрядах, о передвижении техники и войск? Мальчишка - руководитель? Невероятно!

Даже Шейко не мог выяснить, с кем встречается Скоков. Величаевский начальник полиции Глазун назвал Напханюка и Заворотынского, но обвинил их только в том, что они его избили за то, что приставил к какой-то девке.

В штабе группы гитлеровских войск были недовольны работой органа, которым руководил майор Шульц. Его не раз отчитывал генерал и даже грозил разжаловать, направить на фронт. Создавшееся положение нужно было выправить любой ценой. Весь разведывательный орган во главе с майором

прибыл в Величаевское. Его сопровождал крупный отряд карателей. Майор Шульц решил: арестовать подозрительных и путем допросов «с пристрастием» выбить необходимые показания, выселить все семьи партизан, направить на работу в Германию всех юношей и девушек.

Глазун, Деркач и Волков, как хищники, метались по селу, жадно вглядываясь в хаты семей партизан. Ждали сигнала, чтобы броситься на беззащитных женщин и детей.

Наступила ночь.

Сильный ветер бросал в лицо хлопья снега, кружил в переулках, свистел в камышовых заборах. Немецкий карательный отряд растекался по селу. Солдаты двигались осторожно, ощупывая перед собой дорогу, закрываясь воротниками от метели.

У дома, где жили Скоковы, группа солдат остановилась. Старший группы припал головой к щели в ставнях. Если бы Шура мог видеть его, непременно бы узнал скуластую, лошадиную голову. Провокатор и предатель Шейко доводил свое черное дело до конца. Его скрюченные пальцы судорожно подергивались.

Сорвали дверь с крючка, ворвались в дом с криком:

- Руки вверх!

И оторопели, не увидев сопротивления.

Шура стоял, застегивая пуговицу воротника. Татьяна Алексеевна побледнела, схватилась за сердце.

Начался обыск. Перерыли все, но ничего не могли найти. И вдруг Глазун воскликнул: - Вот он - смотрите! - В руках у него был пистолет.

- Откуда? - спросил Шуру. Затем с укором посмотрел на его мать.

- Одно несчастье иметь такого сына. Молодой, а уже пистолетиком обзавелся. Пропавший человек. Правда, если назовет, кто научил помогать партизанам, ему сохраним жизнь.

В комнате стало тихо.

- Несчастье? - переспрашивает мать, голос дрожит. Ее добрые глаза останавливаются на сыне. На ресницах блестят слезы. «Для вас, фашистов, он несчастье, а для меня счастье, радость», - думает она.

- Взять его!

Также внезапно был схвачен Кузьма Напханюк. В доме слабо мерцала прикрученная лампочка. Кузьма недавно пришел домой. Вечером наблюдал за прибывшими фашистами и обдумывал план взрыва машин. Кузьма стелил постель, когда затарабанили в дом. Легкой, настороженной поступью скользнул к двери, нерусская речь выдала врага. Во что бы то ни стало нужно уйти. На лице не дрогнул ни один мускул. Кузьма надел стеганку, взял в руки медвежатник и уверенно открыл дверь.

- Выходи! - закричал Глазун.

Впереди у открытой двери стояло несколько человек.

Не рассчитал Кузьма, не все хитрости ночных арестов знал юный подпольщик. Лишь шагнул с порога, сзади схватили за руки, в снег упал нож.

Глазун засмеялся, когда Кузьме веревкой скрутили руки.

- Теперь, дружок, рассчитаемся. Научу тебя, как морду бить.

В эту ночь фашисты сгоняли в колхозный амбар величаевскую молодежь. Среди арестованных были и старики, даже бабушку Чернышиху схватил почему-то Глазун. Гнали прикладами, молодым ребятам вязали руки. По селу шли повальные аресты и обыски. Майор Шульц ощупью, вслепую наносил удар величаевскому подполью.

Арестованных было очень много, человек семьдесят. Среди них Шура видел сестер Машу и Шуру Фелициных, Васю Обмачевского, Кузьму Напханюка.

После ареста Шура прежде всего сильно беспокоился за товарищей и за судьбу организации в целом. Наедине со своими мыслями он анализировал происходящее в селе и пытался найти ту нить, ухватившись за которую можно было распутать клубок последних событий, этих массовых арестов. Фашисты хватали, казалось, всех без разбора и бросали в застенок. Но если хорошо присмотреться, арестованы были в первую очередь семьи коммунистов, партизан и молодежь.

Заключенные были под постоянным наблюдением. У окошка стоял полицейский и внимательно следил за арестованными. Зачем это нужно врагу? Шура огляделся. Односельчане, одетые кто во что успел, копошились на полу, шептались друг другу слова утешения. В амбар часто заходили полицейские,

прислушиваясь к разговорам, присматриваясь, кто с кем сидит и шепчется.

Проверяя свои предположения, Шура нашел в кармане сушеную грушу, подошел к бабушке Чернышихе и быстро сунул грушу ее внуку. Зашедший в это время в амбар полицейский Волков мгновенно подскочил к ним и вырвал из рук ребенка то, что передал ему Шура. Мальчик испуганно прижался к бабушке, которая стала укорять полицейского:

- Да ты, вражий сын, сухой дули не видал сроду? Той тебе мало, так вот тебе еще, - и она окрутила под нос Волкову кукиш.

Зло ругаясь, полицейский отошел от бабушки.

Шура понял причину поспешности полицейского. Повальными арестами враги хотят развеять подозрения подпольщиков, чтобы легче установить слежку за ним и вероятными его помощниками-комсомольцами, установить состав боевой группы и ликвидировать ее. Шура твердо решил, как и учил его Дрогин: на случай провала - никого не знаю; все, что делал, если будут какие-либо улики против него, делал один. Но на всякий случай составил себе представление о том, в чем его могут обвинить. В распространении листовок? Это мог показать Шейко. В хранении оружия, пистолета, что было запрещено под страхом смертной казни? Но все это можно отрицать. В конце концов, можно обличить предателя в провокации, причем такой неумелой и грубой.

Мало-помалу в голове рождался план личной защиты, а главное - защиты от провала организации. Он знал, что рискует своей жизнью, но решил выдержать суровый экзамен. Возможно, кто-нибудь из его друзей подойдет к нему, затеет разговор, чем может выдать себя. Этого Шура боялся больше всего. Находясь в общей массе арестованных, он не должен проявлять большего интереса к тем, с кем был связан по подпольной работе. Он будет ровно держаться со всеми, чтобы не вызвать лишних подозрений, не дать врагам ухватиться за ниточку связей подпольщиков.

Шура задумался. Что еще можно сделать полезного в его положении? Самое важное - раскрыть членам организации, которые, пожалуй, случайно были арестованы, коварные пла-

ны врага. Кто же остался на поле? Рассматривая еще раз более внимательно сидящих в амбаре односельчан, Шура заметил, что среди них нет Миши Заворотынского, Кати Обмачевской, Наташи и Ани Антоновых. Кто же еще? Лариса! Конечно, она вне подозрений. Шура обрадовался: организация еще живет! У Миши есть нити связи с партизанами. Смелый Миша будет действовать. Фашисты еще узнают, что может сделать комсомольская организация. Он встряхнул головой. Главное - не падать духом. Чтобы быть еще полезным, нужно установить связь с Мишей. И он снова вспомнил о Ларисе, своей верной помощнице-связной. Через нее!

Как только появились четкие мысли о том, что он должен и может сделать, находясь в фашистском застенке, Шура почувствовал прилив энергии. Одна только надежда, что не все еще потеряно, что еще можно и нужно бороться, родилась уверенность в своих силах. И он знал, что будет бороться до тех пор, пока бьется его сердце, пока есть руки и ноги, глаза и уши, пока жива хоть одна клеточка его тела.

Первый допрос прошел совсем не так, как ожидал Шура. Его вызвал к себе Васька Глазун. Жирное лицо полиция было красным от водки. Он торопливо начал допрос, и Шура сразу понял, куда он клонит.

- Это ужасное, ужасное дело! - начал Глазун, - у тебя нашли пистолет... Но я догадался - это тебе его Кузьма всунул или Васька Обмачевский. Ведь, правда? Да? Не стесняйся, говори, - он воровато оглянулся. - Рассказывай правду, ведь они тебе оружие дали? Сволочи! Знаю я их...

Шура молча смотрел на Глазуна, думал: «Видать, здорово они тебе харю намылили». Шура с облегчением вздохнул: ничего пока они не знают о его друзьях, им мстит только Глазун за потасовку, которую те устроили полицаю на берегу Кумы.

Глазун положил перед Шурой листок заранее состряпанного протокола. В нем было написано, что Скоков подтверждает, что Кузьма Напханюк и Вася Обмачевский имели оружие, взятое ими у убитых немецких солдат после подрыва автомашин. Один пистолет они передали Скокову.

- Подпиши. - Глазун уставился на Шуру, пальцы беспокойно бегали по листку протокола, ноздри со свистом втягивали

воздух. - Пиши скорей. Это облегчит твое дело. На волю сразу выпущу, - врал изменник.

Шура взял листок, спокойно порвал его и сказал:

- Это все неправда. Зачем же я подписывать буду? Чего не знаю - того не знаю. Не взыщите, господин полицай.

Глазун прошипел угрожающе, злобно:

- Своими руками прикончу, сволочи! И тебя, и Кузьму, и Ваську... Твою семью изведу, запомни! Я тебе поупрямлюсь, сучий сын!

И так раскричался, что сбежались бывшие неподалеку полицаи. Плохо пришлось бы Шуре, если бы не строгое распоряжение майора Шульца - не трогать Скокова. Майор сам лично хотел допросить этого комсомольца, надеясь убедить юношу рассказать о своих делах и покаяться.

К обеду Глазун разрешил родственникам передать арестованным кое-какую одежду и пищу.

Лариса принесла Шуре стеганку, шерстяные носки, хлеб, вареную картошку и кусочек сала. Волков схватил передачу и стал тщательно проверять. Сердце Шуры замерло: вдруг сестренка по неопытности сунула в носки или пищу записку. Он прижался к стене плечом, чтобы не выдать своего волнения. Волков ничего не обнаружил, отдал передачу Скокову и пошел дальше. Шура успел шепнуть Ларисе:

- Передай Мише, чтобы продолжал работу. Будьте осторожны, - заметив, что Глазун направляется к ним, он прижал к груди Ларискину голову и громко заговорил: - Ну, перестань, не плачь! Ничего страшного не будет, - и улыбнулся, заглядывая в ее глаза, полные слез.

- Маму поцелуй от меня, - и он подтолкнул легонько к выходу, - иди к ней.

Шура посмотрел ей вслед. «Сестренка, милая сестренка! Ведь она даже не подозревает пока, что угрожает ее брату».

Лариса выполнила поручение Шуры: нашла Мишу и передала ему последнее приказание руководителя подполья.

...Перед вечером к Татьяне Алексеевне Скоковой пришел майор Шульц с адъютантом. Их сопровождали полицаи, которых майор оставил у дома.

Аккуратно выбритый, белолицый и светловолосый, майор

извинился за причиненное беспокойство и через адъютанта, хорошо знавшего русский язык, вежливо обратился к Татьяне Алексеевне:

- Командование искренне сожалеет, что арестовали вашего сына. Я имею специальное задание расследовать это дело и наказать виновных. О вашем сыне дают самые лучшие отзывы жители села и района. Безусловно, местная полиция напутала и напрасно причинила страдания вашему семейству. Но без вас я ничем не смогу помочь сыну. Мне нужно кое-что уточнить...

Татьяна Алексеевна прошла большой жизненный путь и сразу поняла, к чему клонит хитрая белокурая лисица. Она не отказывалась отвечать - тем более что майор не применял никаких мер насилия.

Да, у нее хороший сын, которого знает весь район. Арестован неизвестно почему. Облегчить его судьбу? Майор, очевидно, помнит свою мать и знает, как дорог для матери сын. Ведь Татьяна Алексеевна, как мать, знает своего Шуру лучше всех.

Немецкий майор сказал, что мать может помочь освободить сына, если откровенно расскажет о нем. Может быть, он совершил какие проступки против нового порядка, установленного фюрером в России, но чистосердечное признание поможет освобождению молодого человека.

Татьяна Алексеевна смотрела в пустые безразличные глаза майора и видела в них не гуманного человека, а палача. Горькие слезы катились по ее почерневшему лицу, красивые глаза в обрамлении легких морщинок потускнели от горя, но в них по-прежнему горела материнская любовь, которую не способна победить ни одна сила на свете. Она снова и снова повторяла, что ее Шура очень хороший сын.

В конце концов, фашист понял, что допытываться далее нет смысла. Женщина либо скрывает все, что знает о сыне, либо ничего не знает о антифашистской деятельности. Прощаясь, назидательным тоном посоветовал обо всем хорошо подумать, чтобы впоследствии не считать себя виновной в гибели сына. Лучше откровенно рассказать господину майору обо всем, что известно матери.

После беседы с матерью майор вызвал Шуру. Он увидел серьезного молодого человека, стройного и высокого.

Майор сочувственно чмокнул губами и пригласил садиться. Затем он сказал:

- Дела ваши идут неплохо. Если ко всему откровенно признаете свои ошибки, которые сделали по научению коммунистов, расскажете, кто помогал, отпустим вас. Если захотите, предоставим прекрасную работу в наших органах власти. Вы очень способный и талантливый организатор.

Шура удивленно поднял брови.

- К тому же ваши мама и сестра рассказали, что вы держали связь с партизанами не по своей вине, вас вынуждали к этому коммунисты под страхом смерти.

Шура нахмурился и по-прежнему хранил молчание.

- Что же вы молчите? Или это неправда?

- Да, это неправда.

- А мамаша утверждает, что вы писали листовки... Например, вот эту. Ведь вы не будете отрицать? - И майор с улыбкой показал Шуре тетрадный листочек, написанный цветным карандашом, его почерком.

«Это Шейко», - мелькнуло в голове.

- Это, действительно, писал я.

- Почему?

- Боялся.

- Кого боялись?

- Партизана, который предложил мне писать листовку.

- Он что, кусался?

- У него было оружие.

- Кто этот партизан?

Шура молча вертел в руках листовку, потом пристально посмотрел на майора.

- Это был Шейко. Василий Шейко.

Пот выступил у майора на лбу. Он схватил сигару и закурил. Шура понял, что попал в самую точку.

- Хорошо. Это мне ясно, - выдавил из себя фашист, внутренне негодуя на своего неуклюжего агента. - Теперь скажите, кто вам помогал?

Шура отрицательно покачал головой:

- Никто!

- Прекрасно! Прекрасно, мой милый юноша! Вы все делали один, и у вас не было помощников? А скажите, куда исчезли из села Лида Карабутова и Наташа Калайтанова?

- Ах, вы этого тоже не знаете? Но вы с ними учились вместе. Так-таки не знаете? Хорошо, - саркастически улыбнулся Шульц, - я могу ошибаться. Только напрасно скрываете, молодой человек. Карабутова арестована и сейчас в Левокумском. Она призналась, что шла к вам на явку. Но эта встреча не состоялась. А еще, - тут он вперил свой взгляд в Шурины глаза, - она сказала, что вы являетесь руководителем подполья.

- Я не знаю никакого подполья, - ответил Шура.

Майор внимательно посмотрел на Скокова и сказал:

- Возможно, вы подозреваете, что лгу, но могу устроить очную ставку с Карабутовой. А пока надеюсь, что благоразумие возьмет верх, и вы подробно изложите вот на этой бумаге все, что считаете необходимым. Это облегчит вашу участь.

Майор вышел. Вместо него вошел солдат и сел у двери, уставив дуло автомата в сторону арестованного. Шура посмотрел в окно. На веточке беззаботно чирикал воробей. Важно ходили по снегу вороны. Скоков подумал: «Да, майор или знает много, или высказывает свои предположения, которые составил по высказываниям Шейко и полицейев. А вдруг действительно Лида попалась? Но этого не может быть, ее не могли послать к нему, ведь Зайцев знает тайник». В глубоком и долгом раздумье о судьбе организации Шура сделал вывод: нужно выдавать себя за борца-одиночку.

Через несколько часов майор снова пришел. На столе по-прежнему лежали чистые листы бумаги. Юноша отрицал принадлежность к какой бы то ни было организации. Только с гордостью он подтвердил:

- Да, я - комсомолец!

...Шуру, Кузьму и Васю перевели в подвал, холодный и сырой.

Каждый день, заканчивая допрос и пытки, фашисты обещали Шуру наутро повесить. Майор Шульц, который вначале был таким сдержанным и вежливым, оказался изощренным палачом. На теле юноши уже не было живого места.

Шура лежал на полу и метался в горячечном бреде. Ловил полукрытым ртом воздух. Приподнявшись на локтях, просил тихим, хриплым голосом:

- Пить... Пить...

Кузьма и Вася были с ним вместе. Они старались хоть как-нибудь помочь своему другу, но у них ничего не было.

Кузьма бережно прикрывал окровавленными лохмотьями одежды тело Шуры. Скоков закашлял и открыл глаза. Горячими руками он обнял Кузьму и Васю, зашептал: - Мальчики! Сил нету встать на ноги. Подымите меня.

Он долго стоял у решетчатого оконца подвала, поддерживаемый друзьями, и смотрел в голубые сумерки зимней лунной ночи. Потом снова зашептал:

- Я совсем было забыл. Кому-нибудь передайте на волю, лучше Лариске... У нас дома, на печке, мыло хозяйственное лежит. Перед арестом я один кусок пополам разрезал и заложил в него комсомольский билет, а половинки затем вместе сложил и обмылил. В райком комсомола пусть передадут...

Жадно глотая воздух, Шура покачнулся. В ушах зазвенело, все закачалось, поплыло перед глазами, острая боль наполнила голову. Он упал, долго лежал в забытии. Кузьма и Вася старались согреть его своими телами. Снова вернулось сознание. Тихо, словно для себя, но Кузьма и Вася хорошо слышали слова, Шура сказал:

- Если завтра поведут на расстрел, встретим его мужественно. Крепко держитесь. Спать...

Ребята затихли. Сон не шел к Шуре. Он вспоминал. Сегодня Глазуну он сказал: «Теперь твоя песенка спета, завтра расстреляют».

Это было, пожалуй, правда, так как последняя группа арестованных рассказывала, что фрицы торопятся, частенько через село проходят войска. На запад все больше тянутся обозы с ранеными и награбленным добром, фашисты гонят отары овец, стада коров.

«Завтра придется встретиться со смертью, - думал Шура. - Что-то о смерти, кажется, говорил Фурманов. Да, он говорил: если умирать, то умирать хорошо. Если быть концу, надо взять его таким, как лучше нельзя. Погибая под кулаками и прикла-

дами, погибать агитационно! Так умри, чтобы и от смерти твоей была польза. Умереть по-собачьи, с визгом, с трепетом и мольбами - вредно. Умирай хорошо. Наберись сил, все выверни из нутра своего, все мобилизуй у себя - и в мозгах, и в сердце, не жалея, что много растратишь энергии - это ведь твоя последняя мобилизация! Да, умри хорошо! Зачем умирать вообще? Но если придется умереть в борьбе с врагами, то нужно умереть с высоко поднятой головой, с презрением во взгляде к ним, с непоколебимой верой в победу своего святого дела... Пусть враги убедятся в своем неизбежном поражении...

Могу ли я поступить иначе? А как бы поступили мои друзья - мальчишки и девчонки, с которыми я бегал в плавни и искал в балках и глубоких ярах следы героических боев Вани Кочубея и камышанцев? Они бы сделали то же самое, как тысячи советских юношей и девушек. Ведь подвиги не случайны. Они подготовлены всей жизнью людей. С молоком матери, в дружной семье родного дома, в школе, колхозе, в комсомоле - везде капля по капле складывалось сознание своего долга перед Родиной. Иван Карпович Дрогин, Петя Базалеев, Тая Барко - простые хорошие товарищи, а ушли из жизни как герои. Все хорошее, может быть простое и незаметное с первого взгляда, собралось в последний путь и сказало: «У тебя есть силы, и сейчас ты можешь помочь Родине, над которой разразилась буря...».

Ради чего они шли на смерть? Геройство проявить? Показать себя? Нет! И Кузьма, и Наташа, и Вася, и Миша - все боевые друзья поступили бы точно так... Ведь недаром говорят в народе: «Черепица, которая охраняет от дождя, была сделана в хорошую погоду». И с детства нас ведь не учили искать путей, протоптанных и легких. Если дорога верна - по ней нужно идти до конца.

...Шумят высокие вербы, гудят на ветру провода, по которым когда-то, в славные мирные годы, электрический ток проходил в дома колхозников и зажигал лампочки Ильича. Теперь мертвы эти провода, не несут они людям свет жизни, а только гудят и гудят свою унылую песню под напором студеного зимнего ветра.

Хмурым утром вывели Шуру Скокова из подвала. Впереди

идет Васька Глазун в мундире и черной пилотке. За ним Скоков. Руки веревкой скручены за спиной. Сквозь порванную рубашку выступает почерневшая от крови грудь. Шура смотрит в небо, щурит отвыкшие от дневного света глаза, глубоко вдыхает чистый, свежий воздух. За ним полукругом идет отделение немецких жандармов. Остановились в заснеженном саду.

Затем под охраной полицаев вывели и поставили напротив Скокова его боевых друзей - Кузьму Напханюка и Васю Обмачевского, тоже избитых и окровавленных. Шура посмотрел на товарищей. Его взгляд говорил: «Будьте твердыми и стойкими, только сильные духом побеждают смерть».

Подошел майор Шульц и с ним немецкий врач-офицер.

- Последний раз спрашиваю, - сказал Шульц. - Кто были твоими помощниками? - Он заглянул в лицо Скокову снизу. - Они? - Он ткнул пальцем в сторону Напханюка и Обмачевского. - Признайся, и мы подарим тебе жизнь.

Скоков был бледен. Он отрицательно покачал головой.

- Я был один.

- Расстрелять! - крикнул фашист и отбежал в сторону. Шура глубоко вздохнул и шире расправил плечи. Грянул залп. К упавшему юноше подбежали офицеры. Медик достал шприц, быстро сделал укол. Шура медленно открыл мутные глаза. Он силился что-то вспомнить, пытался встать. Офицеры подняли его, и Шульц снова спросил:

- Кто тебе помогал? Они? Скажи и будешь жить! Понимаешь? Жить! Жить! - прямо в лицо кричал ему фашист.

Скоков едва стоял на ногах. Белый снег под ним окрасился кровью. Перебитая пулей правая рука повисла плетью. Но у него еще хватило сил твердо сказать: - Я мстил вам, фашистские гады!

Кузьма и Вася оцепенели от этой жуткой картины. Их сердца сжались до боли, лица словно выбелены посеревшей старейшей известью.

- Расстрелять! - снова взревел палач.

Когда солдаты вскинули винтовки, фашист жестом остановил их: - Кто твои друзья?

- Я один...

Недружно раздалась выстрелы. Земля опрокинулась, пошла

кругом. Черный мрак закрыл небо. Шульц и врач подошли к телу юноши. Он лежал, широко раскинув руки, лицом в снег.

Врач взял руку Скокова: - Готов?

- Живой...

- Укол, быстро!

Третий раз палачи воскресили жертву. Облили водой, опять требовали указать на своих товарищей. Напханюк и Обмачевский стояли, крепко прижавшись друг к другу. Скоков молчал. Из последних сил он попытался встать, но из горла хлынула кровь, и юноша упал в бурый от крови снег. Врач подошел к нему, снова проверил пульс и, насвистывая, пошел прочь. К мертвому Скокову подбежал Васька Глазун и дважды выстрелил в него.

Полицейские приказали Напханюку и Обмачевскому зарыть труп. В глубоком молчании подошли они к телу боевого друга. На снегу, холодный и немой, лежал их Шурка, лежал безмолвный, суровый... И не верилось, что прекратилось бие-ние этого смелого сердца. Помрачнел никогда не унывающий Кузьма. Он осторожно поднял тело друга и, шатаясь, как в бреду, понес Шуру под ближайшее дерево. Полицейская охрана молча сопровождала эту похоронную процессию.

Здесь, в старом саду, Кузьма и Вася исполнили последний долг перед своим другом. Выкопали могилу и бережно положили в нее уже остывшее тело. Не гремели залпы последнего салюта в честь героя, молчало село.

...На другой день в комендатуру привели более тридцати арестованных юношей и девушек. Их загнали в подвал, где провел свою последнюю ночь Шура Скоков. Навстречу с пола поднялись Кузьма Напханюк и Вася Обмачевский. Юноши рассказали о смерти Шуры. В глубокой тишине слышались рыдания. На коленях Наташи и Ани Антоновых плакала Лариска, сестра и верный помощник отважного руководителя величаевской молодежи. Кузьма и Вася знали, что их судьба предрешена. Когда объявили список тех, кого выселяли в Германию, в списках их имен не было.

- Прощайте, друзья! Прощайте, подруги!

Кузьма шел на расстрел твердым шагом, смело поднимая голову. За ним Вася. «В том же саду, у той же по-зимнему мерт-

вой яблони...» - подумал Кузьма.

Дорогу лениво перебегал огромный пес.

- Полкан! - Крикнул Кузьма.

- Молчать! - Завизжал Волков.

Собака остановилась и завиляла хвостом.

- Узнал, - тихо сказал Кузьма Васе.

Ствол дерева расщеплен в нескольких местах ударами пуль. Когда они встали под деревом, к Кузьме подбежал Полкан, попытался лизнуть хозяина в лицо, но едва дотянулся до пояса.

Кузьма смело смотрел врагам в лицо. Лохмотья порванной рубашки висели на его теле. Вася подошел к яблоне, посмотрел на рваные раны на стволе и зябко вздрогнул, стал плотнее к другу. Кузьма обнял его своей сильной рукой. Почувствовав поддержку друга, Вася гордо поднял голову. Грянул нестройный залп, и, как молодые подрубленные дубки, упали юноши.

Глава восьмая

ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИВЕТ И БОРЕТСЯ

На встречу с Андреем Ивановичем Зайцевым Миша Заворотынский пробирался темной ночью. Он шел, вслушиваясь в шорохи камыша и свист зимнего ветра. Отсиживался в тени, когда сквозь разрывы туч луна освещала землю голубоватым светом. Кругом пустынно и безлюдно. Каждую минуту юноша был готов к неожиданной встрече с врагом, кругом села бродили дозоры жандармов и полицаев. Иногда под ногами проваливался лед, и Миша вздрагивал от его треска, который в тишине, казалось, был громче пистолетного выстрела. Он аккуратно вытягивал мокрый сапог из грязи и осторожно проходил по опасному месту, чтобы не ввалиться в глубокую жижу предательской трясины.

Но напрасно в эту ночь Миша ожидал Андрея Ивановича. У тайника никто не появлялся. К рассвету он вернулся домой, если, конечно, старый заброшенный курятник с охапкой соломы во дворе Коли Михайлюка, где он поселился, можно считать

домом. В голове тревожная мысль: как установить связь с партизанами.

Утром усталому Мише не пришлось отдохнуть. Катя Обмачевская передала через Колю, что в село ночью вошло много войск. Вместе с Тимошей Береговым они выяснили, что в Величаевском остановился 1573-й немецкий полк и небольшой кавалерийский отряд отпетых головорезов из батальона «Бергманн». Днем на окраине села Катя видела большие отары овец, стада крупного рогатого скота и косяки лошадей, которых фашисты угоняли в тыл. Прошли обозы с хлебом. Вечером Тимофей прислал весточку: в сторону Левокумского прошла большая колонна тракторов, он насчитал 127. Вся масса отступавшей фашистской армии, которая тащила с собой награбленное советские добро, направлялась на Святой Крест. «Нужна связь с партизанами, нужна связь, как воздух, как жизнь», - думал Миша.

Под вечер Мише удалось с полчаса соснуть в своем курятнике. Его разбудил Коля. Фашисты покидали село. Нужно было установить, куда, по какой дороге пойдут тракторы, стада скота. Целый вечер просидели они с Катей в холодном сарае при выходе дороги из Величаевского на Левокумское, наблюдали за движением войск и «трофейных» обозов гитлеровцев. Еще когда они пробирались к своему «наблюдательному пункту», Вася заметил, как сильно осунулось и похудело лицо Кати, глаза ее лихорадочно блестели, она часто хваталась за грудь, ей не хватало воздуха. «Заболела Катя», - подумал Заворотынский.

А ночью, оставив Катю наблюдать за дорогой, знакомой тропинкой Миша снова пошел в плавни, к тайнику. Его сильно волновало отсутствие Андрея Ивановича, а встреча с ним была так нужна... Партизанские отряды должны знать каждый шаг фашистов, чтобы не допустить угона советских людей в Германию, отбить стада скота и обозы хлеба. Неужели и сегодня, как вчера, он не встретит своего руководителя? Дорогой Андрей Иванович, где же ты?

Миша торопился. У тайника ни единой души. Присев на трухлявый ствол лежавшего дерева, на котором когда-то коротали ночи Иван Карпович и Шура Скоков, он ждал. Казалось, прошел по крайней мере целый час, хотя, может быть, он сидел

лишь всего несколько минут. Миша начал сомневаться: стоит ли ждать, придет ли Зайцев, может быть, самому идти разыскивать партизан и передать собранные сведения командиру. Но где их найти? На сотню километров тянутся прикумские плавни. Неожиданно перед ним вырос человек. Высокий, в очках, поверх полушубка у него висел автомат. Это был Зайцев. Хотя Миша никогда не видел этого человека, но по обстоятельной обрисовке, которую дал ему Шура, он узнал его. Приглушенным голосом он спросил: - Как пройти на Величаевское?

Миша ответил: - Я не местный, сам заблудился.

- Давай искать дорогу вместе.

Таков пароль и отзыв. После пароля Андрей Иванович положил Мише руку на плечо и, с трудом скрывая волнение, сказал: - Борьба требует жертв, сынок.

Миша бросился к нему на шею и зарыдал. Андрей Иванович внимательно выслушал рассказ Миши. Затем достал карту и фонарик, предварительно переведя фару лампочки на синее стекло, и стал на карте отмечать полученные от Миши данные.

- Фашисты в нашем крае доживают последние дни. Поэтому гестапо свирепствует в селах. Будь очень осторожен. Кто еще не арестован? - спросил Зайцев.

Миша назвал: - Катя Обмачевская, Миша Береговой и еще Коля Михайлюк.

- Мало. Очень мало, - покачал головой Зайцев.

Картина была ясная. В надежде найти следы комсомольского подполья, фашисты решили густо просеять через лапы гестапо все население Величаевского. Андрей Иванович внимательно посмотрел на Мишу: «Сможет ли он заменить Шуру?» Но тут же ответил себе: «Скоков рекомендовал не зря».

- Слушай меня внимательно, - сказал он Мише. - Ты - руководитель подполья. Об этом никто не знает, кроме нас с тобой, и никто не должен знать. Предупреди Катю - пусть дома не ночует. А сам где спишь?

- У Кольки Михайлюка.

- Надежный?

- Не сомневаюсь. После смерти Шуры будто на свет родился.

- Оберегай Берегового. Его привлекают к писарской работе?

- Сейчас тоже все время сидит, строчит списки.

- Пусть сообщает, куда собираются угонять семьи партизан. Это очень важно знать командованию, чтобы спасти людей. Первое срочное задание такое. Где-то в районе Озек-Суата немцы расположили полевой аэродром разведывательной авиации. Проклятые итальянские «тарактелки» не дают покоя нашим конникам. Нужно найти этот аэродром и уничтожить самолеты.

Долго еще Зайцев инструктировал Мишу о методах и формах борьбы с врагом. Почтовым ящиком для донесений по-прежнему оставался дрогинский тайник.

Миша несколько раз порывался спросить Андрея Ивановича, когда вернутся наши. По всему чувствуется, что у немцев на юге дела складываются плохо, не случайно они лютуют и спешат эвакуировать тракторы, скот, хлеб. На прощание Зайцев крепко обнял и расцеловал юношу. И как бы угадывая волновавший Мишу вопрос, сказал: - Скоро, очень скоро и для нас настанет день!

На следующий день Катя Обмачевская, собрав в мешок кое-какое барахлишко, пошла в Озек-Суат «менять вещи на продукты». До Озек-Суата не так уж далеко - каких-нибудь восемнадцать километров, в другое время добежала бы за три-четыре часа, но теперь она шла почти целый день. Болело все тело, мучительный кашель разрывал грудь, кружилась голова. Уже в сумерках она едва доплелась до Озек-Суата и постучала в дом друга ее отца Керима. Хозяйка ахнула от жалости - так плохо выглядела Катя. Ее напоили чаем и уложили на теплую лежанку. Утром Катя едва встала.

- Совсем, совсем плохо, девка, - покачала головой хозяйка, - как домой ходить будешь?

Катя с трудом выдавила улыбку.

- Это в тепле разомлела, свежим ветерком продует - пройдет.

Добрые хозяева накормили и напоили Катю. За завтраком старый Керим все жаловался, как плохо стало жить. Фашисты начисто ограбили туркменов, забрали их главное богатство - овец. Хорошего гостя и шулюном теперь не угостишь. А как самолеты к Озек-Суату прилетели - совсем житья не стало, каждый день шоферня фашистская донимает.

Услышав о самолетах, Катя насторожилась: «Значит, здесь

аэродром!» Поблагодарив добрых хозяев, спрятав в мешок несколько пресных лепешек, подаренных старухой, Катя собралась в обратный путь.

- Ай... я... я! - повторяла сердобольная старушка. - Как ходить домой будешь?

Не шла, а еле плелась домой Катя. Мучительно трудным был путь больной девушки. Но сила воли победила физическую слабость. К вечеру она добралась домой и сообщила Мише о расположении аэродрома. И в тот же вечер Миша положил в тайник донесение о результатах Катиной разведки.

Через два дня, поздно ночью отряд партизан-подрывников, проводником которого был Заворотынский, камышами пробирался к Озек-Суату. Особенно опасно и трудно пройти последние несколько километров по голой степи. А аэродром усиленно охранялся. Как назло, луна часто выглядывала из-за туч. Приходилось подолгу лежать, прижавшись к земле. Медленно ходят фашистские часовые. Их темные силуэты резко обозначаются на фоне неба. Выбрав удачный момент, когда луна прочно закрылась облаками, двое подрывников проскользнули к самолетам и подложили под них мины. Длинный шнур тянулся за подрывниками.

В это время один из часовых услышал какой-то подозрительный шум и стал внимательно обходить машины. Вот-вот он может зацепить ногами за шнур и обнаружить мины. Но партизаны уже отошли в осенние заросли бурьяна. И тотчас же Миша Заворотынский крутанул рукоятку машинки. Громко охнули взрывы, пламя осветило поднявшиеся в воздух обломки взорванных самолетов. Пока охрана аэродрома собралась в боевой порядок, партизаны уже были далеко от места диверсии.

Как потом выяснилось, на аэродроме было уничтожено пять вражеских самолетов. Миша ликовал: задание командования выполнено, организация снова живет. Она стала в несколько раз меньше, но она борется, приносит пользу общему святому делу.

Когда Миша пробирался по селу «домой» в свой курятник, он видел на стенах домов и заборах приклеенные яркие листки с грозными словами: «Смерть фашистским оккупантам!». «Молодец Коля, - подумал. - Хорошо с листовками справляется».

В эти дни Миша получил еще одно поразившее его изве-

стие. Как сообщил связной от Андрея Ивановича Зайцева, партизаны успешно воспользовались донесениями юных величаевских подпольщиков об угоне фашистами тракторов и скота. Внезапными налетами они отбили у фашистов по дороге на хутор Ленинский 5 тысяч овец, 109 голов крупного рогатого скота и 200 лошадей; по дороге на Урожайное и Мусса-Аджи у противника отбито 127 тракторов, 317 лошадей, 3720 голов крупного рогатого скота и 37170 овец. Кроме того, захвачены большие военные трофеи.

Миша передал связному новое донесение о передвижении войск фашистов. Ему не хотелось огорчать Андрея Ивановича плохими вестями, но он должен был сообщить ему, что тяжело заболела Катя Обмачевская.

После встречи со связным у тайника Миша шел домой радостно возбужденный. По всему чувствовалось, что приближается день освобождения. Каждый день все сильнее и ближе к Прикумью ветер приносил с юга отзвуки артиллерийской канонады. Он остановился, прислушался. Где-то, со стороны Каясулы, доносились взрывы: то ли идет ночной бой, то ли наши бомбардировщики обрабатывают тылы и резервы противника. В глухой балке во тьме мелькнула серая фигура волка, сверкнули и исчезли его огненные глаза. Миша даже не обратил на него внимания - настолько он был поглощен добрыми вестями; «Идут. Наши идут. Скоро и для нас минует ночь».

...Фашисты убегали со Ставрополя, оставляя за собой руины разрушенных и разграбленных городов и сел. Они старались либо уничтожить, либо увезти с собой все ценное имущество - оборудование заводов, тракторы, автомашины, скот, хлеб. Одновременно проводился массовый угон советских людей в Германию. Забирали всех без разбора.

В начале декабря партизанское командование получило задание не допустить угона наших людей в рабство, предотвратить расправу над мирными советскими гражданами. Для этой цели командование сводного партизанского отряда Однокозова выделило боевые маневренные группы. Одна из группы, в которую вошел и Алексей Антонов, отец Наташи и Ани, направлялась в район Величаевского, где, как сообщил Миша Заворотынский, фашисты особенно зверствовали.

...Солдаты фашистской полевой жандармерии рассыпались по всему селу. Они врывались в дома, хватали без разбора юношей, женщин, детей. Под конвоем гнали на сельскую площадь, где уже собралась большая толпа, окруженная жандармами. Было морозно и ветрено. Многие из жителей, наспех выгнанные из хат, были едва одеты. Плакали от страха и холода малыши.

Татьяна Алексеевна Скокова вышла во двор с алюминиевой чашкой в руках, чтобы покормить чудом еще сохранившихся несколько кур. В это время во двор ворвались солдаты. Миска выскочила из рук Татьяны Алексеевны. Фашисты кричали: - Шнель! Шнель!

Татьяна Алексеевна быстро собралась в путь. В узелок она сложила необходимое и кусок хлеба. Арестованных подталкивали прикладами, чуть не бегом гнали к площади.

Катя Обмачевская с минуты на минуту ждала появления в доме фашистов. Но их дом обошли. Кто-то из соседей сказал страшное слово «тиф», и фашисты не зашли в опасный дом. Миша Заворотынский и Коля Михайлюк, когда начался повальный арест, сбежали в камыши. Миша оставил Колю наблюдать за селом, а сам побежал к тайнику, надеясь встретить там связного. И он не ошибся. Связной уже ждал его. Зайцеву были необходимы последние сведения о положении в Величаевском. Миша сообщил связному обо всем, что происходит в селе, и просил его быстрее доставить переданные данные в отряд.

- Спешите, друг! Величаевские семьи будут гнать пешком, нужно их перехватить до Урожайного.

И связной успел вовремя предупредить партизан.

...Люди шли уныло, глубоко увязая в снегу. Конвоиры то и дело до хрипоты кричали свое противное слово «шнель!» Вдаль убегала телефонная линия. Где-то впереди, на кургане, у телефонного столба, с которого свисали порванные провода, возились трое связистов в немецкой форме. Дорога проходила у подножия этого кургана и, обогнув его, скатывалась в неглубокую степную балочку.

Бабушка Чернышиха с внуком Витей сильно устала. Полицай крикнул: - Сидай на бричку!

Бабушка села и взяла внучонка на руки. Удивительно, как это

полицай проявил такую жалость? «Спешат, видно», - подумала она.

Косые лучи солнца сияли на вершине холма, покрытого чистым, белым снегом. Смотреть было больно. Колонна поравнялась с курганом. Немецкие связисты по-прежнему хлопотали у порванных проводов. Но неожиданно они упали на землю, застрочили их автоматы. Фашистский конвойный, идущий впереди, вскинул руки вверх, медленно упал навзничь, нажав на спусковой крючок автомата. Длинная очередь пуль ушла в небо. Кто-то крикнул:

- Партизаны! Бегите в камыши!

Перепуганные фашисты не знали, что делать. Партизаны стреляли на выбор. Вскоре охрана была перебита. Угоняемые в рабство люди освобождены. Напрасно Алексей Антонов искал среди освобожденных жену, дочерей Аню и Наташу. Их, семью Скоковых и еще несколько человек угнали раньше, с другой партией арестованных.

С трудом плелись в Святой Крест физически уставшие и морально удрученные члены семей величаевских партизан. Разбитый обозами и войсками, снег, словно грязная жидкая каша, чавкал под ногами. Слева и справа шли конвоиры. В Святой Крест вошли будто в пустыню. Улицы безлюдны. Дома ободраны, словно побитые градом. Как окровавленные обрубки тела, торчат стены разрушенных зданий. Около тюрьмы многолюдно. Расположились на узлах или прямо на снегу под забором, по верху которого в несколько рядов натянута колючая проволока. В тюрьму не брали, она и так набита до отказа. К тому же списки арестованных так запутаны (постарался Тимоша Береговой), что нельзя было даже установить, кого принимать в тюрьму - ни одной подлинной фамилии, ни одного настоящего имени. Голодная стража разошлась подкрепиться: куда денутся уставшие до смерти женщины и подростки! Этим воспользовались многие из пригнанных. Пока вернулись конвоиры, Антоновы и Скоковы успели сбежать. Татьяна Алексеевна и Лариса приютились у знакомых.

Антоновы шли переулками к окраине города, где рассчитывали на время скрыться у знакомых колхозников, бывших работников животноводческой фермы. Уже оставалась кака-

я-нибудь сотня метров до дома, где они могли найти приют, как вдруг из-за угла им навстречу, вышло трое фашистов, и с ними какой-то человек в штатском. Фашисты уже прошли мимо не представлявших интереса женщин, с виду больных, когда человек в штатском окликнул их и подошел к Антоновым. Он внимательно осмотрел их и что-то шепнул немцам. Те вмиг окружили женщин и, толкая прикладами автоматов, погнали снова в тюрьму. Это Шейко сделал еще одно черное дело, передав в руки гестапо жену и дочерей партизана Антонова.

Только застенки гестапо знали, что сделали с пожилой женщиной и юными девушками гитлеровские палачи. Их изуродованные трупы были обнаружены после освобождения Святого Креста от немецко-фашистских захватчиков.

Глава девятая

ПОСЛЕ НОЧИ

Части Советской Армии и партизаны вошли в Величаевское в солнечный день. Радостными улыбками сияли лица людей. Домики колхозников, побеленные к приходу долгожданных и дорогих гостей, были белее выпавшего ранним утром снега, который прикрыл истерзанную фашистскими выродками землю. На окнах домов, теперь уже безбоязненно глядевших на улицу, стояли цветы, красовались чистенькие занавесочки. Над головами освобожденных от фашистского ига людей в безоблачном небе сияло солнце. Только далеко на северо-западе, куда вместе с ордами битых войск Гитлера уходил пожар войны, ухали взрывы бомб и клубились тучи дыма. Отступая, гитлеровцы жгли города и села.

И в радости солнечного дня, и в свежести беленьких хат, в цветах на окнах домов - во всем чувствовалась радость людей, всем сердцем и всеми помыслами своими ждавших этого дня.

На площадь вышел Иван Алексеевич Прокопов. Он остановился около старого пня - памятника деда Скрипаля. А рядом, в саду, под застывшей до весны яблоней, возвышался холмик свежей могилы. Иван Алексеевич задумчиво смотрел на этот холмик, где лежали его боевые юные друзья. Подошли Миша

Заворотынский, Лида Карабутова, Наташа Калайтанова, Маша и Шура Фелицины. Тепло одетая, укутанная шалью, с трудом пришла Катя Обмачевская, тяжело заболевшая в ненастные ночи разведок. Все молчали. А мимо них шли и шли бойцы Советской Армии, шли на запад добивать врага. Из рядов партизанского отряда вышла хрупкая девушка с медицинской сумкой. Это была та самая Катя-партизанка, «Катя-рыбачка», начальник санитарной части партизанского отряда, которая в первые дни оккупации принимала от Наташи Антоновой и Лиды Карабутовой медикаменты. Она обняла девочек и также молча стала у могилы погибших.

Издали донеслась песня, которую пели партизаны. Всем, кто стоял у свежей могилы, почудилось, что песню заводил голос Пети Базалеева. Но это был голос Тимоши: Он упал возле ног вороного коня и закрыл свои карие очи. Ты, конек вороной, передай, дорогой,

что я честно погиб за рабочих.

И никто теперь не стрелял в песню. Миша обвел всех серьезным и суровым взглядом. Глаза его засверкали. И вдруг он стал читать на память свои стихи. Может быть, его поэтические строфы были не совсем отточенные, но это были стихи, идущие от всей души:

Мы вместе с ними эту песню пели -С мальчишских лет до первых дней борьбы.

С любовью записали в сердце слово «Ленин»

И ярко выжгли: «Нет, мы не рабы!»

Они не умерли, советские орлята.

Им вечно жить в сердцах наших людей.

Фашистам отомстим! Клянемся же, ребята!

Им солнца не затмить над Родиной моей.

И он замолчал. Ветер шевелил седые волосы Ивана Алексеевича. Катя, прижавшись к старику, тихо плакала, болезнь окончательно отняла у нее силы.

Миша сказал: - Не забудем же их никогда!

- Не забудем!

- Будем помнить вечно!

- Вечно!

- Смерть немецко-фашистским захватчикам!

- Смерть!

Подъехал бронетранспортер. Андрей Иванович Зайцев и комиссар воинской части торжественно сняли с машины аккуратно сделанный из свежих сосновых досокobelisk. На его вершине сияла красная звезда, такая же, как та, что была на листочках бумаги, под которой стояло священное слово «Клятва». Иван Алексеевич и бывшие подпольщики вспомнили ту ночь, когда в неприметной хатенке на окраине села, юные патриоты клялись бороться до конца за честь и свободу своей любимой Родины. Партизаны прощались с погибшими. Александра Скокова и его боевых соратников пришли почтить память все односельчане - живые свидетели самоотверженной борьбы юных подпольщиков, павших в неравных боях.

На временном памятнике начертаны слова: «Вечная слава павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!»

К могиле подошел секретарь Левокумского районного комитета партии Рыженко, бывший комиссар партизанского отряда. Прощаясь с погибшими юными подпольщиками, он сказал:

- Они были верными сынами и дочерями нашей великой Родины. Воспитанные Коммунистической партией и ленинским комсомолом, они в первых рядах дрались с врагом и с честью до конца выполнили свой долг. Они погибли героически, и память о них никогда не умрет в наших сердцах!

Глубокое молчание односельчан, скорбевших о погибших, прервалось залпами боевого салюта.

Андрей Иванович Зайцев протер и надел очки, пытаясь за стеклами скрыть покрасневшие глаза. Подошел к Рыженко, попросил слова. Из планшетки он достал треугольный конверт, развернул его и начал читать:

«Я получил письмо из Величаевского, Левокумского района. Тяжелое письмо. В нем сообщалось о том, что мой сын Александр Скоков расстрелян немцами. Мое горе, горе отца, потерявшего сына, нашло отклик в сердцах гвардейцев нашей части.

Я клянусь своему народу быть беспощадным к врагу. Предатели, изменники Родины будут сурово наказаны народом. Недалек тот час, когда вся свора гитлеровцев предстанет перед судом. Люди всего мира продиктуют свой суровый приговор.

Дорогие ставропольцы! Отдавайте все силы, энергию, зна-

ния своей Родине. Давайте общими усилиями приближать час победы. Секретарь партийного бюро части И. Скоков.

Это письмо прошу опубликовать в нашей краевой газете. Иван Андреевич Скоков».

Лицо Зайцева стало суровым. Гневные искры вспыхнули в прищуренных глазах под седыми ресницами. Его кулаки сжались. Взмахом руки он как бы рассек тишину:

- Клянемся и мы, товарищи, что будем бить врага до полной победы!

- Клянемся! - ответили солдаты, партизаны и колхозники.

Андрей Иванович внимательно смотрел на стоящих перед ним людей, словно искал среди них кого-то и не находил. Наконец он увидел Мишу Заворотынского. Суровое, в сухих морщинах лицо и утомленные глаза Зайцева оживились теплом и радостью. Рядом с Заворотынским стояли Иван Алексеевич Прокопов, Коля Михайлюк и незнакомые Зайцеву юноши и девушки. «Юная гвардия получает пополнение», удовлетворенно подумал Андрей Иванович.

После митинга к Мише подошел Коля Михайлюк. Он был крайне возбужден, говорил чуть заикаясь: - Как ты думаешь, в комсомол меня второй раз примут?

- Ты можешь смело писать заявление, - с улыбкой ответил Миша.

- Нет, я хочу быть таким, как Шура, Кузьма, Наташа, Петька. На фронт хочу комсомольцем идти. Миша обнял его.

- Давай вместе! Теперь мы взрослые, и нам в военкомате не откажут! А как же «пифагоровы штаны»?

Коля улыбнулся: - Разобьем фашистов, и ты поймешь, что математика - важнейшая наука! Это я тебе объясню, как институт закончу...

Наутро Миша Заворотынский, Коля Михайлюк, Тимоша Береговой вместе с другими, уже ставшими совершеннолетними юношами села, добровольцами вступили в воинскую часть, и ушли на фронт.

А к концу первого дня освобождения со стороны Лвокумского в село пришла старенькая потрепанная полуторка. Она остановилась у здания сельского Совета, над которым снова развевался красный флаг. С нее сошли седая утомленная жен-

щина и девушка. Это были Татьяна Алексеевна Скокова и Лариса.

...Отгремела Великая Отечественная война. Давно лихой ставропольский ветер выдул пепел со старых пожарищ, заботливыми руками советских людей уже залечены страшные раны на теле Родины, нанесенные в годы фашистского нашествия.

Читатель уже не узнает тех из наших юных героев, которые прошли через тысячи испытаний тяжелой войны и остались живыми.

Катя-партизанка после войны закончила партийную школу и работала секретарем райкома партии. И все с уважением теперь называли ее Екатериной Ивановной. Но в горячих беспокойных секретарских буднях она часто вспоминала о своих партизанских товарищах и подругах, о славных величаевских мальчишках и девчонках, героях комсомольского подполья. Где они, милые сердцу? От некоторых она получала письма еще с фронта, в первые послевоенные годы, а потом судьба разбросала их по всей стране и связь со многими была нарушена.

Как-то в ранний субботний вечер Катя сидела дома, готовила лекцию, которую должна была читать в районном Доме культуры. Ее внимание привлекли веселые голоса. Группа молодых людей подошла к дому и спрашивала у соседей, здесь ли живет Катя, Екатерина Ивановна, секретарь райкома. Катя... Какие знакомые голоса...

Екатерина Ивановна встала и взволнованно заторопилась навстречу. В калитку входили Лида Карабутова, Коля Михайлюк и Тимоша Береговой.

- Вот не ожидала! - издали крикнула Катя. - Заходите, заходите скорее!..

После приветствий и объятий все почему-то замолчали, словно каждый собирался с мыслями, снова вспоминал о пережитом в прошлом.

- Что ж мы молчим? - нарушил тишину Коля Михайлюк. - Как в классе, когда скажешь: кто хочет рассказать о ...

- ...Пифагоровых штанах, - закончила Лида. Все рассмеялись. Коля внимательно посмотрел на всех и серьезно сказал:

- Лица знакомые, только все здорово повзрослели, возмужали. У Лиды уже в доме растет молодая смена. Даже у Ларисы

двое детей, а ведь ей тогда, - Коля подчеркнул слово «тогда», - сравнялось только четырнадцать лет.

Да, много воды утекло в Куме за девятнадцать лет. Лида работает заведующей врачебным пунктом в селе. Исполнилась заветная мечта Коли Михайлюка: он стал крупным математиком, защитил диссертацию на степень кандидата физико-математических наук. Тимоша Береговой еще служит в армии, но в скором времени думает сменить армейскую форму на гражданскую и вернуться в родной колхоз.

- А где же Маша и Шура Фелицины? - спросила Катя.

- Они стали агрономами-виноградарями и работают в Мелекесе, - ответила Лида.

- А Наташа Калайтанова?

- В одной из войсковых частей в Германской Демократической Республике, вместе с мужем...

- Разлетелись орлята по белу свету, - задумчиво сказала Катя.

- Жив ли Иван Алексеевич Прокопов?

- В Калмыкии сейчас старик. С сыном живет... Как всегда, такой же беспокойный и непоседливый... С колхозом не хочет расставаться, на пенсию не идет.

- А где сейчас Катя Обмачевская? - спросил Тимоша Береговой.

- Помнится, когда мы вышли из подполья, она заболела.

- Так и сгорела наша Катя, - ответила Лида. - В «секретах» она сильно простудилась, долго болела и умерла в сорок четвертом, не дожидая до дня Победы.

Когда говорили о живых, думали и о погибших, о верных друзьях, бесстрашно сложивших свою голову в боях за Родину-Мать.

Миша Заворотынский погиб на подступах к Крыму. Вот что рассказал Коля о смерти друга и однополчанина:

«...Однажды командир кликнул добровольцев на поиски языка. Известное дело, после подполья Миша стал страстным разведчиком и охотником за языками, всегда был рад случаю отомстить за погибших товарищей. Он вызвался первым. За языком они пошли с Колей, Миша за старшего. Ночью благополучно минули немецкий передний край и вошли в село, где на отдыхе расположились гитлеровцы. Во дворе крайнего дома

заметили легковой автомобиль и крытую грузовую машину с радиоантенной. У дома часового не было, по улице села ходили усиленные патрули. Лежали у дома долго. Наконец вышел немец. Миша оглушил его, заткнул рот, взвалил на спину и вытащил со двора на огород, где его ждал Коля. Он передал ему языка и сказал: «Тащи его, а я буду сзади, в случае чего - прикрою тебя».

Сначала отходили вместе. Потом, в доме поднялся переполох. Миша приказал Коле уходить с языком, а сам остался, чтобы задержать фашистов. Когда Коля уже был далеко, за его спиной началась перестрелка, разорвалось несколько гранат.

В ту ночь Миша не вернулся. Наутро наши войска пошли в наступление. За околицей села, в огородах, нашли труп Заворотынского. Пленные фашисты показали, что минувшей ночью в перестрелке был убит советский разведчик и шесть гитлеровцев».

Так вот как встретил свой последний час Миша Заворотынский, поэт и мечтатель. Друзья еще долго вспоминали прошлые годы - детство и боевую юность, полные чудесного смысла, радости и горя.

- Живые отомстили за мертвых, - грустно сказала Катя. - Советское правосудие наказало изменников, - гневом вспыхнули ее глаза. - Вслед за Козырем отправились Глазун и Шейко. Долго скрывались Петушков, Волков и Деркач. И все же разыскали - одного даже в Воркуте нашли, - и негодяи получили по заслугам.

...Вечером пошли гулять. По асфальтированной дорожке, которая легла между молодыми акациями и кленами, они прошли к школе, мимо памятника Героям Великой Отечественной войны. Откуда-то с дальней улицы доносились переливы баяна и девичьи голоса пели песню о тревожной юности из кинофильма «По ту сторону»: Забота у нас такая, работа наша простая. Была бы страна живая, и нет других забот. И снег, и ветер, и звезд ночных полет. Тебя, мое сердце, в тревожную даль зовет.

Когда Катя, Лида, Коля и Тимоша шли мимо установленного у школы громкоговорителя, радио передавало рассказ Юрия Гагарина о космическом полете, и все они посмотрели в звездное небо, куда советский человек уже проложил дорогу, точно ожи-

дали увидеть корабль в полете...

Из школы, в которой когда-то учились Шура Скоков, Миша Заворотынский, Наташа Антонова и другие бывшие участники комсомольского подполья, очевидно после сбора отряда, шли пионеры. Они тоже задирали в небо свои головки и искали в нем космический корабль. Бывшие подпольщики смотрели на их юные, полные задора лица. Какие счастливые эти шустрые, бойкие мальчишки и девчонки! Им, юным, принимать эстафету от старшего поколения. Им, стоящим на пороге жизни, летать в космос и жить при коммунизме.

Только чтобы быть достойными своих отцов и старших братьев, стать настоящими коммунарами, надо знать, что счастье не придет само к тебе в руки, никто тебе не поднесет его на тарелочке. За светлое будущее - коммунизм - надо бороться, как боролась старая ленинская гвардия, как боролись миллионы простых людей, - не жалея сил, а если надо, и жизни. За всю историю человечества в борьбе за светлую жизнь, сложили свои головы многие тысячи людей. Жизнь и смерть каждого из них была по-своему красивой, смелой, мужественной, жизнь и смерть каждого из них — пример всем живущим и будущим жить.

Народ не забыл героических подвигов Александра Скокова, Пети Базалеева, Кузьмы Напханюка, Наташи и Ани Антоновых, и их боевых друзей. Молодежь Ставрополя увековечила их память трудовыми победами. В ответ на обращение крайкома ВЛКСМ в комсомольскую копилку собраны деньги на строительство памятника Героям-величаевцам. Памятник будет установлен на родине Героев.

Короткую, но яркую и красивую жизнь прожили Величаевские подпольщики. Новому поколению мальчишек и девчонок они показали, как надо бороться за коммунизм, как надо любить жизнь и во имя ее не бояться смерти. Они погибли, но утвердили жизнь.

Генрих Попик «Смелые сердца»

Ерм Трофимович Попик, автор документальной книги «Величаевские молодогвардейцы»

Генрих Ермович Попик, автор книги о молодогвардейцах «Смелые сердца»

Сын Генриха Попика в музее величаевских молодогвардейцев, 1982 год

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...

Ну что мы знаем о войне?
Нас время далеко умчало.
На майской праздничной волне
мы вспоминаем слишком мало.
А детям вовсе не понять —
о чем ведутся разговоры?
Вопросы задают опять,
ответы забывают скоро.
Другие страны, времена...
Другие войны были тоже.
И та, Великая война
все больше на кино похожа.
Лежат в коробке ордена.
Что с ними делать? Непонятно.
Ничья вина, ничья вина,
что не вернуть людей обратно.
Тех, что сражались на войне,
тех, что мальчишками погибли.
И почему-то стыдно мне
как будто мы помочь могли бы.
Но прошлое нельзя вернуть —
вокруг совсем другие страны.
И по-другому в дальний путь
там провожают ветеранов.
На майской праздничной волне
все меньше правды о войне.

П. Давыдов

ПЕРЕДАЮТСЯ ПОКОЛЕНИЯМ

Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны (1941-1945), партизан, подпольщиков молодогвардейцев, вдов погибших воинов, родителей молодогвардейцев, поисковиков, собранные историками, работниками библиотек, музеев, архивов, жителями с. Величаевское, бережно хранятся, дополняются, передаются поколениям, чтобы в людской памяти во имя жизни и мира продолжали жить имена и подвиги защитников Родины.

ХРАНИТ ИХ ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ, ВОТ ПОЧЕМУ ПОСМЕРТНО ЖИВЫ

Попик Ерм Трофимович (1911-1976), автор повести не был профессиональным журналистом, но считал делом чести опубликовать материал, собранный его отцом, донести до читателей. В 2007 году книга была переиздана Комитетом Ставропольского края по делам молодежи в честь 65-летия со дня гибели Величаевских молодогвардейцев.

...В 1960 году на бюро крайкома ВЛКСМ рассмотрена записка зам. редактора газеты «Молодой ленинец» А. Коротина «О героической деятельности подпольной комсомольской организации с. Величаевского в годы Великой Отечественной войны». В числе других мероприятий бюро постановило: «...Объявить среди первичных организаций ВЛКСМ края сбор средств для создания памятника участникам подпольной Величаевской комсомольской организации путем воскресников, сбора металлолома, макулатуры и т. п. Для этих целей открыть специальный счет крайкома ВЛКСМ». В обращении говорилось: «Пусть во имя вечной славы и памяти величаевских молодогвардейцев встанет в Величаевском памятник комсомольцам-подпольщикам. Пусть каждый, кому дороги имена героев, примет участие в строительстве памятника. Пусть памятник станет символом верности молодежи 60-х годов бессмертным традициям отцов и дедов, старших братьев, сестер, отдавших жизнь за счастье Родины».

...Активное участие в строительстве памятника принимали нефтяники, сотрудники организации «Ставропольводстрой» (строившие в то время Кумо-Манычский канал), пионеры, комсомольцы Величаевской средней общеобразовательной школы, работники Величаевского сельсовета, совхоза.

26 мая 1963 года состоялось торжественное открытие памятника Величаевским молодогвардейцам, памятника Вечной Славы героям-подпольщикам. В 1965 году, в год двадцатилетия Победы, у подножия памятника зажжён Вечный Огонь.

...Родина оценила подвиг юных героев. Указом Президиума Верховного Совета СССР за особые заслуги, мужество и героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками Александру Ивановичу Скокову присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Высоких правительственных наград удостоены его товарищи.

Величаевские молодогвардейцы вошли в летопись Ставрополя символом патриотизма, мужества. Имя нашего земляка известно далеко за пределами края. Из года в год встречаем весну, празднуем День Победы. Вокруг всё оживает, радуется приходу тепла. Величаевцы идут поклониться Александру Скокову, его друзьям. Их подвигу никогда не будет забвения!

...18 марта 1968 года Ставропольский краевой комитет ВЛКСМ учредил премию имени А. Скокова за лучшие произведения в области художественной литературы, критики и публицистики, журналистики, изобразительного и декоративно-прикладного искусства, скульптуры, музыкального, танцевального и театрального искусства.

Проходят десятилетия, комсомол видоизменился в Союз Молодежи Ставрополя, а премия имени отважного юноши-патриота осталась. За прошедшие годы среди лауреатов - журналисты А. Попутько, В. Гнеушев, ставропольский композитор Н. Зинченко, духовой оркестр «Левокумье» (И. Г. Галанов), оркестр русских народных инструментов (Погорельская Т. Н.), фольклорно-этнографический ансамбль «Некрасовские казачата» (Л. В. Евдокимова) Левокумского района, многие другие. Подробно лауреаты премии имени Героя Советского Союза А. Скокова представлены в буклете «Голос Памяти», который издан министерством культуры Ставропольского края и Комитетом по делам молодежи Ставропольского края к 60-летию Великой Победы.

...14 мая 1965 года секретарь крайкома ВЛКСМ В. Казначеев обратился в краевой комитет КПСС с запиской сделать село Величаевское историческим местом - всеобщего поклонения подвигу юных патриотов и воспитания молодежи на героических традициях, создать музей Величаевских молодогвардейцев; благоустроить Величаевское, создать туристскую базу.

В это время шёл сбор земляками материала для комнаты Боевой Славы, где особое место отведено роли подполья в освобождении села. На заседания бюро Левокумского районного комитета КПСС 28 апреля 1978 года принято постановление об открытии музея ВЕЛИЧАЕВСКИХ молодогвардейцев. В работе по созданию, оформлению музея принимали участие все организации, трудовые коллективы района. Расходы были распределены между организациями, учреждениями, комсомольцы на субботниках зарабатывали, перечисляли деньги в фонд музея.

В Величаевское был приглашен художник В. Н. Кузнецов (в 1979 году ему присуждена премия имени Героя Советского Союза А. Скокова), который вёл оформительскую работу; научный сотрудник краеведческого музея имени Прозрителева и Праве - Отюцкая А. И. занималась созданием экспозиций.

29 октября 1978 года, в день рождения ВЛКСМ, музей распахнул двери для посетителей. Торжественно перерезана красная ленточка, наступила минута, с которой началась вахта Памяти, длиною в десятилетия. В музее хранятся уникальные кинокадры, посвященные этому событию. Оператор И. П. Дроздов сохранил для потомков незабываемую атмосферу в Величаевском. В этот же день в средней школе открыта комната Памяти. Открытие

музея - знаковое событие для жителей села. Музей занимает особое место в культурном пространстве. Здесь рождались традиции, живущие до сих пор. В настоящее время музей величаевских молодогвардейцев - филиал «Историко-краеведческого музея имени Василия Родионовича Ясинова».

...Скромный домик на улице имени А. Скокова в Величаевском. Здесь собирались подпольщики, отсюда вели Александра на казнь. Каждая деталь, каждый экспонат, представленные в музее, волнует своей исторической правдой. Вот эти половицы скрипели под шагами юных патриотов, здесь перечитывались страницы книг «Мать», «Как закалялась сталь», здесь писали листовки, строили планы, уходили на связь в партизанский отряд.

Посетители музея рассматривают экспонаты, оставляют записи в книге отзывов, листая страницы которой можно изучать географию страны, чувствуя, как меняется время. В Величаевское приезжали кубинцы, афганцы, болгары... Книги отзывов - своеобразная благодарность живущих погибшим, память о них. Добрые слова пожеланий оставили в книге отзывов - член Союза писателей России В. Бутенко; сестра Героя Советского Союза А. И. Скокова - Тамара Ивановна Плетникова, проживающая в Горловке; С. И. Калашников, будучи первым секретарем Союза молодежи Ставрополья; Первый секретарь Российского Союза Молодежи А. Платонов; руководитель проектов ЦК РСМ М. Филатова, представители краевого Совета ветеранов И. И. Лимарев, И. К. Лаптев.

Из Волгogrада в музей приезжают дети и внуки подпольщицы Натальи Калайтановой. Ветераны Левокумского района, родственники подпольщиков, которые проживают в Величаевском, частые гости музея.

За активную работу по патриотическому воспитанию молодежи музей Величаевских молодогвардейцев награжден: грамотами Губернатора Ставропольского края, медалью «55 лет Победы в Великой Отечественной войне (1941-1945)», памятной медалью «90 лет ВЛКСМ», почетной грамотой Гвардейской Таманской дивизии имени М. И. Калинина.

В 1985 году музеем величаевских молодогвардейцев за большую идейно-воспитательную работу присвоено звание НАРОДНЫЙ.

Но история подвига величаевских молодогвардейцев теперь не единственная строка, вписанная в книгу человеческой памяти. Деятельность музея имеет более широкий спектр – он стал музеем краеведения, дополнен экспонатами, которые приносят жители села в надежде, что ниточка между прошлым и будущим не оборвется, что в истории села всегда будет строка, которую каждый сможет дописать сам.

В музее прослеживается закономерная связь ранее совершенных поступков и сегодняшних дел земляков, своим трудом приумножающих богатства Родины. Подвиг - не только смерть во имя будущего. Подвиг - пройти через горнило испытаний, продолжать жить, как это делали оставшиеся в живых молодогвардейцы. Подвиг - ударный труд. Память - тоже подвиг! И пусть снова и снова раскрываются перед благодарными посетителями музея истории ожившие страницы во имя памяти о прошлом, во имя любви к настоящему, на благо будущего.

Май 1945 года. Победа. Мир. Что может быть проще, сильнее и человечнее этих слов? Они пришли к нам не в лавровом венке, торжественные и спокойные. Они пришли в образе солдатской матери, с устало опущенными натруженными руками, в образе русского солдата с глубокой скорбью в глазах. И впервые за 1418 дней над Европой воцарилась тишина. То майское утро было проникнуто ликованием. Но сквозь него проступала скорбь. Это ликование и эта скорбь. Время их не приглушает. А мы с вами должны эту память о самой страшной войне, которая коснулась каждой семьи, передавать из поколения в поколение.

Праздник 9 Мая - один из главных праздников нашей страны, самый прекрасный и трогательный. Он вошел в наши сердца как символ героизма и беспримерного мужества народа, отстоявшего мир на Земле. И в этот день около вечного огня собираются те, кто пришел возложить цветы, вспомнить наших защитников и героев, минутку помолчать и в который раз сказать им СПАСИБО. Спасибо за нашу мирную жизнь, за наших детей и внуков, за их счастье!

День Победы был, есть и должен оставаться самым святым праздником. Ведь те, кто заплатил за него своей жизнью, дали нам возможность жить сейчас, и мы обязаны помнить об этом. Наша память не должна ослепнуть. Почет и вечная слава всем, кто в годы Великой Отечественной войны защищал Родину от врага. Ветеранов мы чествуем сегодня цветами. Героям, павшим за наше счастье, возлагаем на могилы венки и цветы.

Память о Великой Отечественной войне, о жертвах войны... Она набатом стучит в наших сердцах, повелевая не забывать подвиг народа, бережно хранить мир, завоеванный ценой миллионов человеческих жизней. Сегодня, в дни великих праздников у Вечного Огня застывают в почетном карауле потомки тех, кто, свершив свой ратный подвиг, завещал жить в мире и согласии, отдав за это свою жизнь.

И пусть пламя Вечного Огня, зажженного как символ памяти о жертвах фашизма, как символ скорби о погибших и величайшей гордости за беспримерное мужество, проявленное в боях, освещает наш путь к миру, будит нашу совесть, чтобы мы не забывали уроков истории и не допустили повторения трагедии. И пока горит этот огонь, в сердцах людей будет жить память о великом подвиге. Да, у времени своя память...

Но мы не имеем права забыть ужасы войны, чтобы она не повторилась вновь. Пусть всегда светит солнце, поют птицы, зеленеют поля, но никогда на изумрудной траве вместо росы не сверкают капли чьей-то невинной крови! На часах у Вечного Огня стоит память. Нетленная память живет в сердцах наших людей. Память о героях, отстоявших честь, свободу и независимость Отчизны.

Остановись, время! Замри и оглянись в прошлое, посмотри на тех, кто в камне со своих памятников смотрит на нас, посмотри на тех, чьи имена высечены у подножья обелисков, на тех, кто за нас с тобой отдал самое дорогое - жизнь, которая только-только начиналась.

НАМ 45-Й НЕ ЗАБЫТЬ, НАМ 41-Й ВЕЧНО ПОМНИТЬ

Музей величаевских молодогвардейцев - участник Всероссийской акции «Ночь музеев», приуроченной к Международному дню музеев. Акция проходит под темой «Герои», а мероприятие - «Май - это чувство великой и вечной печали» - посвящено дню Победы. Акция по традиции начинается с прослушивания песен военных лет: «Катюша», «Журавли», «День Победы», других.

Посетители могут проверить знания об истории Великой Победы, приняв участие в викторине «Нам 45-й не забыть, нам 41-й вечно помнить». В музее проводятся тематическая выставка «СВО: Стойкость, Верность, Отвага». Экспозиция сопровождается рассказами о подвигах молодых людей, участвовавших в боевых действиях.

Продолжается акция экскурсией по залам музея. Гости узнают о фронтовиках, тружениках тыла и событиях Великой Отечественной войны, о величаевских молодогвардейцах, их жизни и героических поступках. Посетители с интересом рассматривают музейные экспонаты, чувствуют атмосферу военного времени, лучше понимают значение минувших незабываемых событий Отечества.

*Л. А. Карабутова
- справа первая стоит*

*Скокова Лариса - в центре;
Лидия Карабутова - справа
в музее Величаевских
молодогвардейцев*

ГЕРОЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА А. СКОКОВУ

В нашем селе Величаевском, на улице тихой и пыльной,
В доме не очень стареньком жил мальчик с простой фамилией.
Был озорным, веселым, книги взхлёб читал,
Был пионером в школе, потом комсомольцем стал.

Он был таким же, как в те времена мальчишек росли миллионы,
Гордился, что крепнет наша страна, строит заводы и домны.

...Перед врагом не согнулся, на колени не стал,
Был командиром подполья. Когда арестован, сказал:
лучше смерть, чем неволя.

...В нашем селе Величаевском жить будет без всяких сроков
В доме, теперь уж стареньком, Герой Александр Скоков.
Жить будет в нашей памяти, делах и свершениях.
Клянемся Скокову Саше: мы - твоё продолжение.

П. Смагин

Главное достоинство Человека – память!
Она возвышает его над миром, от нее зависит мировоззрение,
уровень человеческого достоинства...
Кто мы? С кем мы? От кого мы?
Извечные вопросы определяют нашу жизнь.
Знаем ли, помним ли - кому обязаны своей жизнью?
Минули десятилетия с незабываемого, страшного дня, когда
настежь распахнулись огромные, от Баренцева до Черного моря,
двери войны. Много воды унесла река времени, заросли шрамы
окопов, исчезли пепелища сожженных городов, выросли новые
поколения. Но Память о Великой Отечественной войне, ставшей
далекой историей - не только хроники, летописи, дневники,
это исторические уроки, вобравшие в себя социальный опыт
прошлого, устремление в настоящее и будущее.
Передадим же эстафету Памяти подрастающему поколению,
расскажем о величии, самоотверженности подвигов
советских людей, завоевавших Победу.

**ВО ВСЕХ СЕРДЦАХ,
ВО ВСЕХ ДОМАХ
ЛЮДСКИХ
НЕСЛЫШНЫЕ ШАГИ ИХ
РАЗДАЮТСЯ**

*Петя Базалеев
с сестрой Настей
и племянницей Любой*

Учащиеся младших классов и Саша Скоков

*Рассказ А. М. Заворотынской
О сыне Мише;
газета «Светлый путь»*

*Молодежная страница
газеты «Светлый путь»
от 12 апреля, 1975 года*

Погибшие живут среди живых

Погибшие живут среди живых,
Ушедшие ушли, чтобы вернуться,
Во всех сердцах,

во всех домах людских
Неслышные шаги их раздаются.
Забыть их - значит их предать.
Стать равнодушным -

хуже, чем убийцей,
И не чугун, не бронза, не гранит,
Которые не раз бывали лживы,
А память поколений их хранит,
Вот почему посмертно они живы.
Мы учимся сегодня,

чтоб завтра строить,
Чтоб небосвод был вечно голубой,
Нет, не забудем никогда Героев,
Что ради жизни шли
в бессмертный бой!

В. Текучёв

Молодое сердце Саши

Пылали села, города, края.
Горела Левокумская земля.
Но вы, в своем подполье затаясь,
В неравный бой вступили, не боясь.
Листовки, сводки разносили
И правду людям говорили,
Что армия советов победит,
И скоро враг будет разбит.
Не пощадил и жизни ты своей
За счастье и свободу всех людей.
И мы сегодня, помня о победах,
Несем цветы к могиле наших дедов.
Земной поклон тебе,
Вечная память.

Твой подвиг мы несем как знамя!

Н. Щербина

Саша Скоков среди одноклассников, с. Урожайное, 1935 год

Пионерская дружина, Саша Скоков в первом ряду, с горном

Саша Скоков с друзьями в довоенное время, с. Величаевское

Партизаны Ставрополя

БОЛЬ И ГОРЕЧЬ УТРАТЫ

Война пришла ненавистным воем вражеских бомб, разрушенными селами и городами, миллионами убитых на фронтах, угнанных в рабство, замученных в лагерях смерти. Война оставила след почти в каждой семье. 25 июля 1942 года немецко-фашистское командование начало операцию «Эдельвейс» по захвату Кавказа. 3 августа фашисты оккупировали город Ставрополь, 5 августа - Невинномысск, 9 августа - Пятигорск. 18 августа 1942 года было захвачено и Левокумье. «Новый порядок» пришел на мирную ставропольскую землю.

...Недалеко от линии фронта в селе Величаевском Левокумского района была создана крупная молодежная организация для взаимодействия с партизанским отрядом «Яков» и частями Красной Армии. Состояла она из комсомольцев-подпольщиков, которые вели борьбу с фашистскими захватчиками. Во главе молодежной группы - 17-летний комсомолец А. Скоков. Внешнее руководство группой осуществлял командир взвода разведки Левокумского партизанского отряда «Яков» И. К. Дрогин. Связным был разведчик партизанского отряда П. Базалеев.

...Вскоре у здания бывшего сельсовета полицейские обнаружили листовку. С тех пор антифашистские листовки и сводки Совинформбюро появлялись в селе чуть ли не каждый день. Немцы, недоумевая, подозревали в этом партизан. Оказывается за несколько дней до прихода фашистов командование левокумского партизанского отряда «Яков» для ведения подпольной борьбы в тылу врага остановилось на кандидатуре А. Скокова, окончившего школу в июне 1942 года. Скромный, выдержанный, честный, отличник учебы - А. Скоков пользовался авторитетом среди сверстников. Получив задание от партизанского отряда, А. Скоков приступил к созданию подпольной комсомольской организации. Тщательно изучал настроение сверстников, подбирая для подпольной работы. Обязанности члена величаевского подполья А. Скоков изложил в клятве, под которой подписались 14 человек.

Участники подпольной организации вели антифашистскую пропаганду, рассказывали о положении дел на фронтах, собирали данные о передвижении, количестве и вооружении немецких частей. Собранные сведения передавались А. Скокову, а через него - руководству партизанского отряда и частям Красной Армии. Пользуясь этими данными, партизаны осуществили ряд операций по разгрому немецких гарнизонов в селах Величаевском, Урожайном Левокумского района, в результате было уничтожено много военной техники, фашистских офицеров, солдат, несколько предателей-полицаяв из числа местных жителей.

Той же осенью в село Ачикулак прибыла немецкая воинская часть, именуемая «альпийскими стрелками», которая предназначалась для захвата Закавказья. А. Скоков, узнав об этом, немедленно передал сведения партизанскому отряду «Яков», который информировал об этом штаб 4-го кавалерийского корпуса под командованием генерала Кириченко. Через несколь-

ко дней части кавалерийского корпуса совместно с партизанскими отрядами разгромили «альпийских стрелков».

По инициативе Скокова подпольщики похитили из бывшего колхозного склада большое количество шерсти и овчин, с помощью односельчан сшили и связали теплые вещи для партизан и бойцов Красной Армии. По сообщению патриотов-подпольщиков бойцы отряда «Яков» захватили немецкий обоз с хлебом в селе Урожайном и отправили в распоряжение советских войск 200 центнеров пшеницы и 40 центнеров проса. Выполняя задания советского командования, подпольщики переправили через линию фронта 40 добровольцев в части корпуса Кириченко, прятали и лечили раненых бойцов. Члены подпольной организации неоднократно минировали дороги. На одной из поставленных ими мин в селе Величаевском подорвалась немецкая танкетка вместе с экипажем.

Активная деятельность юных мстителей и левокумских партизан привела к тому, что к концу 1942 года в Величаевское не осмеливались появляться даже местные полицейские. Немецкое командование, обеспокоенное этим, предприняло ряд мер для того, чтобы выявить местных жителей, которые помогали частям Красной Армии и партизанам.

6 декабря 1942 года в Величаевское прибыл карательный отряд. Подлую роль в раскрытии фашистами подпольной комсомольской организации сыграли предатели из местного населения. Пытаясь выяснить роль каждого участника подпольной организации в антифашистской борьбе немецкие каратели во время допроса подвергли юных патриотов зверским пыткам и истязаниям. Но комсомольцы не выдали никого из своих товарищей по подпольной работе. Больше всех допрашивался Александр Скоков. Ему устраивали очные ставки с другими подпольщиками, провоцировали его тем, что все они сознались, не раз инсценировали расстрел, но мужественный юноша заявлял, что он действовал один.

Показав стойкость и мужество, великую преданность своей Родине, никого не выдав, героически погибли от рук фашистов А. Скоков, К. Напханюк, В. Обмачевский. Пожертвовав собой, они спасли жизни остальным участникам подпольной комсомольской организации.

Большинство подпольщиков после расстрела патриотов вместе с семьями партизан были высланы из села Величаевского. Сестры Наталья и Анна Антоновы были расстреляны в Прикумске, а Таисия Барко - в Урожайном. Михаил Заворотынский в 1943 году ушел добровольцем в Красную Армию и героически погиб в бою. Екатерина Обмачевская, находясь в разведке осенью 1942 года, сильно простудилась, в результате чего умерла в 1944 году.

Так героически помогли юные патриоты Ставрополя своей Родине. Имена участников величаевской подпольной организации вписаны навсегда в историю края.

*Л. А. Польская, Т. Н. Колтикова, сотрудники Центра документации новейшей истории Ставропольского края.
Из буклета "Чтобы помнили..."*

ПЕСНЯ О ВЕЛИЧАЕВСКИХ МОЛОДОГВАРДЕЙЦАХ

Музыка : Н. Ф. Зинченко

Слова: Г. Орловского

Чуть слышно в ночи камыши зашуршали –
Прикумские плавни про подвиг недавний
Задумчиво, тихо поют:
Мы помним ребят, что в борьбе возмужали,
Они тут сражались и с жизнью расстались
В суровом, неравном бою.

Когда в голубые степные просторы
Неласковым летом с багровым рассветом
Фашистские орды пришли,
Им путь преградили не плавни и горы,
А люди подполья, бойцы Ставрополя,
Солдаты Советской земли.

В те дни поднялась Величаевка наша
Незримой стеною, засадой степною
Повсюду врага стерегла.
Здесь юная гвардия Скокова Саши
Громила бандитов и вражьих наймитов,
Стреляла, взрывала и жгла.

Былинную, гордую славу стяжали
Степные орлята Отчизны крылатой,
Навеки любимой земли.
Они комсомольскую клятву сдержали,
За дело святое пав смертью героев,
Бессмертье свое обрели.

Друзья, помянем добрым, ласковым словом
Простых и отважных, лихих и бесстрашных
Бойцов, не свернувших с пути.
С высокою думой о подвиге новом,
Все силы и знания, мечты и дерзання
Отчизне своей посвятим.

*Всех Героев не назвать, но их помнят.
В их честь называют
дома, улицы, площади.
В память о них горит Вечный Огонь...*

*В 1960 году Ставропольский крайком
ВЛКСМ издал открытку с призывом
о возведении памятника
Величаевским молодогвардейцам*

* Ставропольский скульптор Ю. Ананьин создал проект памятника, архитектор М. Щукин воплотил проект в жизнь. Создателям памятника удалось выразить благородные чувства людей, поднявшихся на смертный бой с врагами Отечества.

* Постамент, выложенный плитами, символизирует людей, которые помогали подпольщикам. Юноша с факелом в руке, гордо вставший на пути злых сил, - олицетворение горьковского Данко. На монументе высечены слова: «У храбрых есть только бессмертие, смерти у храбрых нет...»

* 26 мая 1963 года состоялось торжественное открытие памятника. В 1965 году у подножия памятника зажжён Вечный Огонь.

АЛЕКСАНДРУ СКОКОВУ

Чудовищной та выдалась зима:
Война терзала земли Ставрополя.
Предательством была обречена
На гибель группа юного подполья.

Рассвет вставал над степью, словно рок.
Холодный, мрачный и неотвратимый.
Мелькнули тени и наискосок
Неспешно побрели куда-то мимо.

И растворились в мглистой темноте,
И тишина зловещая нависла.
В предутренней беззвучной пустоте
Раздался вдруг сухой и резкий выстрел.

Он эхом грозным ринулся в поля,
Несломленную гордостью пропитан.
И приняла промёрзшая земля
Горячей крови жертвенный напиток.

И боль прогорклой дымкой поплыла,
В селе собака тягостно завывала.
Вдруг в доме потемнели зеркала,
Улыбка где не так давно светила.

А мать, собрав съестного в узелок,
Прижав его к груди, как драгоценность,
Идёт к подвалу. Там её сынок.
Она его накормит непременно.

Подвал теперь - фашистская тюрьма.
Забрали сына. Мучают. Пытают.
От голода шатается сама,
К сыночку поскорей дойти мечтает.

Ах, милая, напрасно ты идёшь.
Гостинца твоего уже не надо:
Среди декабрьских вздыбившихся порош
Там ждёт тебя немыслимость утраты.

И горе материнское взвилось
Ввысь птицей чёрной, стону не переча,
Но там ему опоры не нашлось:
Тяжёлым камнем рухнуло на плечи.

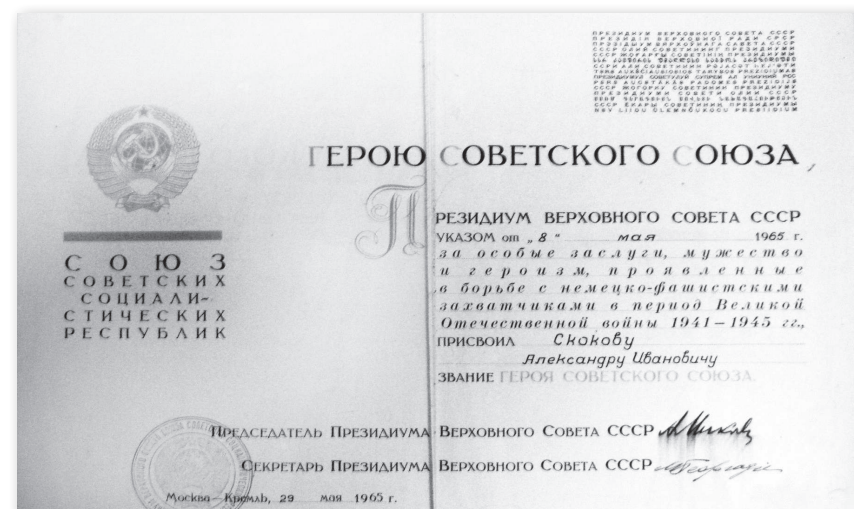
Расплющило, сдавило, обожгло!
И замер крик, запутавшись в гортани.
Ещё не знало спящее село:
Сын никогда не возвратится к маме!

«Да как же это? Шурочка, сынок!» -
В беспамятстве её шептали губы.
«О, Господи, как ты позволить смог,
Чтоб к нам пришли злодеи-душегубы

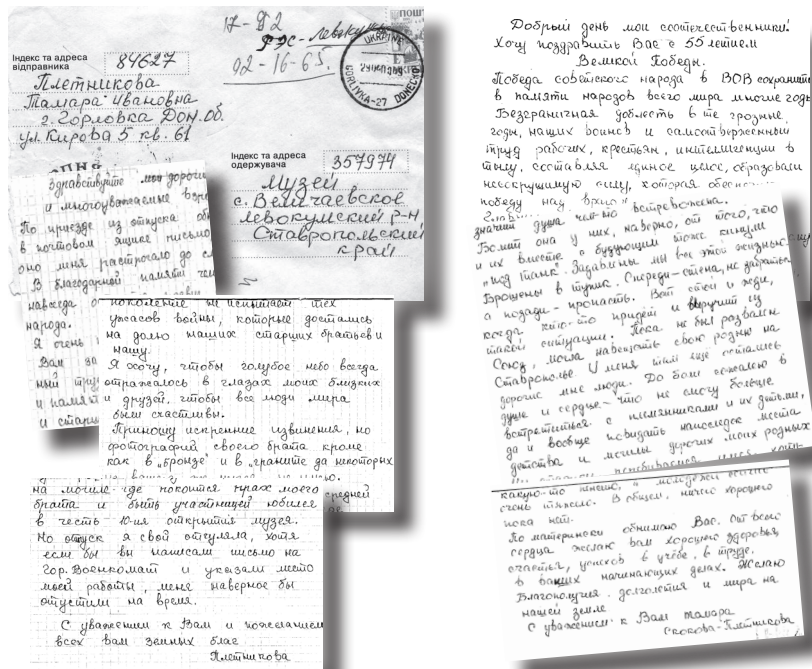
И юную отнять посмели жизнь?» -
Метались безответные вопросы.
А по щекам безудержно лились
Горючие беспомощные слёзы.

Погасла жизнь в кровавой той войне,
Восславив героическое племя.
А «ходики», прижившись на стене,
Безжалостно отсчитывали время.

М. Лунёва

Переписка Т. И. Плетниковой (Скоковой) с работниками Величаевского музея, следопытами

*Погибшие живут среди живых,
Ушедшие ушли, чтобы вернуться.
Во всех сердцах, во всех домах людских
Неслышимые шаги их раздаются.*

Александр Скоков (расстрелян 7 декабря 1942 года), Кузьма Напханюк и Василий Обмачевский (расстреляны 9 декабря 1942 года), дочери партизана Наталья и Анна Антоновы (расстреляны в декабре 1942 года), Таисия Барко (зверски замучена в декабре 1942 года), Екатерина Обмачевская (осенью 1942 года долго находилась в плавнях, простудилась и после продолжительной болезни умерла в 1944 году), Михаил Заворотынский (после освобождения села от оккупантов добровольно ушёл на фронт и погиб в боях под Керчью в 1944 году). Наталья Калайтанова, Лидия Карабутова, Мария Бойко, Александра и Мария Фелицины, Лариса Скокова (ушли из жизни в мирное время).

МУЗЕЙ ВЕЛИЧАЕВСКИХ МОЛОДОГВАРДЕЙЦЕВ

Это связующее звено между прошлым и будущим. В музее хранится память об истории образования Величаевского, о первых жителях, героическом подвиге величаевских подпольщиков. Село богато историческими событиями.

В работе по созданию и оформлению музея участвовали почти все жители района. Партийные, комсомольские и пионерские организации принимали непосредственное участие в открытии музея. Расходы на его создание были распределены между организациями и учреждениями, а комсомольцы на субботниках зарабатывали деньги и перечисляли их в фонд строящегося музея. В село Величаевское были приглашены художник Владимир Николаевич Кузнецов, который вёл оформительскую работу, и научный сотрудник Отюцкая Антонина Ивановна из краеведческого музея им. Прозрителева и Праве для создания экспозиций.

Музей величаевских молодогвардейцев среди остальных строений по улице Скокова можно найти по ажурной ограде, за которой разбит пышный цветник, и мемориальной табличке на стене. Некогда это была обычная хата под камышовой крышей, в которой жила семья Ивана Скокова, и здесь же был арестован Александр Скоков.

Мемориальный музей молодогвардейцев величаевского подполья со временем перерос в информационный центр – хранилище всего, что несет на себе следы истории как села Величаевского, так и Левокумья в целом. Пройдя по залам, можно по фотографиям, документам, предметам быта, утвари, старинным сельхозорудиям, одежде, боевым снарядам, проржавевшему оружию, осколкам, и многому другому проследить историю заселения этих пустынных земель в 1848 году первыми семьями беженцев от произвола царского режима из Таврической губернии, образования первых коммун, становления Советской власти, годы Великой Отечественной войны... И так до наших дней. Каждая деталь, каждый экспонат, представленные в музее, волнуют своей исторической правдой.

Музей величаевских молодогвардейцев – Центр патриотического воспитания детей и молодежи края, который способствует возрождению нравственно-патриотических и исторических традиций на многонациональном востоке Ставрополя. Ежегодно в музее проводятся экскурсии, лекции, тематические вечера, встречи с ветеранами Великой Отечественной войны.

[/adminlmr.gosuslugi.ru/o-munitsipalnom-obrazovanii/](http://adminlmr.gosuslugi.ru/o-munitsipalnom-obrazovanii/)

* Книга Смолякова В. А. «Подвиг величаевских молодогвардейцев» вошла в летопись «сороковых-роковых» лет символом нестигаемого мужества, самопожертвования и величайшего патриотизма.

[/vk.com/wall-224152537](https://vk.com/wall-224152537)

ЭТО НУЖНО ЖИВЫМ

В холодные, зимние дни расстреляли юных патриотов. Но разве можно расстрелять память в сердцах тысяч, пришедших им на смену. Помнить подвиги тех, кто даровал нам право на жизнь - наш долг.

В постановлении бюро крайкома ВЛКСМ от 13 мая 1965 года «Об увековечении памяти величаевских комсомольцев-подпольщиков и усилении воспитания молодежи на революционных и боевых традициях» предлагалось обращаться с ходатайствами о присвоении имени А. Скокова и величаевских молодогвардейцев улицам в Ставрополе, Невинномысске, Нефтекумске, Прикумске, в селах Левокумское, Советское, школе-интернату № 1 Ставрополя... Десятки пионерских отрядов, дружин, комсомольских организаций, трудовых молодежных коллективов и звеньев боролись за право называться именем Александра Скокова, других героев подполья.

По крупицам восстанавливались события того времени. Молодежь встречалась с родными погибших подпольщиков, оставшиеся в живых молодогвардейцы были частыми гостями пионеров и комсомольцев.

* *Коровина Нина Васильевна* родилась в 1936 году в Величаевском. После окончания школы училась в техникуме, работала библиотекарем, избиралась депутатом местного и районного советов депутатов трудящихся, член Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры, занималась сбором материалов для комнаты Боевой и Трудовой Славы. Энтузиаст, следопыт, исследователь - Нина Васильевна - первый директор музея, который с момента открытия - главная достопримечательность Величаевского, Левокумья.

* *Николай Алексеевич Щербина* родился в 1951 году в Величаевском. После окончания школы работал слесарем в ремонтных мастерских совхоза «Величаевский», на ставропольском заводе «Электроавтоматика». После окончания сельскохозяйственного института Николай Алексеевич работал зоотехником, служил в ракетных войсках стратегического назначения. Был избран первым секретарем райкома комсомола, работал главой администрации Левокумского муниципального района. Проявлял живой интерес к работе музея, оказывал музею всестороннюю поддержку.

* *Кубок имени Героя Советского Союза Александра Скокова* по туристскому многоборью учрежден туристским клубом «Азимут» МОУ лицея № 10 Ленинского района города Ставрополя в январе 1998 году при поддержке администрации Ставрополя - Муравьевой В. Н.

В соревнованиях принимают участие команды Ставрополя, Кировского, Буденовского, Ипатовского, Андроповского, Александровского, Новоалександровского районов, городов Пятигорска, Буденновска, Невинномысска, Нефтекумска.

* *Районные соревнования по футболу* среди трудовых и школьных коллективов, памяти Героя Советского Союза Александра Скокова ежегодно проводятся в Величаевском. Кубок учрежден администрацией Величаевского сельсовета при поддержке администрации Левокумского муниципального района. Победитель соревнований среди школьников награждается кубком, среди трудовых коллективов - переходящим кубком, денежной премией, дипломом.

* *9 Мая салютует Отчизна в честь Великой Победы.* Разноцветными букетами вспыхивают праздничные фейерверки. Как дань благодарности тем, кто отстоял и не предал нашу землю, по инициативе администрации Величаевского сельсовета проводятся соревнования по мотоболу. Победитель награждается переходящим кубком, денежной премией. Соревнования - традиция чтить память о героическом прошлом величаевцев.

* В 1974 году в Величаевском на могиле А. Скокова установлен бюст, на могиле И. К. Дрогина - памятная надгробная плита.

* В 2007 году торжественно открыт новый памятник с портретами Героя Советского Союза А. Скокова, И. К. Дрогина.

* 14 октября 2008 года состоялась церемония перезахоронения в центр села останков В. Обмачевского и К. Напханюка.

Ежегодно 7 декабря, в день гибели А. И. Скокова, проходит молодежная краевая вахта Памяти. В полной тишине начинается героическая проверка. 16 юношей и девушек олицетворяют собой героев-подпольщиков из далекого сорок второго, как будто вновь вставших в строй. Скорбно и торжественно проходит минута молчания.

Представители молодежи дают клятву с честью пронести знамя Победы сквозь века: «Мы, ныне живущие, должны использовать все возможности, чтобы рассказать современникам о людях, которые жертвенно вставали в ряды защитников Родины...»

День памяти – Победы праздник.

*Несут венков живую вязь,
Тепло букетов красок разных,
чтоб не терялась с прошлым связь.
И илимы скорбные согреты цветом дыханьем полевым,
Прими, боец, как дар, все это,
ведь это нужно нам, живым!*

*Встреча родителей
величаевских
молодогвардейцев
и оставшихся
в живых
одпольщиков
в краеведческом
музее Ставрополя,
декабрь 1963 года*

*Нефтекумск,
на встрече
с молодогвардейцами,
в центре
Л. А. Карабутова*

*Музей величаевских
молодогвардейцев,
декабрь 1982 года.
40 лет подвигу
величаевских
молодогвардейцев*

** Памятник
величаевским
молодогвардейцам -
памятник
культурного регио-
нального наследия,
охраняется
государством.*

** Величаевцы
по мере возможно-
стей ремонтируют
памятник,
для многих поколений
именно с этого
памятника начина-
ется знакомство
с одной из
героических
страниц истории
Ставропольского
края времён
Великой
Отечественной
войны
(1941-1945).*

** 26 мая 1963 года
состоялось
торжественное
открытие
памятника
величаевским
молодогвардейцам*

*Калайтанова Н. Д.,
Скокова Т. А.,
Карабутова Л. А.*

*Улица имени
А. Скокова,
с. Величаевское*

*Лидия Андреевна
Карабутова
с пионерами
Величаевской
школы
в послевоенное
время*

*Отец
Кузьмы Напханюка,
на встрече
с комсомольцами
и молодежью села*

*Встречи
на Ставрополье
партизан,
подпольщиков,
ветеранов
Великой
Отечественной
войны
(1941-1945)*

*Встречи
на Ставрополье
партизан,
подпольщиков,
ветеранов
Великой
Отечественной
войны
(1941-1945)*

*Антонов
Алексей Леонтьевич,
Карабутова
Лидия Андреевна,
Колпакова (Скокова)
Лариса Ивановна,
Базалеев
Яков Григорьевич
на встрече
со школьниками,
04.11.1965г., Арзгир*

*Напханюк
Фёдор Евментьевич
в Величаевской
школе*

*В день открытия
памятника
величаевским
молодогвардейцам*

*Лидия
Андреевна
Карабутова
на встрече
со школьниками*

*Скокова
Татьяна
Алексеевна,
Колпакова
(Скокова)
Лариса Ивановна
на встрече
с пионерами*

*Поддубная
(Калайтанова)
Наталья Даниловна
с семьёй, 1974 год*

ХРОНИКА ПОДВИГА

Сентябрь 1942 - представителем левокумского партизанского отряда «Яков» И. К. Дрогиным на конспиративной квартире в с. Величаевском проведено инструктивное совещание с участниками подпольной комсомольской организации во главе с Александром Скоковым о борьбе против немецких оккупантов.

ЦДНИСК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 49. Л. 155.

Сентябрь 1942 - клятва члена антифашистской организации подписана основным составом комсомольцев-подпольщиков с. Величаевского.

ЦДНИСК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 49. Л. 16-17.

26 сентября 1942 - немецко-фашистские оккупанты обратились с воззванием к населению с. Величаевского с требованием выдачи партизан. Сборник документов и материалов. - Ставрополь, 1962. - С. 153. Октябрь 1942 - Александр Скоков прошел инструктаж в особом отделе 9-й дивизии 4-го кавалерийского корпуса и получил задание по развертыванию разведывательной и диверсионной работы в тылу врага.

ЦДНИСК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 49. Л. 53-54, 128.

6 декабря 1942 - полицией арестованы участники подпольной комсомольской организации с. Величаевского Александр Скоков, Кузьма Напханюк, Василий Обмачевский, Александра Фелицина и другие, подозреваемые в связях с партизанами. ЦДНИСК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 49. Л. 27. 7 декабря 1942 - расстрелян Александр Скоков, руководитель подпольной комсомольской организации с. Величаевского.

ЦДНИСК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 49. Л. 28.

9 декабря 1942 - расстреляны Кузьма Напханюк и Василий Обмачевский, члены подпольной комсомольской организации с. Величаевского.

ЦДНИСК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 49. Л. 28.

1943 - Михаил Заворотынский, бывший член подпольной комсомольской организации с. Величаевского, призван в ряды Красной Армии и погиб в этом же году в боях против гитлеровских захватчиков.

ЦДНИСК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 49. Л. 165

Январь 1943 - арестована Таисия Барко по подозрению в связях с партизанами и расстреляна в с. Урожайном Левокумского района.

ЦДНИСК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 49. Л. 165.

10 января 1943 - члены подпольной комсомольской организации с. Величаевского Анна и Наталья Антоновы вместе с матерью расстреляны на окраине г. Прикумска. ЦДНИСК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 49. Л. 66.

12 января 1943 - партизанские отряды Северной группы (входил в нее и Левокумский отряд «Яков») освободили с. Величаевское Левокумского района.

ЦДНИСК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 4. Л. 53.

12 января 1943 - комиссией Левокумского райкома комсомола составлен акт о зверствах, совершенных немецкими оккупантами над молодежью с. Величаевского в декабре 1942г. В документе указаны: Александр Скоков, погибший за подпольную деятельность против фашистов, сестры Анна и Наталья Антоновы, Кузьма Напханюк, Василий Обмачевский.

ЦДНИСК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 372. Л. 16.

23 января 1943 - частями Красной Армии совместно с партизанскими отрядами вся территория Ставропольского края освобождена от немецко-фашистских захватчиков.

ЦДНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 610. Л. 1.

19 марта 1943 - Ставропольский крайком ВКП(б) получил с фронта письмо Ивана Андреевича Скокова (отца Александра Скокова), написанное 1 февраля 1943 в связи с опубликованием в газете «Правда» статьи М. А. Суслова «В освобожденном крае». В письме сообщается о радости по поводу освобождения края от немецко-фашистских захватчиков, готовности дальше защищать Родину, выражается тревожное беспокойство о судьбе своей семьи, проживавшей в с. Величаевское, из-за отсутствия сведений в течение 9 месяцев.

25 мая 1943 - составлена докладная записка Левокумского райкома ВКП(б) о боевых действиях партизанского отряда Левокумского района в тылу врага, в которой указаны фамилии А. Скокова и Н. Калайтановой, выполнявших задания отряда, а также геройской гибели Александра Скокова.

ЦДНИСК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 4. Л. 224-226.

12 мая, 10 сентября 1965 - Указами Президиума Верховного Совета СССР за особые заслуги, мужество и отвагу, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны (1941-1945), награждены медалью «За отвагу» члены подпольной комсомольской организации с. Величаевского Левокумского района Анна Алексеевна Антонова (посмертно), Наталья Алексеевна Антонова (посмертно), Таисия Ивановна Барко (посмертно), Михаил Иванович Заворотынский (посмертно), Лидия Андреевна Карабутова, Лариса Ивановна Колпакова (Скокова), Кузьма Федорович Напханюк (посмертно), Василий Захарович Обмачевский (посмертно), Екатерина Трофимовна Обмачевская (посмертно), Мария Михайловна Парамонова (Фелицина), Наталья Даниловна Поддубная (Калайтанова), Александра Михайловна Фелицина.

Ставропольская правда. - 1965. - 12 мая, 10 сент. - С. 1.

13 мая 1965 - бюро крайкома ВЛКСМ приняло постановление «Об увековечении памяти величаевских комсомольцев-подпольщиков и усилении воспитания молодежи на революционных и боевых традициях». В нем, в частности, указано отделам пропаганды и агитации крайкома, горкомов и райкомов ВЛКСМ обратиться с ходатайством

«в соответствующие органы о присвоении имени А. Скокова и величаевских молодогвардейцев улицам в гг. Ставрополе, Невинномыске, Нефтекумске, Прикумске, в селах Левокумское, Советское, школе-интернату №1 Ставрополя...» ЦДНИСК. Ф. 63. Оп. 5. Д. 5. Л. 219
14 мая 1965 - секретарь крайкома ВЛКСМ В. Казначеев обратился в краевой комитет КПСС с запиской сделать с. Величаевское историческим местом «...всеобщего поклонения подвигу юных патриотов и воспитания молодежи на героических традициях», для чего решить следующие вопросы: создать музей величаевских молодогвардейцев; благоустроить с. Величаевское; создать туристскую базу; улучшить материальное положение родных и близких погибших величаевских молодогвардейцев.

ЦДНИСК. Ф. 1. Оп. 23. Д. 50.

20 мая 1965 - бюро крайкома КПСС (протокол № 14) положительно отнеслось к вопросам, поставленным в записке секретарем крайкома ВЛКСМ В. Казначеевым и связанным с подпольной деятельностью комсомольской организации с. Величаевского.

ЦДНИСК. Ф. 1. Оп. 23. Д. 49. Л. 22-23.

18 марта 1968 - краевым комитетом комсомола учреждена премия имени Героя Советского Союза Александра Скокова за лучшее произведение в области литературы и искусства.

ЦДНИСК. Ф. 63. Оп. 8. Д. 9. Л. 154-155.

26 октября 1968 - премия имени Героя Советского Союза Александра Скокова впервые присуждена В. Гнеушеву и А. Попутько за книгу «Тайна Марухского ледника» и композитору Н. Зинченко - руководителю хора мальчиков Ставрополя за пропаганду произведений о молодежи и комсомоле.

ЦДНИСК. Ф. 63. Оп. 8. Д. 12. Л. 63.

23 мая 1969 - состоялся вечер чествования первых лауреатов премии имени Героя Советского Союза Александра Скокова в присутствии матери героя Татьяны Алексеевны Скоковой в помещении Лермонтовской галереи г. Пятигорска.
26 января 1978 - вышло постановление краевого комитета ВЛКСМ о создании к 25 апреля 1978 музея величаевских молодогвардейцев в средней школе № 1 с. Величаевского Левокумского района.

ЦДНИСК. Ф. 63. Оп. 18. Д. 9. Л. 3-4.

4-5 декабря 1982 - в Величаевском Левокумского района проведена краевая вахта Памяти, состоялся отчетный концерт лауреатов премии имени Героя Советского Союза Александра Скокова, посвященный 40-летию подвига величаевских молодогвардейцев.

ЦДНИСК. Ф. 63. Оп. 25. Д. 39. Л. 27, 59- 69;

Молодой ленинец. - 1982. - 4 дек. - С 1; 7 дек. - С. 1; 8 дек. - С. 1.

*Алексей Леонтьевич Антонов
с комсомольцами
с. Величаевского
по партизанским
тропам,
ноябрь 1966 год*

*Татьяна Алексеевна Скокова
на встрече
у бюста Саши
в Левокумском*

СТАВРОПОЛЬСКИЙ ПОДПОЛЬЩИК

В августе 1942 года, когда на Ставрополье пришли немцы, 17-летний Саша Скоков собрал сверстников - вчерашних школьников, создал подпольную организацию. Девчонки и мальчишки дали клятву «Бороться до последнего вздоха за общее дело победы над фашистской сволочью». Через несколько месяцев активной подрывной работы в тылу Сашу и его товарищей схватили, пытали, расстреляли. Спустя 20 лет после Победы Александру Скокову посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

Отец героя - И. А. Скоков был учителем, работал в колхозах счетоводом. «Грамотных людей на селе тогда было мало, его, как образованного, переводили из одного колхоза в другой. Какое-то время работал в селе Урожайном. Саша учился там в шестом и седьмом классе, окончив семилетку на «отлично». Мама - Татьяна Алексеевна растила детей, в семье было четверо. Саша - старший», - рассказывает директор музея величаевских молодогвардейцев В. Гринько. В Величаевское Скоковы переехали в 1939 году. Их поселили в колхозном доме. Там и собирались юные подпольщики. С 1978 года в доме находится музей величаевских молодогвардейцев. В одной из комнат сохранена домашняя обстановка: кровать с домотканым покрывалом, этажерка с книгами, патефон, часы, гитара...

«Активное участие принимал в художественной самодеятельности. Пользовался авторитетом среди учащихся», - писал М. Князев, преподаватель военного дела Левокумской средней школы (строки из письма учителя приводятся в книге «Земляки» Л. Киселёва).

«Из ребят Шура Скоков был, пожалуй, самым тактичным, вежливым, учтивым. Не суетлив ни в действиях, ни в мыслях. До сих пор в памяти его ровный, спокойный, уверенный голос. Ему верили ученики, учителя, и он не подводил», - приводит историк А. Кругов воспоминания учителя истории, фронтовика М. Ковалёва.

«В 1940 году ребята избрали его руководителем комсомольской организации школы, а летом А. Скоков возглавлял пришкольный лагерь в Урожайном», - рассказывает В. Гринько.

В августе 1942 года, после начала оккупации, в районе был создан партизанский отряд «Яков», который базировался недалеко от Величаевского - на заросших камышами островах-плавнях реки Кумы. Командир взвода разведки партизан - мобилизованный с фронта после тяжёлого ранения, партийный секретарь колхоза «Красный овцевод» И. Дрогин был наставником юных подпольщиков. Инструктировал, не раз ходил с ними на боевые операции. Молодогвардейцы

выполняли задания и находившегося в 15 км от села особого отдела 9-й дивизии 40-го кавалерийского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Н. Кириченко. Комсомольцы-проводники по плавням переправляли партизан и бойцов Красной Армии в важнейшие для разведчиков пункты, получали разведывательные данные о технике врага, составе воинских частей противника, мероприятиях фашистской власти.

Отец Шуры - И. А. Скоков в это время был на фронте. Узнав о смерти Саши, так и не оправился от горя. Вернувшись в село, он часто по ночам ходил к месту захоронения сына, где подолгу разговаривал с ним и рыдал. Он рано ушёл из жизни. На месте расстрела ребят установлен гранитный монумент. Похоронены А. Скоков, В. Обмачевский, К. Напханюк в парке села Величаевского. Там же покоится партизан И. К. Дрогин. Он погиб в декабре 1942-го, попав в засаду к немцам. С ним был 17-летний разведчик Пётр Базалеев. Юноша похоронен в селе Арзгир, в братской могиле.

В сёлах Левокумском, Величаевском именем А. Скокова названы улицы. На здании Левокумской школы в его честь открыта памятная мемориальная доска. В Ставрополе постамент с бюстом А. Скокова установлен во дворе лицея № 10.

slav.aif.ru/society/history/

ТЫ ЖИВ, МОЙ МАЛЬЧИК, ТЫ НЕ УМЕР

На Левокумской земле установлен бронзовый бюст Герою Советского Союза А. Скокову. На бронзовых губах почти неприметная улыбка, стелются по ветру бронзовые пряди волос. По тропинке к памятнику подходит женщина. Осторожно прикасается к нему рукой, трогает отворот бронзовой рубашки, и столько боли в глазах. «Здравствуй, сын, - тихонько говорит она. - Ты жив, мой мальчик, ты не умер».

/stavmuseum.ru/news/k-yub

ЗА ОБОРОНУ КАВКАЗА

Сотни ставропольских партизан награждены медалью «Партизану Великой Отечественной войны», учреждённой Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2.02.1943. В 1944 учреждена медаль «За оборону Кавказа», в числе награждённых - имена величаевских подпольщиков.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8.05.1965 А. Скокову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. П. Базалеев награждён орденом Отечественной войны 2-й степени. 11 подпольщиков - медалью «За отвагу», из них шестеро посмертно. Командир взвода партизанской разведки, наставник молодых подпольщиков А. К. Дрогин награждён орденом Отечественной войны 1-й степени.

Н.Судацков// Ставроп. хронограф

ГОЛОС ПАМЯТИ

*Александру Скокову,
Василию Обмачевскому,
Кузьме Напханюку*

Врагу в лицо смотрели смело,
Боролись за святое дело.
В селе у нас ещё все спали,
А их на зорьке расстреляли.
Упали рядом, там, в саду,
Раскинув руки на снегу.
И опрокинулась земля,
Кругом пошла и замерла.
А им ведь так хотелось жить,
Косить, рыбачить и любить!
Был выбран ими путь иной.
Вступив с врагом в неравный бой,
Они сражались, как могли,
Громили и взрывали, жгли.
За Родину, за мать, за брата
В бой поднимались те ребята.
Мальчишки - смелые сердца,
Стояли насмерть до конца.
Всех помним их, и стар, и мал,
Кто жизнь свою за мир отдал,
Мы знаем, что их подвиг свят
Тех величаевских ребят...
Сегодня в ясный, светлый день
В своём саду возьму сирень,
К святому месту я приду,
И там сирень ту посажу.
Вот и соседка подошла,
Она тюльпаны принесла.
Еле дошёл и дед Егор,
Смахнул слезу и нос утёр.
Вся улица собралась здесь
Пришедших земляков не счесть.
И мы склонились низко-низко
У небольшого обелиска.
Там лишь два слова сверху вниз -
«Остановись и поклонись!»

С. Золотухина

Встреча бойцов партизанского отряда «Яков» в Левокумском РК КПСС, май 1977 года.

Встреча партизанского отряда «Яков» в Левокумском РК КПСС, май 1977 года.

Встреча партизанского отряда «Яков» в Левокумском РК КПСС, май 1977 года.

Встреча бойцов партизанского отряда «Яков» в Левокумском РК КПСС, май 1977 года.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- * Величаевские герои-комсомольцы. - Ставрополь: Кн. изд-во, 1963. - 3с.
- Казначеев В., Иванько Н., Юная гвардия Ставрополя. - Ставрополь: Кн. изд-во, 1970. - 244с. С. 128-130, фото: [О подвиге величаевских молодогвардейцев].
- * Попик Е., Величаевские молодогвардейцы. - Ставрополь: Ставроп. правда, 1950. - 39с.
- * Созвездие славных: Герои Советского Союза Ставрополя и Карачаево-Черкесии (1938-1988) / Авт.-сост. О. П. Дausон, В. Г. Остапенко. - Ставрополь: Ставроп. краев. тип., 1996. - 540 с.: фото. С. 71-73: [Скоков Александр Иванович].
- * Дмитриева М. Через века, через годы помните! // Молодой ленинец. - 1978. - 1 нояб. - С. 1-3.
- * Об открытии музея величаевских молодогвардейцев в доме А. Скокова. Карабутова Л. Смелые сердца // Светлый путь, Левокумский р-н.-1967.
- * Колпикова Т., Величаевские подпольщики // Памятники Отечества: (Земля Ставропольская). - 2000. - № 4. - С. 113-115, фото.
- * Коротин А., Величаевцы // Опаленная земля. - Ставрополь, 1985. С. 41-60.
- * Коротин А., Там, где плавни // Ответный удар. - Ставрополь, 1983-С.149-168.
- * Кошкина Л., Величаевское подполье: [О героизме юных подпольщиков из Величаевского] // Ставроп. губ. ведомости. - 2000. - 4 мая.
- * Мовзалевский В., Подпольщики из Величаевского // Молодой ленинец. - 1988, 25 февр.
- * Плоское Ф., Обыкновенное бессмертие: Повесть//Кубань. - 1967. - № 5. - С. 51-87.
- * Свиридов А., Алое пламя яблони... // Молодой ленинец. - 1987. - 29 окт.
- * Теплицкий И. 3., Величаевские молодогвардейцы // Теплицкий И. 3. Исторические памятники Ставрополя. - Ставрополь, 1960. - С. 39-42.
- * Христинин Ю., Здравствуй, сын // Ставроп. правда. - 1973. - 8 марта.
- * В. Смоляков, Под игом (Левокумье в годы оккупации (август 1942 - январь 1943)., Москва, 2003
- * В. Смоляков, Подвиг величаевских молодогвардейцев, Ставрополь, 2015, 48 с.
- * В. Смоляков, Партизанский отряд «Яков» Левокумского района (август 1942 - январь 1943), Элиста, 2017.
- * «Мы выступали за комсомолом» (К 100-летию со дня рождения пионерской организации имени В. И. Ленина) - автор-составитель Т. С. Карабутова, Новопавловск, 2023.
- * Использованы документы, фотоматериалы архива музея величаевских молодогвардейцев, филиала МКУК ЛМР «Историко-краеведческий музей имени В. Р. Ясинова». Первый директор музея - Нина Васильевна Коровина (1936-1987). В 1985 году музеем величаевских молодогвардейцев присвоено звание НАРОДНЫЙ. С момента открытия в музее побывало более 300 тысяч посетителей, фонд насчитывает более 2000 экспонатов. Тема подвига величаевских молодогвардейцев - главное, но не единственное направление работы музея величаевских молодогвардейцев. Сотрудниками музея собран обширный краеведческий материал - предметы быта, фотографии, документы, связанные с историей села Величаевского, сохраняется память о земляках - участниках Великой Отечественной войны (1941-1945), участниках СВО.

НРАВСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

* История величаевских молодоговардейцев - культурное, нравственное наследие Ставрополя. В Левокумском муниципальном округе прошло выездное совещание комитета Думы Ставропольского края по образованию, культуре, науке, молодежной политике, средствам массовой информации и физической культуре. Депутаты ознакомились с работой музея величаевских молодоговардейцев, Историко-краеведческого музея имени В. Р. Ясинова. «Цель - изучить культурно-историческое наследие округа, внести предложения о его развитии в современных условиях, чтобы с историей Величаевского молодежного подполья познакомилось как можно больше людей. Историю молодоговардейцев, уверен, должны знать далеко за пределами Левокумья и Ставрополя», - отметил В. Надин.

...На территории музея планируется построить отдельное модульное здание, установить дополнительное оборудование. Обсуждение исполнения краевого закона «О некоторых вопросах в области культуры в Ставропольском крае» в части сохранения исторического и культурного наследия, традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей» продолжилось на пленарном совещании. [/dumask.ru/info/](http://dumask.ru/info/)

*Группа общественников, учителя истории и обществознания средних образовательных школ Татарского муниципального образования совершили поездку в Величаевское Левокумского района. Инициатор экскурсии - Совет ветеранов Татарского муниципального образования при поддержке главы администрации поселения Р. Демченко.

Председатель Совета ветеранов села Татарка Н. Мясникова рассказала, что Величаевское выбрано не случайно. Эта тема близка, ведь она родом из-под Краснодона, что на Луганщине, где в период с сентября 1942-го и по январь 1943 года действовала антифашистская организация «Молодая гвардия». Героический подвиг молодоговардейцев из Краснодона известен всему миру. Им посвящён исторический роман А. Фадеева, художественная кинолента, на основе фадеевской книги продолжают ставить спектакли. Сегодня город Краснодон вновь в составе России. И память о патриотах, отдавших жизни за Родину, для краснодонцев по-прежнему свята, как и для всех россиян. На Ставрополье была своя подпольная организация, состоящая из 15-17-летних юношей и девушек, возглавлял которую А. Скоков.

Первоначально в группу входили Михаил Заворотынский, Василий Обмачевский, Кузьма Напханюк, Наталья Калайтанова, Лидия Карабутова. Чуть позже к подпольной работе привлечены Александра Фелицина, Таисия Барко, Мария Бойко, сёстры Антоновы, Анна и Наталья, Пётр Базалеев, 15-летняя Лариса Скокова – сестра Александра.

На территории Левокумья и в прилегающих к нему районах во время Великой Отечественной войны действовало несколько партизанских отрядов. Именно для партизан и добывали ценную информацию ставропольские молодоговардейцы. [/gazeta-njs.pf/](http://gazeta-njs.pf/)

*Инициатором патриотической акции марафон «Молодоговардейцы» вы-

ступила Ставропольская краевая библиотека для молодежи имени В. Сладневой при поддержке Министерства культуры Ставропольского края и Российской государственной библиотеки для молодежи. Это цикл телемостов с библиотеками России (Луганская Народная Республика, Ставропольский край, Краснодарский край, Республика Беларусь), посвященный празднованию Победы в Великой Отечественной войне.

С фашистами советские люди сражались не только на фронтах и в партизанских отрядах. Во многих оккупированных городах борьбу против фашистской нечисти вели подпольщики. На Ставрополье - подпольная молодежная организация «Величаевские молодоговардейцы» под руководством А. Скокова, на Луганщине, в Краснодоне - организация «Молодая гвардия». На территории Беларуси сражались в подполье более 70 тысяч человек. Создателем краснодарской подпольной молодежной группы, состоявшей из учеников десятых классов, был старшеклассник В. Головатый...

...К мероприятиям марафона привлечены студенты высших и средних учебных заведений, воспитанники военно-патриотических клубов, училищ, общественных организаций регионов. Девиз патриотического молодежного марафона: «Помните! Через века, через года - помните! О тех, кто уже не придет никогда - помните!». Акция «Молодоговардейцы» призвана показать, что живущим в новом веке, есть кем гордиться, о ком рассказать. Это героическая история великой страны. В ней всегда будут жить славные традиции героев. Газета «Ставропольская правда» от 12.02.2025

* - Чтим память величаевских молодоговардейцев, это является важным и значимым. Величаевские молодоговардейцы - символ мужества и самоотверженности для всех членов Ленинского комсомола Ставрополья. Великий подвиг комсомольцев села является источником вдохновения и силы, примером верности клятве, идеологии и любви к Родине, - отметил первый секретарь Ставропольского краевого комитета ЛКСМ РФ В. Фусточенко.

Участники подпольной комсомольской организации оказали большую помощь регулярным частям Красной Армии, находящимся в обороне в 10-15 километрах от села Величаевского. А. Скоков неоднократно переходил линию фронта, выполняя задания особого отдела 9-й дивизии 40-го кавалерийского корпуса, которым командовал генерал-лейтенант Н. Кириченко. При личном участии Скокова уничтожено 28 предателей, пленён фашистский комендант Величаевского и Урожайного, уничтожена фашистская разведчица Е. Кочетова.

[/kprf.ru/party-live/regnews/222985.html](http://kprf.ru/party-live/regnews/222985.html)

[*kprf26.ru/wp-content/uploads/](http://kprf26.ru/wp-content/uploads/)

[*/stavpravda.ru/20250210/patrioticheskiy_marafon_molodogvardeytsy](http://stavpravda.ru/20250210/patrioticheskiy_marafon_molodogvardeytsy)

[*/stav.aif.ru/society/history/smert_i_hrabryh_net_kak_yunyy_stavropolskiy](http://stav.aif.ru/society/history/smert_i_hrabryh_net_kak_yunyy_stavropolskiy)

[*/ya.ru/video/search?text=ГТРК_СтавропольеВЕСТИ-Ставропольский](http://ya.ru/video/search?text=ГТРК_СтавропольеВЕСТИ-Ставропольский)

[*/ya.ru/video/preview/5511055426788105363?text=молодоговардейцы](http://ya.ru/video/preview/5511055426788105363?text=молодоговардейцы)

[*Официальный сайт ГТРК «Ставрополье»](http://www.official-site-gtrk-stavropol.ru/)

[*Rutube канал /rutube.ru/u/stavropolye](http://rutube.ru/u/stavropolye)

[*/www.culture.ru/events/772982/bessmertnyi-podvig-molodogvardeyev](http://www.culture.ru/events/772982/bessmertnyi-podvig-molodogvardeyev)

Иван Карпович Дрогин

Родился в 1907г., в Ставрополе, член ВКП(б), с начала 1942 работал секретарем парторганизации к-за «Красный Овцевод» в Величаевском, ушел в партизанский отряд «Яков», где назначен командиром взвода разведки. Организатор и наставник комсомольско-молодежного подполья, поддерживал связь с А. Скоковым, инструктировал, учил молодых подпольщиков конспирации, вселял уверенность в неизбежной окончательной победе, ходил на боевые операции вместе с молодыми патриотами. С юным партизаном П. Базалеевым попал в засаду, чтобы не оказаться в плену врага, подорвал себя и противника последней гранатой. Ему было тридцать пять лет.

Александр Иванович Скоков

Родился 15 июля 1925г., с.Владимировка, член ВЛКСМ, активист ученической бригады школы № 5 с. Соломенского Степновского района, каждый месяц часть зарплаты перечислял на счёт райкома комсомола. Получив задание, собрал в Величаевском подпольную группу, которая помогла населению выжить в трудные дни оккупации, бойцам Красной Армии целенаправленной вести работу против врага. Рукou и сердцем написал Клятву молодогвардейцев. По доносу предателя арестован. Не выдал имён подпольщиков, расстрелян 7 декабря 1942 года, похоронен в сквере с.Величаевское, на центральной площади.

Пётр Яковлевич Базалеев

Родился в 1925г., с.Величаевское, член ВЛКСМ. Юный разведчик партизанского отряда «Яков». Вместе с И. К. Дрогиным поддерживал связь с подпольной комсомольско-молодёжной группой, снабжал её сводками Совинформбюро, газетой «Орджоникидзевская правда», издаваемой на неоккупированной территории края.

В декабре 1942 года при выполнении боевого задания с И. К. Дрогиным попал в засаду. Будучи раненым, схвачен немецкими карателями и этапирован с. Арзгир, где находилась особая часть СС. После мучительных пыток, не проронив ни слова, был закопан живым. Похоронен в братской могиле в селе Арзгир.

Кузьма Фёдорович Напханюк

Родился в 1924г., с.Величаевское, член ВЛКСМ. Один из активных членов подпольной организации. Собирал разведывательные данные, снабжал медикаментами и перевязочными материалами укрываемых от фашистов раненых бойцов советского диверсионного отряда.

Участвовал в минировании дорог. Схвачен фашистами по доносу предателя.

Проявив стойкость и мужество, героически погиб от рук фашистов 9 декабря 1942 года. Похоронен на гражданском кладбище в селе Величаевском. 14 октября 2008 года состоялось перезахоронение останков подпольщика в сквер в центре с. Величаевское.

Василий Захарович Обмачевский

Родился в 1924г., с.Величаевское, член ВЛКСМ, помощник А. Скокова, минировал дороги, похищал немецкие мины и переправлял партизанам. Проводил антифашистскую пропаганду, разведчик. При активном участии В. Обмачевского была проведена операция, во время которой партизанами уничтожены немецкий комендант, староста села и несколько предателей. Схвачен фашистами по доносу предателя, перевозимал жестокие пытки. Расстрелян карателями вместе с К. Напханюком 9 декабря 1942 года. Похоронен на гражданском кладбище в Величаевском. 14 октября 2008 года состоялось перезахоронение останков подпольщика в сквер в центре села Величаевское

Екатерина Трофимовна Обмачевская

Родилась в Величаевском, в 1924 году. Член ВЛКСМ.

По заданию руководства подпольной организации занималась сбором разведывательных данных, вела наблюдение за продвижением немецко-фашистских частей из «секрета», устроенного в камышах. Постоянная сырость сказалась на здоровье девушки.

Умерла после продолжительной болезни в ноябре 1944 года.

Похоронена на старом кладбище в селе Величаевском.

Михаил Иванович Заворотынский

Родился в Величаевском, в 1925 году. Член ВЛКСМ. Друг и активный помощник А. Скокова. Мише было дано особое задание – поручили распространять листовки, выдумывать ложные слухи о появлениях партизан там, где их не ожидалось. Собирал сведения разведывательного характера, рассказывал о положении на фронте, распространял сводки Совинформбюро. Принимал участие в доставке партизанам боеприпасов, похищенных у немецких оккупантов. После освобождения села, (1943) добровольно ушёл на фронт. 15.01.1944 года героически погиб в боях за город Керчь. Похоронен в братской могиле около завода имени Войкова.

Лариса Ивановна Скокова

Родилась в селе Величаевском, в 1927 году. Член ВЛКСМ. Пятнадцатилетняя комсомолка осознала необходимость борьбы с врагом, была правой рукой старшего брата, распространяла листовки, пряча их в корзинке под куклами; наблюдала за немцами, за передвижением их техники. Сведения передавала брату Шуре. Вместе с другими, девушка собирала теплые вещи для партизан. Юная подпольщица осуществляла связь между членами молодежной организации. Умерла 13 августа 1985 года. Похоронена на гражданском кладбище в селе Левокумском.

Мария Михайловна Фелицина

Родилась в 1927г., с.Величаевское, член ВЛКСМ, выполняла патрулирование по селу с целью предупреждения появления карателей. Проводила беседы с населением, распространяла сводки Совинформбюро и газету «Орджоникидзевская правда». Умерла 8.03.2008 года. Похоронена в Ульяновске.

Александра Михайловна Фелицина

Родилась в 1924г., с.Величаевское, член ВЛКСМ, вела антифашистскую пропаганду, принимала участие в сборе и изготовлении тёплых вещей для партизан. Знание немецкого языка позволяло добывать ценные сведения. Арестовывалась фашистами, допрашивалась, но за неимением улик, освобождена из-под ареста. Умерла 8.03.2002 года. Похоронена в городе Ульяновске.

Мария Фёдоровна Бойко

Родилась в Величаевском, в 1926 году. Член ВЛКСМ. Участвовала в проведении разъяснительной работы среди населения: читала газеты жителям села, расклеивала листовки, распространяла сводки Совинформбюро.

Собирала тёплые вещи и продукты для бойцов Советской армии и партизанского отряда «Яков». Приносила ценные сведения в штаб подполья о расположении немцев по квартирам, об их вооружении.

Умерла 1 января 1982 года. Похоронена на гражданском кладбище в селе Величаевском.

Таисия Ивановна Барко

Родилась в селе Урожайном, в 1924 году. Член ВЛКСМ. В подпольной организации была разведчица. Добывала сведения о расположении немцев в селе Урожайном, о складах с оружием. Девушка сообщила Скокову о предстоящем приезде в Величаевское немецкого коменданта с сопровождающими лицами, что помогло партизанам осуществить налёт на село и уничтожить карателей.

Схвачена фашистами в с. Урожайном, зверски убита. Похоронена в братской могиле.

Анна Алексеевна Антонова

Родилась в селе Величаевском в 1924 году.

Член ВЛКСМ.

Девушка вела активную подпольную работу в борьбе против фашистов. Вместе с сестрой распространяла листовки, собирала теплую одежду и продукты для бойцов Красной Армии, рассказывала людям правду о положении на фронте.

Расстреляна в городе Будённовске.

Наталья Алексеевна Антонова

Родилась в селе Величаевском в 1926 году. Член ВЛКСМ.

Принимала участие в изготовлении и сборе теплых вещей для партизан, в изъятии из фашистских складов шерсти, овчин. Расклеивала антифашистские листовки, собирала разведывательную информацию о немецко-фашистских воинских частях, их вооружении.

Расстреляна в городе Будённовске.

Наталья Даниловна Калайтанова

Родилась в селе Величаевском в 1923 году. Член ВЛКСМ. Активно вела работу против фашистов. Собирала сведения для частей Советской Армии, вместе с А.Скоковым неоднократно переходила линию фронта, встречалась с разведчиками 4-го Гвардейского кавалерийского корпуса. После разгрома подпольной организации была переправлена в расположение частей Красной Армии и в дальнейшем служила при штабе 9-й Гвардейской Краснознамённой Кубанской Кавалерийской дивизии. Награждена медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945г.г.»

Умерла 9.08.2003 года. Похоронена на Красноармейском кладбище в городе Волгограде.

Лидия Андреевна Карабутова

Родилась в селе Величаевском, в 1922 году. Член ВЛКСМ. Переходя линию фронта, передавала сведения разведывательного характера разведчикам 4-го Гвардейского кавалерийского корпуса. Расклеивала листовки на домах, собирала продукты, тёплые вещи для партизан и бойцов Красной Армии.

После разгрома подпольной организации через особый отдел Казачьего кавалерийского корпуса Кириченко была мобилизована в Красную Армию, где служила санинструктором, фельдшером. За участие в Великой Отечественной войне награждена медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Умерла в декабре 1994 года.

*Пусть годы ушли
во власть времен,
но мы то время
не забыли.
Мы не забыли их имен,
мы не забыли
их фамилий.*

*Погибшим –
Быть бессменно
на посту,
Им жить в названьях
улиц и былинах.*

*Их подвигов
святую красоту
Отобразят
художники в картинах.
Живым –*

*Героев чтить,
не забывать,
Их имена хранить
в бессмертных списках,
Об их отваге
всем напоминать
Дарить цветы
к подножьям
obeliskов.*

** Музей величаевских
молодогвардейцев
посетила делегация
Ставропольской крае-
вой общественной
организации ветеранов
(пенсионеров) войны,
труда, Вооружённых
Сил и правоохрани-
тельных органов
во главе с председателем
краевого Совета
ветеранов
А. П. Карабут*

9 Мая в Величаевском начинается шествием «Бессмертного полка». В год 80-летия Победы в одном строю с портретами участников Великой Отечественной войны величаевцы несли портреты, погибших в Афганистане, Чечне, на СВО. В шествии приняли участие родственники Величаевских молодогвардейцев: Шульгин Иван Иванович, Обмачевский Николай Михайлович, Антонова Надежда Ивановна, Гойник Вера Гавриловна, Заворотынская Нина Евгеньевна, Заворотынский Александр Михайлович, Гизикова Елена Николаевна.

Для участия в праздничных мероприятиях приехали внуки Ивана Карповича Дрогина - Наталья Кимовна Тарасова с мужем Тарасовым Сергеем Витальевичем (Астрахань), Лидия Кимовна Трофименко (Москва), внучка Ларисы Скоковой Наталья Алексеевна Жукова (Левокумское) со своим сыном. У памятника величаевским молодогвардейцам - торжественная программа «В сердце ты у каждого, Победа!».

Открыл мероприятие начальник территориального отдела с. Величаевского Чернов М. А., поздравления с Днём Победы и благодарности за память прозвучали от Жуковой Натальи Алексеевны, Тарасовой Натальи Кимовны. Собравшиеся почтили память павших в Великой Отечественной войне Минутой Молчания, возложили цветы к монументу, посетили музей Величаевских молодогвардейцев, могилы подпольщиков, проехали по улицам, названных в честь Героев.

Семья Гавриловых - Светлана Яковлевна, Алексей Михайлович, их дети Евгений, Ольга, внуки Мирон, Артем, Алиса, Алевтина, Агата - потомки Якова Тимофеевича Самойленко (Кисловодск), отмечая День Победы на земле отцов, дедов, прадедов, оставили записи в книге отзывов музея Величаевских молодогвардейцев. Наталья Кимовна Тарасова - народная артистка РФ, профессор Астраханской консерватории, подарила музею книгу о своей творческой и педагогической деятельности.

*Сергей Васильевич
Поддубный,
сын Натальи
Калайтановой
в музее
величаевских
молодогвардейцев,
2013 год*

*В Величаевском
отметили
83-ю годовщину
подвига величаевских
молодогвардейцев.
В школе прошел
митинг-реквием
«Вечно помнить
нам завещано».
Память героев
почтили минутой
молчания, к памятни-
ку молодогвардейцев
возложили цветы,
на могилу А. Скоко-
ва - корзину с алыми
гвоздиками,
которую передали
участники соревно-
ваний Ставрополь-
ского края
по спортивному
туризму на кубок
Героя Советского
Союза А. Скокова.
В школьном музее
проведён
урок Памяти
«За Родину
отдавшие сердца»*

*Школьный
историко-
краеведческий музей
является центром
работы патриоти-
ческого, граждан-
ского, общекультур-
ного воспитания
учащихся. В музее
более десяти разде-
лов: «Седой солдат
расскажет внукам
про эту боль
своих времен...»,
«Вдов солдатских
нелёгкие судьбы»,
«Из истории села
Величаевского»,
«Голос пожелевших
фотографий»,
«Бойцы вспоминают
минувшие дни»,
«И теперь они
вечно глядят
нам в глаза»...*

*Руководитель
лекторской группы
Левокумского
районного
совета ветеранов
В. В. Мизин
на встрече
с учащимися*

В день Памяти А. Скокова в Урочище Таманская лесная дача (район кадетской школы имени генерала Ермолова А. П.), в Ставрополе, проводятся краевые соревнования по спортивному туризму на Кубок Героя Советского Союза Александра Скокова.

В церемонии открытия соревнований принимает участие заведующая музеем величаевских молодоговардейцев В. М. Гринько, которая рассказывает о создании и деятельности в годы Великой Отечественной войны подпольной организации. Участники соревнований узнают о судьбах юных героев, о том, что их подвиг помнят и чтят. Низкий поклон и вечная память героям-величаевцам, защитникам нашей Родины.

Нет, не забудем
никогда героев,
Что ради жизни шли
в бессмертный бой!

Левокумский районный историко-краеведческий музей открыт 8 октября 1999 года в здании бывшей школы грамотности - Годичного училища Министерства Просвещения России. В музее работают экспозиционные залы: «Древняя история Левокумья», «Великая Отечественная война», «История района». Вниманию посетителей представлены уникальные предметы этнографии, нумизматики, документы, фотодокументы, собранные в разные годы сотрудниками музея и жителями района.

В музее проводятся тематические экскурсии, лекции по истории Левокумья, организуются выставки из фондов музея, организаций, частных лиц. В октябре 2012 года Левокумскому районному историко-краеведческому музею присвоено имя Почетного гражданина Левокумского района, Почетного гражданина села Левокумского, историка-краеведа Василия Родионовича Ясинова.

* Муниципальное казенное учреждение культуры Левокумского муниципального округа Ставропольского края «Историко - краеведческий музей имени В. Р. Ясинова», 357960, Ставропольский край, Левокумский округ, с. Левокумское, ул. Карла Маркса 189, тел.: 8 86543 32151, E-mail: levmuseum@yandex.ru

* Филиал «Музей величаевских молодоговардейцев», 357974, Ставропольский край, Левокумский округ, с. Величаевское, ул. А. Скокова 187, тел.: 8 86543 54634

Музей расположен в здании, где жила семья руководителя подпольной организации А. Скокова. Это единственный дом-музей Героя Советского Союза, посвященный молодёжному подполью на территории Северного Кавказа

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление, А. П. Карабут.....4

Г. Е. Попик, Смелые сердца

Часть первая

МАЛЬЧИШКИ И ДЕВЧОНКИ

Хотели стать капитанами.....6

Вы нужны здесь.....29

С ответом не торопись.....37

Нашествие.....51

Друзья и подруги.....66

Клятва.....78

Кто здесь хозяин?.....85

Девочки работают.....96

Настоящее дело.....110

Часть вторая

ТАЙНАЯ ВОЙНА

Юноши становятся взрослыми....121

Кто кого.....130

Враг не дремлет.....138

Народ карает изменников.....145

Одного поля ягода.....159

Иван Карпович и Петя.....168

Продолжение «Овода».....176

Организация живет и борется.....189

После ночи.....197

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ 205

ПЕРЕДАЮТСЯ ПОКОЛЕНИЯМ 206

БОЛЬ И ГОРЕЧЬ УТРАТЫ..... 216

ЭТО НУЖНО ЖИВЫМ..... 224

ХРОНИКА ПОДВИГА..... 232

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ

СПИСОК..... 239

НРАВСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ240